Костёр

11
НОЯБРЬ
1968

У СМОЛЬНОГО

Фото Р. Мазелева

Костёр

11
НОЯБРЬ
1968

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Совет друзей 3

Дядя Костя и семеро богатырей
рассказ Л. РАДИЩЕВА 4

Гюнтер, Гюнтер и Детлеф
к пятидесятилетию революции в Германии 9

Короткая жизнь Алеши Кузнецова
очерк О. ТИХОМИРОВА 11

Страна Поэзия 15

Это было в Краснодоне
воспоминания В. ЛЕВАШОВА 18

Когда набирают „03“
репортаж Л. ЭФРОСА 27

Как я поняла, что я не самая-самая...
беседа Н. ГРУДИНИНОЙ 31

Из писем к детям
к юбилею И. С. ТУРГЕНЕВА 34

Альпинизм наоборот
очерк Л. СТЕКОЛЬНИКОВА 36

Чья шапка?
рассказ У. ТУРМАНЖАНОВА 40

Летающие кочевники
фантастическая повесть 42

Лыжня из глубины веков
заметки В. ТУРКИНА 49

Робин Гуд угощает шерифа
английская баллада 51

Морская газета 52

Нежелательная встреча
отрывок из книги М. ЦИММЕРИНГА 54

Что? Где? Когда? Почему?
заметки, фото, рисунки 57

Дупло старого дуба
пиши нам, пожалуйста 58

Уголок веселого архивариуса 60

Уголёк
журнал для малышей 61

Шахматы 63

Школа „Спринт“ 64

Библиотека КОСти ТЕРкина 64

На обложке рисунок В. Бескаравайного к очерку «Короткая жизнь Алеши Кузнецова»

КНИЖКА

Я книжку целый день читала
И оторваться не могла.
Потом над ней еще мечтала,
И в руки вновь ее взяла.
Хотя и тоненькая книжка,
А интересная была.
В ней партизанский жил мальчишка,
А с ним — геройские дела.
И я все время волновалась:
Минуй отважного, беда!
Я в путь с ним вместе отправлялась,
В путь, полный риска и труда...
Передо мной раскрыта книжка
В обложке серенькой, простой.
А в ней — отчаянный мальчишка,
И кажется, что он живой.

Галина Иванова, г. Елец, 7 класс

ДОЖДЬ

Я люблю, когда большие капли
Режут воздух вдоль и поперек
И, с размаху по стеклу царапнув,
По листам ударят тополек.
Нравится мне гулкий ропот грома,
Шепоток намокнувших ветвей...
В дождик выбегаю я из дома
И кричу: «Давай, сильнее лей!»

Ольга Вонсаровская
г. Бузулук, 9 класс

* * *

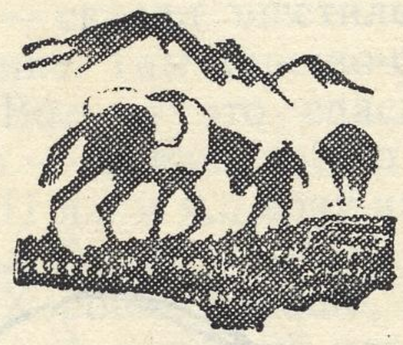
Стога лежалые сметая
И размывая черный снег,
Прорвется сила молодая
Из глубины замерзших рек.
Сложив свои седые крылья,
Зима морозная уснет.
Она уступит звонкой силе
Разбуженных весною вод.

* * *

Редели тонкие леса,
А в небе бархатно, неброско
Горело солнце, но в наброске
Осеннем этом полоса
Еще зеленая пылала,
Как будто блеск сухой металла
Врезался в желто-красный фон.
Так ножницы в цветной картон
Вонзаются со скрипом, резко.
А в небе, в зябких перелесках
Дрожали капельки огня,
Что ночью превращались в звезды.
Мир словно заново был создан,
Осенний, новый для меня.

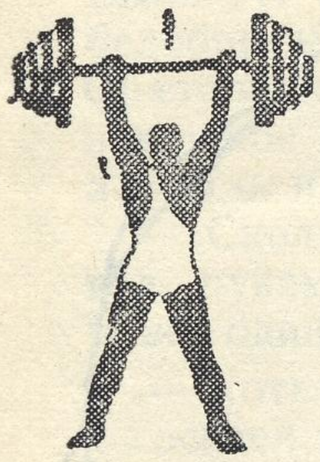
Ольга Рабкина
г. Ленинград, 9 класс

Рисунки С. Острова



СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Космонавт, летчик-испытатель, актер, герой труда, ученый, путешественник, знаменитый спортсмен, изобретатель, полководец, писатель, композитор, художник, пограничник, капитан дальнего плавания...



Кому из вас не хотелось бы иметь таких друзей?

Кто из вас не мечтал побеседовать со знаменитым человеком, задать ему самые главные вопросы жизни.

Вот мы получаем письмо: «Дорогой «Костер»! Познакомь меня с капитаном и чтоб он плавал на ледоколе».

Или такое: «Я хочу в армии быть танкистом. В армию мне еще не скоро, но я хочу все знать про танкистов. Дорогая редакция, познакомь меня с танкистом».

А вот третье: «Я мечтаю стать артисткой. А посоветоваться не с кем. Дайте мне адрес артиста, я хочу с ним поговорить».

Кого выбрать? На чем остановиться? Так, чтобы никого не обидеть и всем по возможности помочь. Если какой-нибудь капитан будет писать письма всем мальчишкам, мечтающим о море, ему некогда будет заниматься капитанскими делами. Значит, это не годится...

А давайте сделаем так:

Пусть каждый из вас напишет в редакцию письмо и назовет взрослого человека, с которым хочет познакомиться.

Ты хочешь узнать человека определенной профессии? Прекрасно. Так и напиши.

А у твоего товарища другое желание: он мечтает подружиться с ученым и называет его фамилию. Такое письмо еще лучше.

Это обращение было опубликовано в «Костре» № 9.

Теперь продлеваем срок: письма присылайте до 1 декабря 1968 года. После этого мы подсчитаем: кто из взрослых людей, названных вами, получил больше всего «голосов». Все они войдут в СОВЕТ ДРУЗЕЙ «Костра».

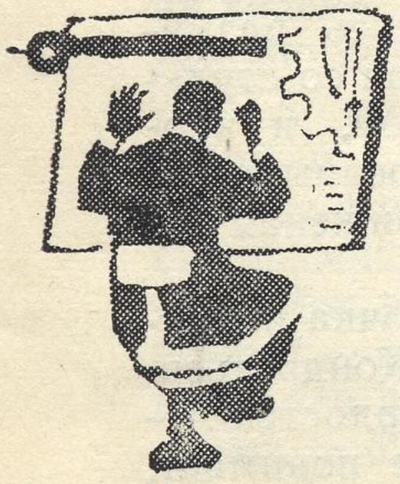
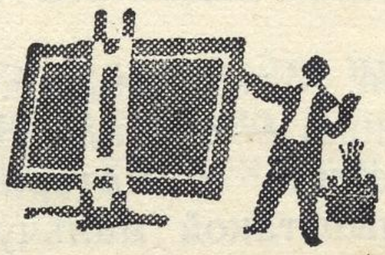
СОСТАВ СОВЕТА БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН В ПЕРВОМ НОМЕРЕ БУДУЩЕГО ГОДА

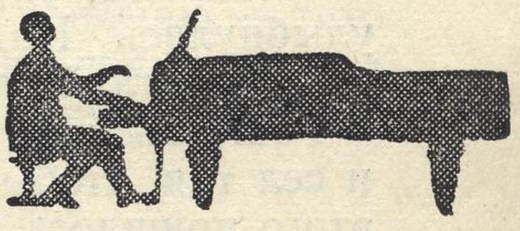
НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА «КОСТЕР»!

КАЖДЫЙ ЧЛЕН СОВЕТА ДРУЗЕЙ В 1969 ГОДУ ВЫСТУПИТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

И последнее: на конверте после адреса «Костра» пишите:
СОВЕТ ДРУЗЕЙ.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!



ДЯДЯ КОСТЯ И СЕМЕРО БОГАТЫРЕЙ

РАССКАЗ

Леонид Радищев

Рисунки Н. Кустова

Ранним утром, в сарайчике, где помещалась семья Емельяновых, появился гость — невысокий, бритый, коренастый человек в кепке и поношенном пальто. Пришел он вместе с главой семейства — Николаем Александровичем.

Несмотря на ранний час, здесь его, как видно, ждали: на столе фырчал большой медный самовар, сиял белобокий чайник. В чисто прибранной комнатке пахло свежевымытыми полами.

Приветливо поздоровавшись с хозяйкой, гость с первых же слов попросил, чтобы о нем поменьше беспокоились и хлопотали — хватит у них и собственных забот...

— Ничего, управимся. Дело привычное,— улыбнулась Надежда Кондратьевна.— Садитесь, пожалуйста. Чайку горячего!

Гость выбрал себе место подальше от окна и сел так, чтобы его не увидели с улицы. Для этого пришлось притиснуться в углу.

— Тесновато у нас,—сказал Николай Александрович, тоже присаживаясь к самовару.— Дом нынче поставили на ремонт, давно просился, а сараюшку вот... приспособили под жилье.

— В тесноте, да не в обиде,— улыбчиво сощурился гость.— По-моему, вы здесь неплохо сумели расположиться.

Он одобрительно оглядел дощатый сарай, ставший жильем. Хозяева ухитрились разместить в маленькой комнатенке и стол со стульями, и шкафчик, и швейную машину, и кровать. На ней кто-то спал, сладко посапывая — из-под одеяла виднелась только стриженая макушка.

— Гоша. Младшенький. Три годочка исполнится осенью,— сказала Надежда Кондратьевна и добавила с материнской гордостью:— Смышленый такой мальчуган — все понимает, обо всем рассуждает. Совсем как большой...

Остальные ребята спят наверху, на сеновале, а этот здесь, с нами.

— Проснется — обязательно познакомимся, — улыбнулся гость.

В это время наверху послышался скрип досок, потом шлепанье босых ног где-то сбоку. Дверь в комнату чуть приоткрылась.

— Ага, мои богатыри заявляются, — усмехнулся Емельянов. — Я ведь вроде дядьки Черномора... Только богатырей у меня поменьше... Да уж входите, входите. Нечего заглядывать!

Дверь отворилась во всю ширину, и в комнату один за другим стали входить емельяновские богатыри, вежливо здороваясь с гостем. Были тут и рослые, и пониже, черноголовые и белобрысые, но все загорелые до черноты. Сразу видно было, что растут они на приволье, в дружбе с водой и солнцем, что им нипочем и дождь и ветер.

— Сколько их, просто не сосчитать, — развел руками гость. — Ну и богатство у вас! И всё одни богатыри?

— Хотели мы с Надей хоть одного поменять у соседей на девочку, да раздумали, — шутливо ответил Емельянов. — Никак не могли решить, которого менять, — так все и остались. А теперь знакомьтесь.

И Емельянов-отец стал по очереди представлять своих сыновей:

— Вот это Александр, семнадцать лет. Старший. Считается у нас командиром отделения. Дальше идет Кондратий — шестнадцатый годок. А это Сергей, Николай, Анатолий, Лев...

— Рад с вами познакомиться, — сказал гость. — А меня зовите дядя Костя. Так и договоримся — дядя Костя! — повторил он.

Точно почувствовав, что и его не хватает на смотре, на кровати заворочался седьмой богатырь. Сбросил с себя одеяло, полежал, глядя на всех еще не проснувшимися, но уже веселыми глазами. Потом ловко сполз на пол — коротенький, крепкий, как грибок-боровичок, и смело направился к гостю.

— Здравствуй, здравствуй, — сказал дядя Костя. — Я уже слышал про тебя, каков ты молодец!

Сильные руки подняли Гошу с пола, усадили на колени. И всем стало понятно, что тут с первой минуты знакомства начнется дружба.

— А ты долго у нас будешь? — спросил Гоша.

Дядя Костя переглянулся с Емельяновыми-старшими:

— Вот это вопрос! Попробуйте на него ответить! — он погладил Гошу по голове. — Думаю, что еще побуду... да, придется еще, наверно, побыть...

— А мы место для вас приготовили на сеновале, — сказал шестилетний Лев. — По самой середине. Там хорошо-о-о спать!

— Вот за это спасибо, — улыбнулся дядя Костя. — Очень люблю спать на сене.

— И я... и я... хочу на сене, — требовательно заявил Гоша.

— Хорошо, хорошо, будешь и ты, — ответил отец. — А пока что иди и надень штаны.

У десятилетнего Анатолия подбородок был вымазан в чернилах. Дядя Костя посмотрел на него и спросил:

— Есть ли у вас, ребятки, чернильница и ручка с пером? И тетрадок штучки две? Я потом попрошу, мне привезут...

— Есть, есть, — ответили сразу несколько голосов.

Емельянов-отец поглядел на будильник:

— Ну, молодцы! Умываться, завтракать — и за дело!

Дядя Костя через раскрытую дверь с интересом наблюдал, как происходит умыванье. К умывальнику выстроились гуськом. Пополоскавшись, каждый передавал полотенце следующему. Маленький Гоша не мог дотянуться до умывальника, и ему помогал Лев, строго приговаривая:

— Не вертись, стой на месте, а то оболью!

Умывшись, богатыри сели завтракать. Надежда Кондратьевна поставила на стол котелок с горячей пшенной кашей, бутылку с подсолнечным маслом, положила перед каждым по куску хлеба. Потом пили морковный чай, осторожно беря с блюдца слипшиеся конфеты — подушечки.

После чаепития комната опустела, точно по команде. Даже Лева с Гошей исчезли.

— Как быстро, — удивился гость. — Куда же они подевались?

— Лева с Гошей — гулять, — объяснил Емельянов-старший, — а все остальные — куда кому назначено. По очередям нужно стоять... за крупой, за хлебом... может, селедок достанут... Совсем плохо стали кормить временные правители!.. И еще одно дело... — Емельянов выразительно посмотрел на гостя. — Вы просили покупать все газеты, какие выходят в Петрограде... Ну, тут у нас все распределено до точности. Один покупает в Сестрорецке, другой в Тарховке, третий на Курорте или в Раздельной. Не все сразу, конечно, и не в одном месте... чтобы подозрительно не показалось.

Гость слушал Емельянова с озабоченным лицом.

— Ваше беспокойство я понимаю, — тихо сказал Емельянов. — Как бы ребята промашки не сделали какой-нибудь... не навели случаем на след.

Гость быстро взглянул на собеседника:

— Скажу вам, Николай Александрович, без утайки — немного опасаюсь. Все-таки они дети, подростки. Могут проговориться случайно. Живет, мол, у нас человек... Вот и ниточка для сыщика.

— Да, такое может прийти в голову, — волнуясь, заговорил Емельянов-старший. — Не взрослые люди, безусловно. Но мы с женой, думаю, воспитали их как надо. Я не всякому взрослому доверю, будь он хотя бы и близкий человек. Вот Надя подтвердит. — Сидевшая за шитьем Надежда Кондратьевна молча кивнула головой. — Мы от них ничего не скрываем. При царе я возил оружие из Сестрорецка в Питер, — они знали: если что — мне за это виселица! Вот тут, на этом столе, собирал при них винтовки и пистолеты. И про вас знают, кто вы! Которого ищут днем с огнем... Да и кто нынче не слыхал про вас. И на улицах, и в поезде, и в очереди только и слышно: куда скрылся, где находится, чего требует?

— Да-а, хорошую рекламу устроили мне господа Временное правительство, — протянул гость. — Ну, ладно, посмотрим, чем это кончится... Виноват, я вас прервал...

— Ничего, ничего, — усмехнулся Емельянов. — Да что говорить, Александр наш — уже член партии. Ребята его слушаются беспрекословно. Старшие сами все понимают, а младшим объяснили крепко-накрепко: скажете лишнее словечко — и конец. И меня с матерью уведут в тюрьму... Знаете, что Гошка сделал? — заулыбался Емельянов. — При нем ведь шел разговор. Так он приложил ко рту палец и показывает — молчок, дескать...

Лицо гостя прояснилось:

— Всё. Больше об этом ни слова! Хочу сказать совсем о другом: просьба у меня — особенно к хозяюшке.

Надежда Кондратьевна подняла голову от шитья.

— Очень, очень прошу вас, — с нажимом произнес гость, — ничем не выделяйте меня среди других. Ни в коем случае. Вот, например, мой сегодняшний завтрак. Чувствую, для меня постарались, это недопустимо. Как всем, так и мне. Обещайте, пожалуйста, что больше этого не повторится. И вы тоже, Николай Александрович!

— Хорошо! Обещаем! — улыбнулся Емельянов. — А теперь разрешите показать вам, что где.

Осмотр емельяновских владений занял немного времени. Из комнаты вышли в коридорчик, где стояла плита, поднялись на сеновал. На взбитом сене лежали простыни, ближе к свету был поставлен столик с двумя стульями.

— Ваша спальня и кабинет... ничего другого не придумать.

— А чем плохо? Все удобства! — отозвался гость. — А воздух какой? Чудо! — он глубоко вдохнул аромат сена, засохших полевых цветов. — Чего еще желать?

— Надеюсь, что мои богатыри не помешают вам отдыхать... Вот только от Гошки теперь не отбиться, — обеспокоенно сказал Емельянов. — Желает спать на сеновале, и все тут... А так-то он мужичок смирный, ничего не делает без спроса... да и старшие присмотрят за ним...

Гость засмеялся:

— Не волнуйтесь, Николай Александрович. Уверен, что мы будем жить в мире и согласии. Показывайте дальше свои владения.

Они спустились вниз, обошли двор и садик. Вокруг дома и сарайчика густо росли раскидистые березы, тополя, кусты сирени. Калитка выходила на пустынную улицу, а другая, за домом, вела к пруду. Отсюда тянулась поросшая кустами протока — настоящий зеленый коридор в озеро Разлив. Сейчас озеро было спокойное, гладкое, точно выутюженное. Широкая солнечная дорожка лежала на нем без единой морщинки.

— Красивый уголок, — задумчиво произнес гость. — В сущности, так близко от Питера, а какая здесь благодать... Совсем другой мир.

Емельянов с невольным удивлением посмотрел на него. Этот спокойный человек и есть Ленин, за поимку которого обещана большая денежная награда! Даже старые царские сыщики, выследившие немало революционеров, наняты, чтобы его изловить. Всюду шныряют, высматривают, вынюхивают, показывают его фотографии — не видали такого? Банда озверелых офицеров, юнкеров, казаков ищет Ленина днем и ночью. Другой на его месте был бы в вечной тревоге, а он нередко шутит, смеется, любуется солнечным озером, точно приехал отдыхать на дачу...

— Хватит, однако, мне прохлаждаться, — сказал Владимир Ильич, оборачиваясь к Емельянову. — С вашего разрешения, пойду к себе в кабинет.

* * *

Прошло всего лишь несколько дней, как дядя Костя поселился в сарайчике, а Емельяновым — и большим и малым — казалось, что он живет здесь уже давно. В семье сразу установился необходимый для него распорядок, который все охотно поддерживали.

Вставал Ленин очень рано. Семеро богатырей еще спали богатырским сном, когда он, стараясь не шуметь, садился за работу.

Завтракали все вместе, без задержек, по-де-

ловому. Потом Владимир Ильич снова шел в «кабинет». Ребята расходились по очередям, за газетами. Надежда Кондратьевна занималась хозяйством, присматривала за младшими.

За это время Николай Александрович сумел несколько раз побывать в Петрограде — отвозил ленинские статьи, написанные в сарайчике, передавая его письма, поручения, а обратно вез ответы и новости.

Никто не беспокоил Владимира Ильича, когда он занимался. Только в одном случае ребята подымались к нему в любое время: когда приносили газеты. Дядя Костя всегда ожидал их с нетерпением.

Часа в два дня с крутой лесенки, которая вела наверх, доносилось старательное, упрямое сопенье. Владимир Ильич закрывал тетрадку и ждал, заранее улыбаясь. Наконец, с верхней ступеньки просовывалась на сеновал знакомая стриженая макушка.

— Ах, вот это кто! А я думал, что ко мне подымается какой-то великан... Прямо лестница шаталась...

Круглое лицо Гоши сияло всеми своими ямочками. Ему очень нравилось, что его принимают за великана, но он все-таки сообщал:

— Это я. Гоша... Мама сказала... обедать...

Если бы кто-нибудь мог взглянуть со стороны на этот мирный обед, то не поверил бы, наверно, что смертельная опасность висит над человеком, сидящим в стороне от окна, и над теми, кто его укрывает.

А буржуазные газеты писали, что германский шпион Ленин убежал на подводной лодке в Берлин; что он отрастил себе длинную рыжую бороду и занимается торговлей.

— Ну и шуты гороховые, — говорил Владимир Ильич, — прямо состязаются, кто кого переврет!

После обеда он снова подымался наверх и позволял себе немного отдохнуть. Вместе с ним отправлялись и Лева с Гошей. Этот короткий отдых целиком принадлежал им.

Лева доставал из спичечного коробка свою добычу: какого-нибудь необыкновенного рыжего муравья с крыльями, рогатого жука в жестком панцире. Втроем они разглядывали их и обязательно отпускали на свободу.

У Гоши имелась книжка, где были нарисованы звери. Эту книжку он рассматривал уже много раз, но полистать картинки вместе с дядей Костей было особенно интересно.

— Вот это лев, а это медведь, а это волк, — объяснял Гоша, переворачивая страницы.

Знал он и гиену, и крокодила, и рысь. А когда доходили до картинки с тигром, дядя Костя всегда начинал смеяться.

— А это зверей! — произносил Гоша. Так назывался у него тигр. Только так — и не иначе.

Случалось, Владимир Ильич задерживался после обеда внизу и предлагал Надежде Кондратьевне помочь в мытье посуды. Надежда Кондратьевна ни за что не соглашалась. Тогда он чуть ли не силой брал полотенце, говоря, что вытирать посуду — не мыть: это одно удовольствие и умственный отдых.

Поздним вечером, когда все семеро богатырей забирались на ночевку — на сеновал, оттуда доносились приглушенные голоса и смех, потом негромкая команда дяди Кости:

— Спать! А то нам попадет!

Однажды Емельянов-старший вернулся из Петрограда хмурый, озабоченный. В вагоне, как водится, говорили о Ленине, и какой-то тип заявил, что Ленин скрывается в Сестрорецке под видом заводского рабочего. Об этом, мол, было напечатано и в газетах.

А чуть позднее в Сестрорецк прибыл карательный отряд с броневиками и пулеметами. Начались обыски. Могли в любую минуту нагрянуть и к Емельяновым в Разлив. Надо было укрыть дядю Костю поосновательнее.

На другое утро, чуть забрезжило, через протоку вышли в озеро две лодки. В них сидели люди с удочками, мережами для рыбной ловли, с косами, граблями. Ничего подозрительного — едут на рыбалку, на сенокос.

Владимир Ильич поселился за озером, где у Емельянова был заарендован сенокосный участок. Сюда нередко нанимались на косьбу безземельные бедняки-финны, и Ленин мог вполне сойти за одного из них. Места здесь были глухие, болотистые, с чахлым лесом, ничем не привлекательные, и дачники тут не появлялись.

Емельянов соорудил шалаш из веток и сена, устроил Владимиру Ильичу новый «кабинет» на расчищенной площадке. Короткий пень служил стулом, а другой — повыше и пошире — столом. Вплотную у шалаша сметал большой стог, чтобы расширить помещение. Сам он тоже поселился здесь вместе с Колей.

Много обязанностей было у Коли Емельянова. Он собирал сучья и разжигал костер, кухарил, кипятил чайник. Но самой главной его обязанностью была разведка и дозор. Условились так: если появляется незнакомый, незваный человек — Коля предупреждает криком кукушки; все благополучно — свистит снегирем.

Связь с сарайчиком по ту сторону озера оставалась крепкой. Каждый день кто-нибудь из старших богатырей — Александр, Кондратий, Сергей — привозили свежие газеты, пищу в котелках. Иногда, после проверки у Надежды Кондратьевны, они доставляли сюда приезжавших к Ленину товарищей.

Только самые близкие из этих товарищей — трое, четверо — знали, где скрывается Владимир Ильич, а емельяновские богатыри с самого начала владели этой великой тайной и ни разу ни в чем не сплоховали, не подвели.

ИЗ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА

В довоенные годы Коммунистическая партия Германии выпустила немало боевых политических плакатов. Вот фотомонтаж Джона Хартфилда (вверху слева) «Долой поджигателей войны! Все силы на защиту Советского Союза! Все на улицу в день боевой майской демонстрации 1932 года!»

Плакат Макса Пехштейна (вверху справа) создан к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Он тоже выражает идею солидарности с Советской Россией.

«Голосуйте за КПГ, список 3. Покончим с этой системой» — это слова на предвыборном плакате Коммунистической партии Германии (КПГ) 1932 года. И компартия получила около 6 миллионов голосов!

Тогда, спасаясь от роста коммунистического влияния, банкиры и промышленники установили в стране фашистскую диктатуру... И тогда же лучшие передовые люди Германии, коммунисты, были брошены в концентрационные лагеря. А 18 августа 1944 года по личному приказу Гитлера был зверски убит вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман.

Прошло ровно двенадцать лет, и 18 августа 1956 года бонновские наследники Гитлера вновь запрещают компартию.

Но в ФРГ партия коммунистов живет, борется. «Наша партия будет жить, пока на немецкой земле существует хоть один рабочий», — говорит первый секретарь Центрального Комитета КПГ Макс Рейман.

Гюнтер, Гюнтер и Детлеф

(Из телефонного разговора Ленинград-Лейпциг. Переводчики Л. Елисеева, Н. Баданов)

ЛЕЙПЦИГ. Алло, здесь Фишер.

ЛЕНИНГРАД. Гюнтер, добрый вечер! У вас большой праздник, в праздник люди поздравляют друг друга. Кого в Советском Союзе вы хотели бы поздравить?

ЛЕЙПЦИГ. Ну, раз звонит «Костер», — в первую очередь, конечно, его читателей.

ЛЕНИНГРАД. Что бы вы хотели им пожелать?

ЛЕЙПЦИГ. Быть строителями!

ЛЕНИНГРАД. Гюнтерхен, вы на любимом коньке? Крупноблочные кварталы, мосты, магистрали, башенные краны?

ЛЕЙПЦИГ. Разумеется! Но я говорю не о том. Дома, мосты, дороги создаются повсюду в мире. А мы с вами создаем еще и гораздо более важное — общество, в котором человек не может и не хочет жить за счет другого человека. Я желаю всем советским пионерам постоянно помнить, что они — строители этого небывалого общества! И помнить, что мы на вас равняемся!

ЛЕНИНГРАД. Спасибо.

ЛЕЙПЦИГ. Рядом со мной товарищ Клингенберг, он тоже хочет говорить.

ЛЕНИНГРАД. Добрый вечер, Гюнтер-старший!

ЛЕЙПЦИГ. Дорогие юные пионеры, у меня четверо детей, и я их очень люблю. И вас я люблю тоже! Да здравствует мир и дружба!

ЛЕНИНГРАД. Увидите Детлефа — передайте ему наши поздравления и привет.

ЛЕЙПЦИГ (двумя голосами).

— Детлефа нет в городе!

— Он начальник пионерского лагеря!

— Он сейчас поет с ребятами «Эс вар айне кляйне тромпетэн!»

ЛЕНИНГРАД. А вы что сегодня поете?

ЛЕЙПЦИГ. О! Помните, — Эрнст Буш? (напевает по-русски):

«Дружно за дьелло,
Стройка, поднимайсса ввыс!»

ЛЕНИНГРАД (вместе с Лейпцигом).

«Из развалин новый мир мы строим смело!
Кто там встал на пути?
Берегись!»

Сначала расскажем историю Гюнтера-старшего.

В юности Гюнтер Клингенберг очень верил Гитлеру. Он боялся, что победоносный блицкриг начнется и кончится без него, и с радостью явился на призывной пункт.

В ночь на двадцать второе июня сорок первого года он был среди тех, кто на западном берегу Буга ожидал сигнала к атаке.

Прошло какое-то довольно долгое время, и Клингенберг, уже изрядно протрезвевший, оказался в плену. Это было удачей для него, несмотря на то что плен, конечно, — не дом родной.

Пленных немцев заставляли работать, восстанавливать ими же разрушенное. Чтобы они хоть теперь что-то поняли, им старались объяснить кошмарность идей гитлеризма.

Им показывали документальные фильмы, снятые в застенках гестапо. Фильмы были такие, что многие солдаты не могли смотреть. Выходили, шатаясь, из зала и падали на снег.

Но им говорили:

— Возвращайтесь и смотрите! Даже если вы в этом не участвовали, это касается вас!

Клингенберг был в ужасе. У него окончательно открылись глаза, и он не знал, что ему делать, как жить дальше. Он думал, что Германии больше никогда не будет. Не дадут существовать стране, так себя запятнавшей.

С ним подолгу беседовали политофицеры. Он окончил антифашистскую школу, вернулся на родину совсем другим человеком. Уже коммунистом. Работал в магистрате, потом в научном институте. Но чувство вины не покидало его.

Когда на праздничном параде он увидел бойцов армии ГДР, марширующих с оружием в руках, он расплакался от стыда и счастья.

Теперь немного о Гюнтере Фишере.

Гюнтер-младший на войну не попал. Даже для «флака» — зенитной службы, куда призывали подростков из «гитлерюгенда», — не успел дорасти: настал май сорок пятого.

Он работал на расчистке развалин. Нагружал вагоны мусором, битым кирпичом и известкой. И ненавидел всех на свете, и своих, и чужих.

Однажды ему сказали:

— Послушай, ты так молод!

Что-то должно же из тебя выйти? Выбери себе цель!

— Какая еще цель? С голоду бы не сдохнуть!

Но с ним заводили разговор не раз и не два. И он сдался: ладно, если уж и вправду настали такие времена, что простому парню все можно, он хотел бы попробовать себя в журналистике.

— Пожалуйста! — ответили ему и помогли устроиться в редакции.

Первая его статья была о мальчишках-каменщиках.

Те, о ком он тогда написал, давно уже мастера, бригадиры, прорабы. А сам Гюнтер — можете себе представить! — уважаемый сотрудник Лейпцигской Вечерней газеты.

До сих пор он больше всего любит писать о строителях. И страшно горд тем, что есть в Лейпциге два дома, которые он помогал строить.

Седьмого ноября прошлого года он с шести часов утра смотрел телепередачу из Москвы. И, посмотрев, сразу же засел за письмо своим советским друзьям.

Он писал: «Спасибо, товарищи!»

Он писал: «Что бы мы делали без вашей «Авроры»?»

От волнения он смешал все в кучу: «Мой сын пошел на завод, он уже тоже строит новую Германию. Я научился гото- вить ваше кавказское кушанье шашлык».

Это было бесконечное письмо. Он строчил его целый день, то чернилами, то карандашом, то на машинке, и не стал перебеливать. Так оно и отправилось в нашу страну — длинное, бессвязное, полное добрых слов и восклицательных знаков.

И, наконец, о Детлефе.

О Детлефе много пока не расскажешь. У него вся биография впереди.

Детлеф Леонхардт родом из рабочей семьи. Он учится в Берлинском университете, на отделении русского языка. Недавно год провел в Ленинграде, на практике. Вернулся. Готовится защищать диплом.

Вот, пожалуй, и все.

Незадолго до отъезда Детлефа из Ленинграда случилось так, что трое, о ком рассказано, собрались вместе.

Это было в уютном доме на Охте.

Мы пили крепкий по-русски чай и ели немецкое «хаке Петер» — бутерброды с сырым фаршем. Играли в «шварце кунст» — игру таинственную, правила которой я дал слово не разглашать.

На прощанье пели о «кляйне тромпетэн» — о маленьком трубаче из города Галле. Вы эту песню хорошо знаете, только в нашем варианте поется о барабанщике.

«Средь нас был юный барабанщик...»

Гюнтер-старший подпевал, глядя на пол. Не мог он в свое время этой песни выучить. У него ее украли вместе с детством нацисты.

Гюнтер-младший пел несколько напряженно, боясь перепутать куплеты.

А Детлеф заливался! Песня о трубаче-барабанщике была для него родной, он с ней вырос, столько раз распевал он ее в тельмановском отряде!

За столом сидели три поколения немцев.

У этих поколений разные судьбы. Разными путями, но пришли они к одному: смелые бойцы-спартаковцы все-таки победили!

Эрнст Тельман победил. И подпольщик Харро Шульце-Бойзен, командир «Красной капеллы». И наборщик товарищ Каман, который помог Гюнтеру Фишеру выбрать жизненный путь. И лекторы-антифашисты, открывшие глаза солдату Гюнтеру Клингенбергу.

— С чем же вас поздравлять в ноябре? — спросил я. — С пятидесятилетием вашей Революции или с девятнадцатилетием ГДР?

— С праздником! — ответили мне.

Ф. Нафтульев

Вот они рядом: Гюнтер Клингенберг, Детлеф Леонхардт и Гюнтер Фишер

Короткая жизнь Алеши Кузнецова

Олег Тихомиров

Рисунки
В. Бескаравайного

— Война! Война!

— С германцами! Мы ихнего царя... как его... в лепешку... Айда, ребята, к казармам! Ура-а-а!..

Вместе со всеми побежал и Алеша.

К широкому полю, что раскинулось возле казармы, он стал приходить каждый день. Теперь здесь торчала целая орава мальчишек. Все глазели на то, как солдат обучали ружейным приемам. То и дело слышались команды: «К но-ге», «На пле-чо!», «На кара-ул!» Если солдаты маршировали, то мальчишки пристраивались к ним. «Шагом арш!» — «Рррота, стой!» — «Рррразой-дись!» — И мальчишки бежали к солдатам, просили потрогать винтовку, а те, кто был посмелее, пробовали пальцем, хорошо ли отточен штык.

На вокзале, с запасных путей, отправлялись поезда на фронт. Возле вагонов всегда была суета. Солдаты грузили ящики, тюки, втаскивали на платформы повозки и тяжелые обозные телеги, носились с чайниками и ведрами.

Иной раз Алеша и сам помогал солдатам. Он был рослый, крепкий, выглядел старше своих лет. Солдаты его не прогоняли, кормили, расспрашивали, что да как. Но когда Алеша говорил, что хочет с ними на фронт, солдаты начинали гоготать. Однажды за Алешу вступился усатый унтер с двумя «Георгиями».

— Ну чего скалитесь, — сказал он. — Я помню, в соседнем полку у нас на фронте был у поручика казачок. Такой же парнишка. Тебе сколько?.. Четырнадцать будет?

— Так точно! — гаркнул Алеша.

Новобранцы загрохотали.

— Так вот, вы еще немецкого пороху не нюхали, — сказал солдатам унтер, — а тот казачок и в атаку со всеми ходил, и в разведку... А из пулемета как жарил!..

На следующий день, когда тронулся в путь какой-то воинский состав, Алеша подбежал к вагону и вскочил на подножку.

— Куда? — закричали солдаты. — Сигай назад!

Но Алеша уже влез в вагон.

— Да я же с нашего полка, — сказал он, — я казачок у поручика Синельникова. Моя фамилия Кузнецов.

— Какого, говоришь, полка? — спросил кто-то.

— Семьдесят первого, — не растерялся Алеша, вспомнив полк, отправившийся вчера.

— Эх ты, растяпа! Отстал от полка! Забирайся на нары в углу!

Семьдесят первый полк, конечно, не нагнали. Так Алеша и остался в восемьдесят пятом, в четвертой роте.

* * *

В окоп вошел ефрейтор.

— Гриненко! Дедов! Кузнецов! В «секрет».

Алеша вместе с двумя солдатами ползет менять дозорных на самые передовые посты.

На фронте затишье. Не слышно выстрелов. Можно подумать, что рядом нет ни немцев, ни австрийцев, и вообще зачем это нужно

ползти по снегу ночью Но Алеша уже полтора года воюет. Он знает, как обманчива бывает тишина.

Вот и пост. Теперь здесь возле засыпанного снегом пенька на несколько часов останется Алеша. Он будет наблюдать за врагом. А враг совсем рядом. Сразу же за речушкой первая линия австрийских окопов. Иногда слышно, как там что-то поют. Песня звучит тягуче и жалобно.

Солдат Дедов говорит, что австрияки такие же мужики, как и русские, только объясняются по-немецки. «Их,— говорит,— Вильгельм да господа ихние на войну погнали, а нас царь да наши господа. Как ни крути, получается, война господам нужна. А солдаты для них новые земли своей кровью добывают».

Алеша Кузнецов

Не все Алеше понятно. Вот ведь Алешу никто на фронт не гнал, он сам захотел сражаться с германцами. Да только все получается не так, как представлялось. Офицеры пьянствуют, а солдатские кухни часто не топятся — ни тебе обеда, ни ужина. В третьей роте солдаты стали требовать, чтоб им паек выдали, а их арестовали да на военно-полевой суд. А там приговор известный — расстрел. Что же получается, своих стрелять? А за что? Нет, нужно будет поговорить с Дедовым.

Темно. Луну опять заволокло тучами. Алеше казалось, что при луне холоднее, и он был рад, что сейчас ее нет. Без луны, правда, плохо видно. Но Алеша глазастый. Вон там на самом берегу два дерева — их теперь еле различишь, а между ними несколько пеньков, как снежные шапки, — их пока и вовсе не видать.

Из-за тучи вынырнула луна. Снег засветился, стал голубым. Вон они и два дерева, вон они и пеньки... Постой-ка! Отчего же их так много стало? «В белой одежде ползут», — мелькнула в голове догадка. Алеше сделалось жарко. Скинул тулуп, щелкнул затвором. Пеньки не движутся. Ясное дело — что им двигаться, снежным шапкам-то!

Снова нашла тучка. Небольшая, но плотная. А как выглянула луна, ахнул Алеша: пеньки еще ближе.

«Бах!.. Бах!.. Бах!..» — Алеша сделал подряд три быстрых выстрела. Это сигнал для дозорных.

А пеньки не шелохнутся. Тогда Алеша прицелился в крайний пенек и стрельнул еще раз. Вслед за выстрелом раздался крик. Алеша увидел, как несколько вспышек сверкнуло среди пеньков, и тут же он почувствовал, как в плечо ему ударило что-то тяжелое и горячее.

Слева забил пулемет. «Гриненко», — подумал Алеша и потерял сознание.

* * *

В ночном бою с отрядом австрийских разведчиков был ранен и солдат Дедов. С неделю пролежали он и Алеша в полковом лазарете, после чего их доставили с обозом на станцию.

Поезд продвигался медленно. Он больше стоял, чем шел. Повсюду его отправляли в последнюю очередь. «Куда им спешить, — говорило начальство на станциях, — отвоевались». А бывало, что останавливались прямо среди леса или в открытом поле. Кончались дрова. Где-то нужно было их доставать. Санитары вместе с выздоравливающими брали топоры, пилы, уходили рубить деревья.

Алеша тоже, если не было морозно, выбирался из вагона. Работать он еще не мог. Рана его была несложной, подживала, но он потерял много крови, ослабел.

У Дедова дела были хуже. Пуля пробила ему легкое. Часто у него поднимался жар, и Дедов сбрасывал одеяло, хотя в вагоне стоял холод, потому что печурку топили раз в день и весь вагон она нагреть не могла.

Алеша накрывал Дедова, подавал ему кружку с водой, приводил фельдшера.

Когда Дедову легчало, Алеша любил поговорить с ним. Дедов отвечал обстоятельно, на Алешу смотрел как на равного.

А Алеша теперь часто задумывался. Ну, вот и вкусил он всего, к чему когда-то так стремился: и солдатские черствые сухари жевал, и порох нюхал, и даже австрийского свинца попробовал (а ведь пока на фронт ехал, даже мечтал, чтобы его немножко ранило, вернее, царапнуло, ну так лишь, чуть-чуть). Только к чему все это?..

В полку среди солдат Алеша слышал о большевиках. В последнюю ночь, как раз перед тем, как уходить в «секрет», в ротах под-

нялось волнение. По рукам ходили какие-то листки. Офицеры бегали с револьверами в руках, кричали про «агитацию».

— Это что «агитация»? — спросил Алеша у пулеметчика Гриненко.

— Спроси вон у Дедова, — сказал пулеметчик. — Мне сдается, он все знает и про агитацию, и про большевиков. А может, он и сам в большевиках ходит, ты спроси...

Стучат колеса по рельсам. А в голове у Алеши тоже стучит, бьется мысль: «Спроси!.. Спроси!.. Спроси!..»

Прошла неделя. И вот объявили по вагонам: к вечеру санитарный поезд прибудет в Москву.

«Если сейчас не спрошу, расстанемся с Дедовым в Москве. Так ничего и не узнаю»,— подумал Алеша. И он уже совсем было решился, но тут поезд замедлил ход, стал приближаться к какому-то полустанку.

А на полустанке полно народа. Все что-то кричат, поют, в руках у многих красные знамена, лозунги. Кто-то из раненых стал вслух читать:

— Да здрав-ству-ет рево-лю-ция! До-лой войну! Вся вла-сть наро-ду!

* * *

Родной дом показался Алеше совсем маленьким. Он словно сжался за эти два года, ссутулился. Когда Алеша сказал об этом, мать невесело проговорила:

— Наше дело стариковское. Мы уж в землю растем.

Сестра Лена продолжала работать на ткацкой фабрике. Алеша и в сестре нашел перемену. В ней как бы прибавилось задору. Она и говорить стала громче, и движения ее стали уверенными, смелыми.

Алешино плечо быстро подживало, и он теперь все думал, куда бы поступить на работу.

И вот однажды распахнулась дверь, и на пороге появился высокий, сутуловатый человек. Оказалось, это друг Дедова и зовут его Федором.

— Здорово, солдат, — сказал он Алеше. — Покажись-ка, покажись. А «Георгии» где твои?

— А ну их! — отмахнулся Алеша.

— Это ты зря. Солдата медаль красит.

Алеша рассказал про то, как его ранили. Рассказал он и про санитарный поезд, и, наконец, про Дедова.

— Нет его больше, — сказал Федор.— Умер.

Алеша невольно перекрестился.

— Царство ему не...

— Зря это, — перебил Федор. — В бога он не верил, а верил в наше дело.

— В какое?

— В революцию.

— Это когда царя сбрасывали?

— На царе не кончилось. С февраля, считай, полгода прошло, а что изменилось? Война продолжается, вся земля у помещиков. Терпеть этого мы не будем, — и он подмигнул. — А что касается тебя, устроишься пока в обойный магазин. С владельцем я договорился.

— А что делать? Торговать обоями?

— Обои тут ни при чем.

И Федор рассказал Алеше, что в подвале магазина большевики устроили склад боеприпасов. Время от времени в магазин привозят новые ящики с патронами. Нужно будет помогать переносить их, замуровывать в стене.

— Патроны пригодятся скоро, — закончил Федор. — Не мариновать их собираемся. Ты и сам солдат, все понимаешь.

И час, о котором говорил Федор, настал.

Двадцать пятого октября в Москву пришло сообщение по телеграфу: вооруженное восстание в Петрограде победило, всю власть взял в свои руки Съезд Советов.

В Москве затрещали выстрелы, на улицах выросли баррикады. На бой с белогвардейцами выходили отряды дружинников. Тысячи рабочих записывались в Красную гвардию.

Вот когда понадобились патроны из обойного магазина. Алеша разбирал стену, вытаскивал ящики, рассовывал патроны по сумкам, с которыми приходили дружинники.

— Скорее, сынок, скорее, — торопили его.

Алеша работал без передышки, а когда патроны кончились, он ушел в отряд к Федору.

Отряд соорудил баррикаду в одном из переулков, который выходил на Остоженку. Здесь, на Остоженке, был главный штаб белых. Федор и его дружинники должны были не пропускать к штабу юнкеров-александровцев с Арбата.

Алеше вручили винтовку и две обоймы с патронами. Сказали:

— Зря не пуляй.

За весь день лишь два раза в самом конце переулка мелькнули серые шинели. По ним дали залп. Вот и все сражение. Но где-то неподалеку и справа и слева шли, видимо, настоящие бои. Слышались частые винтовочные выстрелы, стучали пулеметы.

На следующий день снова, уже вместе с Леной, Алеша пошел в отряд к Федору.

Чтобы сократить путь, пробирались дворами, несколько раз перелезали через ограды. Зато выбрались к самой баррикаде. Дружинники даже не заметили, как среди них очутились брат и сестра.

Лена тут же принялась перевязывать раненых. Алеша хотел было ей помочь, но Федор отозвал его в сторону.

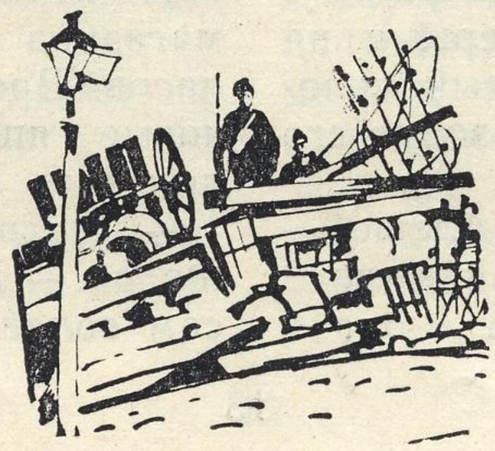
— Алеша, если не достанем патронов, — нам крышка. Не удержим баррикаду. В переулке полно юнкеров. Видишь церковь?

— Ну?

— Там на колокольне юнкера пулемет поставили.

Алеша побежал в обойный магазин. Неделю назад туда вместе с обоями, упакованными в тюки, был привезен ящик патронов. Его тогда замуровать не успели, а просто запрятали за тюками. Может, и сейчас там.

Повсюду раздавалась стрельба. Где-то за Кудринкой ухали пушки. «Наверно, на Ваганьковском кладбище,— вспомнил Алеша,— там стоит красная артиллерия».



До магазина он добрался благополучно. Своим ключом открыл дверь в подвал, кинулся к тюкам, отодвинул их. Есть! Вот он, ящик. Алеша сорвал крышку, быстро наполнил патронами сумку, набил карманы и побежал назад.

В подворотне он нос к носу столкнулся с белогвардейцем.

— Стой! — наставил белогвардеец винтовку. — Что несешь? Куда?

— Я к брату иду... Он у меня юнкер. У них патроны кончились, а им на Остоженку прорваться надо к штабу.— Алеша прижал к груди сумку.

— Ладно, — сказал белогвардеец. — Идем вместе.

Пока Алеша раздумывал, как бы ему улизнуть, откуда-то со стороны подъезда началась стрельба. И только белогвардеец спрятался за железными воротами, Алеша бегом пустился через проходной двор.

На баррикаде к его сумке тянулось множество рук.

— Вот это выручил, — говорили дружинники, набивая обоймы. — Теперь юнкерам дадим прикурить.

И когда юнкера один за другим, как мыши, прижимаясь к стене, вновь бросились в атаку, примолкнувшая было баррикада встретила их ураганным огнем.

В переулке вновь стало тихо. Дружинники, воспользовавшись передышкой, поплотнее сдвигали на баррикаде ящики, мешки с песком, какие-то шкафы и телеги.

И вдруг:

«Та-та-та-та-та...» — простучал с колокольни пулемет.

Алеша оглянулся. Позади баррикады, на тротуаре, лежал мальчишка. Вот он приподнял голову, с трудом немного прополз и опять уткнулся лицом в землю.

«Ранен», — мелькнуло в голове у Алеши, и он кинулся к мальчишке.

— Назад! — закричали ему.

Но Алеша уже добежал до раненого. Тут же возле мальчика опустилась и Лена с санитарной сумкой.

«Та-та-та-та-та...»— снова застучал пулемет.

Брат и сестра упали. Лена была ранена в ногу. Алешу пули прошили насквозь через спину и живот.

* * *

А баррикада простояла еще четыре дня. Потом ее разобрали. Она уже была не нужна: в Москве победила революция.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

Стихи, ставшие впоследствии песней под названием «Катюша», я начал писать в начале 1938 года. У меня, можно сказать, сразу, без особых усилий написались первые восемь строк, то есть первая половина «Катюши». Но потом работа застопорилась. Я не знал, что же дальше делать с Катюшей, которую я заставил выйти «на высокий берег, на крутой» и запеть песню. Поэтому стихи пришлось пока отложить, хотя начало их мне определенно нравилось.

Весной — в конце апреля или в начале мая — я по каким-то делам поехал в редакцию газеты «Правда». Там — в литературном отделе — я впервые встретился и познакомился с композитором Матвеем Исааковичем Блантером, за которым уже «числилось» несколько весьма популярных песен, — таких, напоимер, как «Партизан Железняк», как «Песня о Щорсе» и другие.

Матвей Исаакович сразу же стал выспрашивать — нет ли у меня каких-либо стихов, на которые можно было бы написать музыку. Я вспомнил про начатую «Катюшу» и ответил:

— Знаете, стихи есть, и, по-видимому, их можно положить на музыку, но вся беда в том, что они не закончены: я написал лишь восемь начальных строк.

— А вы можете сейчас переписать эти строки для меня?

— Конечно же, могу, — согласился я.

И тут же, сев за какой-то столик, написал:

Расцветали яблони и
груши,
Поплыли туманы над
рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на
крутой.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма
берегла...

Я передал написанное Блантеру и, по совести говоря, скоро позабыл об этом.

Однако летом, когда я по какому-то случаю снова встретился с Матвеем Исааковичем, тот сказал мне, что музыку «Катюши» он написал, что, по его мнению, песня получилась хорошая, но необходимо дописать слова.

Я обещал, что допишу. Но сделать это сразу почему-то не смог, а потом — в августе — я уехал на целый месяц в Ялту.

И вдруг совершенно неожиданно для меня в Ялте появился Блантер и, узнав о моем местопребывании, приехал, чтобы «подогнать» меня. Мне он сообщил, что в Москве организован Государственный джаз-оркестр, руководит которым В. Кнушевицкий. В ближайшее время состоится первое выступление, первый концерт этого джаза. «Катюша» уже включена в программу первого концерта, и я немедленно должен дописать ее.

Матвей Исаакович пообещал, что через два дня он снова приедет ко мне и что надеется увезти с собой совершенно полный и окончательный текст «Катюши».

Я немедленно принялся за работу, хотя это было для меня крайне трудно: вне дома, вне привычной обстановки я почти не могу работать, у меня ничего не получается.

Но дописать песню нужно было во что бы то ни стало, и я дописывал ее.

У меня не сохранилось от тех дней ни каких-либо черновиков, ни каких-либо записей, но помнится, что через два дня я передал композитору пять или семь вариантов законченной «Катюши»—мол, выбирайте любой...

Сам я, однако, выделил один вариант, который мне казался наиболее удачным, и я сделал на нем соответствующую пометку. После оказалось, что и Блантеру больше всего приглянулся именно этот вариант. Таким образом, слова «Катюши» были одобрены нами обоими.

Время тогда было тревожное. Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти. Впрочем, мы не только предчувствовали, что война будет, но в известной мере уже переживали ее: ведь в 1938 году еще пылало пламя войны в Испании; в том же году Красная Армия вынуждена была вести и вела тяжелые бои с японскими самураями у озера Хасан; не очень спокойно было и на западных наших границах.

По этим причинам тема родины, тема защиты ее от посягательств врага была темой самой важной, самой первостепенной, и я, конечно, никак не мог пройти мимо нее даже в лирической песне.

Осенью 1938 года, как и обещал М. И. Блантер, состоялся первый концерт Государственного джаз-оркестра. На концерте была впервые исполнена «Катюша», которая сразу же понравилась всем. Отсюда и началось ее шествие по нашей стране.

Однако история «Катюши» на этом не кончается. Она, пожалуй, только начинается. И поэтому стóит кое-что рассказать о «Катюше» дополнительно.

Через год (а может быть, и раньше) «Катюша» перешагнула границы Советского Союза.

Во всяком случае, уже в сентябре 1939 года население Западной Украины и Западной Белоруссии, находившееся дотоле под властью польских панов, встречало нашу армию-освободительницу пением «Катюши».

В годы Великой Отечественной войны «Катюшу» пели бойцы армии Сопротивления во Франции и Италии.

Осенью 1957 года, когда я приехал в Италию, мне рассказывали, что по крайней мере восемьдесят процентов населения Италии знает «Катюшу». Об этом писал и поэт А. Прокофьев, утверждая, что «Катюша»

Впереди отрядов партизанских
Чуть не всю Италию прошла.

Любопытно, что советские воины, сражавшиеся в партизанских отрядах Италии, в дни победы, когда их пожелал видеть папа римский, вошли в Ватикан с пением «Катюши».

Дошла «Катюша» и до Соединенных Штатов Америки. Побывав там вскоре после войны, украинский поэт Андрей Малышко писал в одном из своих стихотворений:

Негры пели русскую «Катюшу»,
Ту, что Исаковский написал.

В последние годы «Катюша» стала очень популярной в Японии. В Токио и сейчас есть кафе под названием «Катюша», в котором эта песня исполняется по крайней мере один раз в течение вечера.

«Катюша» известна и во многих других странах — социалистических и капиталистических.

О популярности «Катюши» в нашей стране свидетельствует, в частности, хотя бы то, что в военные и послевоенные годы появилось множество переделок «Катюши», «ответов» на нее, продолжений, подражаний и тому подобное.

Первые переделки и «ответы» стали известны еще во время финской кампании («Нахожусь в Финляндии, Катюша», — писал неизвестный автор...), но особенно много их стало потом — в годы Великой Отечественной войны. Переделки, приспособленные к местным условиям, распевались почти повсеместно. В этих переделках Катюша изображалась не только девушкой, которая любит и ждет своего возлюбленного, но и такой, которая сама борется с врагами, находясь в партизанском отряде; она же и на фронте: «С автоматом девушка простая», она — и медицинская сестра: «Раны Катя крепко перевяжет, на руках из боя унесет».

Ныне покойный профессор И. Н. Розанов собрал около 100 переделок, продолжений «Катюши» и «ответов» на нее.

Весьма любопытную историю рассказал мне еще в дни войны поэт Илья Сельвинский, который участвовал в боях на Керченском полуострове.

Однажды под вечер, в часы затишья, наши бойцы услышали из немецкого окопа, расположенного поблизости, «Катюшу». Немцы прокрутили ее раз, потом поставили, второй раз, потом третий... Это разозлило наших бойцов: мол, как это подлые фашисты могут играть нашу «Катюшу»?! Не бывать этому! Надо отобрать у них «Катюшу!..»

В общем, дело кончилось тем, что группа красноармейцев совершенно неожиданно бросилась в атаку на немецкий окоп. Завязалась короткая, молниеносная схватка. В результате — немцы еще и опомниться не успели! — «Катюша» (пластинка) вместе с патефоном была доставлена к своим.

У «Катюши» есть и несколько иное продолжение. Дело в том, что «катюшами» на фронте начали называть реактивные минометы — грозное для врагов оружие того времени. На эту тему также появились переделки «Катюши», вроде такой:

Вот к передней «Катя»
подходила,
Подвозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты подымали вой.

В канун 1944 года ко мне в Москву приехали посланцы генерала А. И. Нестеренко, командовавшего крупной воинской гвардейской частью, вооруженной «катюшами». А. И. Нестеренко просил меня, поскольку новое оружие Красной Армии названо по имени моей песни «Катюша», то, мол, хорошо бы-

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет.
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

1938

ло бы, если бы я написал новую песню, уже о другой «катюше».

Я выполнил просьбу генерала. Уже в начале января была готова «Песня про «катюшу». Начиналась она так:

И на море, и на суше,
По дорогам фронтовым
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым.
Подчистую немцев косит,
Подчистую гадов бьет,—
И фамилии не спросит,
И поплакать не дает...

Музыку новой «Катюши» написал В. Г. Захаров. И очень скоро новая «Катюша», исполняемая хором имени Пятницкого, зазвучала сначала в Москве, а потом и по всей стране, а также на фронтах еще продолжающейся войны.

Я вкратце рассказал историю песни «Катюша». Говорил я преимущественно о своей работе. А между тем, у каждой песни обычно бывает два автора — поэт и композитор. И если я почти ничего не говорил о работе композитора, то только потому, что не считаю себя сколько-нибудь компетентным в музыке. Вместе с тем, популярность песни зависит не только от автора слов, но — вероятно, даже в большей степени — от автора музыки, от его уменья, от его таланта.

Вот почему тот успех, который выпал на долю песни «Катюша», не принадлежит мне одному. Его с полным на то правом делит со мной композитор Матвей Исаакович Блантер.

М. Исаковский

Рисунок И. Сенского

50 ЛЕТ ВЛКСМ

ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ

В. Левашов *Рисунки М. Таранова*

Через два дня после удачной диверсии молодогвардейцы узнали радостную весть: советские войска под Сталинградом перешли в контрнаступление.

Это случилось как раз тогда, когда на ночной дороге запылала фашистская автомашина: «Молодая гвардия» участвовала в общей атаке!

XVI

Концерт, подготовкой которого интересовались гестаповцы, состоялся вечером в день Советской Конституции.

Мы расставили на сцене стулья и с инструментами расселись в один ряд. Затем Третьякевич повернулся лицом к оркестру, взмахнул рукой, и плавно зазвучала мелодия украинской народной песни.

Я играл на мандолине. Сидел крайним слева и наблюдал за происходящим в зале. Вдруг с шумом открылась дверь, и в зрительный зал вошли трое в немецкой форме.

Кто-то из наших ребят пробежал за сцену предупредить Мошкова. Пока гестаповцы медленно двигались к первым рядам, появился Евгений. Он спустился по ступенькам и тут же, в углу зрительного зала, у сцены, встретил фашистских офицеров. Я вначале глазам своим не поверил, когда увидел, что гестаповцы, добродушно улыбаясь, пожали Евгению Мошкову руку. А чуть позже, когда все четверо стояли в тесном кругу и оживленно о чем-то беседовали, один из них правой рукой обнял Мошкова.

Что с ними произошло? Откуда такая любезность? Ведь совсем недавно при встречах немцы даже руки не подавали Мошкову.

Впрочем, чему удивляться. Ведь все это происходило вскоре после поражения немцев под Сталинградом.

Струнный оркестр исполнил несколько музыкальных номеров, и на сцене снова появился Земнухов. Он объявил:

— Легенда о Марко.

Это была «Легенда о Марко» Максима Горького. Ее исполняла одна из участниц драматического коллектива. Струнный оркестр в медленном темпе играл грустную мелодию старинного вальса «Прощай, молодость», а девушка произносила слова легенды:

— В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась.
Но раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.
. . . . . .
А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

Зрители, громко аплодируя, вдруг повернули головы влево, на фашистских офицеров.

Гестаповцы, ощутив на себе взоры всего зрительного зала, но не понимая, к чему бы это, перекинулись несколькими словами, медленно прошли к свободным местам и расселись в первом ряду. Концерт продолжался.

XVII

А наутро горела биржа труда.

Когда на рассвете я пришел к месту пожара, биржа догорала. В группе немногочисленных любопытных стояли Виктор Третьякевич и Олег Кошевой. Они внимательно рассматривали, к каким последствиям привел пожар.

Кто-то из подошедших к месту пожара громко спросил:

— Отчего же она загорелась?

Олег повернул голову и вполне серьезно ответил:

— Трубу давно не чистили. От сажи и загорелась.

У огня суетились полицейские, пожарные. Около них вертелись Сергей Тюленин, Леня Дадышев, Володя Куликов. Ребята помогали тушить. Вернее, делали вид, что помогают. Тушить уже было нечего.

Примерно за неделю до этого мы обсуждали вопрос о том, как сорвать вторую вербовку в Германию.

Окончание. См. «Костер» №№ 9, 10 за 1968 г.

Сотрудниками биржи была завершена огромная работа по отбору нескольких тысяч молодых и физически здоровых жителей краснодонского района и города. На всех были заготовлены повестки. Шестого декабря утром полицейские должны были их разносить. А ночью, под утро, когда особенно крепкий сон, биржа запылала.

Под обвалившейся горящей кровлей погибли все документы биржи.

Ни один человек не был отправлен в Германию.

XVIII

Наши листовки читались нарасхват. Этот интерес нужно было удовлетворять полнее. А возможности в прослушивании последних известий из Москвы были ограничены. Радиоприемники, смонтированные ребятами, не могли обеспечить надежной информации: то выходила из строя какая-нибудь деталь, то не было питания.

Нас интересовала радиостанция Любы Шевцовой, находившаяся в Ворошиловграде. Используя приемник рации, можно было бы ежедневно принимать последние известия из Москвы.

— Люба, нужна твоя радиостанция, — сказал однажды Евгений Мошков, когда мы по какому-то вопросу совещались в его директорском кабинете.

В зрительный зал вошли трое в немецкой форме

Возвращаясь вечером домой, у подъезда своего дома Люба увидела автомашину. Неужели вновь заехали на ночлег частые посетители их квартиры?

Люба не ошиблась. В их дом заехали переночевать четверо фашистских вояк. Они уже знали веселую, симпатичную девушку, которая здесь живет, и нередко подгоняли свой маршрут так, чтобы остановку на отдых сделать в Краснодоне.

— Как некстати их принесло, — подумала Люба. — Снова придется их развлекать допоздна, а потом проситься к соседям ночевать. Впрочем, почему некстати? Может быть, как раз наоборот?

И Любе пришла в голову шальная мысль: попроситься с немцами в Ворошиловград и оттуда на их машине привезти рацию.

Появление Любы в комнате, где уже сидели четверо немцев, сразу внесло оживление. Тут же ее усадили за стол и стали угощать ужином.

А ее не оставляла мысль: как напроситься на поездку в Ворошиловград?

Унтер-офицер пристал:

— Люба, спой «Очи черные»!

— Хорошо! Спою вам «Очи черные» и на этом конец веселью. Я должна отдохнуть. Завтра мне нужно в Ворошиловград за продуктами.

— О, очень хорошо! Ты поедешь с нами! — воскликнул обрадованный унтер.

— А куда вы меня там завезете? — начала девушка осторожными фразами добиваться бóльшего.

— Подвезем туда, куда ты укажешь, — заверил Любу унтер-офицер.

— А как я буду с продуктами из Ворошиловграда добираться?

— Мы тебя и обратно привезем! — уговаривали уже все четверо.

В общем, «уговорили».

На следующий день мы снова собрались у Мошкова. Но Люба к условленному часу не пришла. Мы удивились: всегда такая точная и вдруг не явилась ко времени. Однако посылать за ней не стали.

А Люба в это время, удобно разместившись в кабине между шофером и унтером, по зимней дороге мчалась в Ворошиловград.

Немцы высадили ее там, где она попросила, и уехали, чтобы заняться своими делами. А Люба занялась своими.

Через сутки, в точно назначенное время, автомашина уже стояла в условленном месте.

— Грузите в кузов! — смеясь, сказала немцам Люба и вместе с подругой передала им в руки плетеную корзину.

— Только осторожней! Там картошка. И накройте теплым одеялом. Иначе померзнет.

Люба теперь болтала без умолку. Поймут, не поймут — ей было все равно. Главное — отвлечь внимание от груза.

— Теперь грузите меня! — озорным тоном произнесла девушка, когда корзина прочно уставилась в удобное место.

Унтер открыл дверцу кабины и жестом пригласил Любу сесть рядом с собой.

— Грузите меня в кузов! — настойчиво повторила девушка и, не ожидая, когда немцы поймут смысл ее просьбы, сама начала взбираться через задний борт.

После полудня я, как всегда, был в клубе. Шла репетиция хора и струнного оркестра. В перерыв ко мне подошел паренек и тихо сказал:

— У входа в клуб тебя ждет Люба.

Я оставил инструмент и вышел на открытую галерею. Внизу, у нижней ступени действительно стояла Люба. У ее ног — плетеная корзина.

— Скорей бери корзину и неси в кабинет директора! — не ответив на мое приветствие, уставшим голосом произнесла Люба.

— А что здесь?

— Костюмы для танцоров!

Что за костюмы, я понял сразу, как только взял в руки корзину. Но уточнять не стал, а быстро внес корзину в кабинет Мошкова.

А Люба перед удивленными взорами присутствующих резким движением сорвала мешковину, разбросала картошку и осторожно извлекла из корзины небольших размеров окрашенный в зеленый цвет металлический коробок: портативную радиостанцию.

На улицах Краснодона появились колонны пленных красноармейцев...

XIX

— Давайте немедленно соберемся! — взволнованно произнес Олег, потрясенный увиденным. Тут же мы послали ребят за отсутствующими членами штаба.

Все мы здорово тогда погорячились, предлагая сразу же, не дожидаясь темноты, с оружием нападать на охрану и освобождать пленных. Но нашу горячность сдержал Евгений Мошков.

— Глупо было бы нападать на охрану днем. И пленных погубим, и организацию провалим. Успокойтесь и обдумайте все хорошо. Разведайте, где будут размещать на ночлег пленных. А потом решайте, как их освобождать. Пошлите кого-нибудь в поселок Краснодон и передайте то же самое Сумскому.

После полудня прибыла новая колонна военнопленных. Ее разместили во дворе здания, в котором до оккупации была поликлиника. Оказалось, местные гестаповцы заранее знали о прибытии пленных и двор поликлиники успели огородить колючей проволокой.

Когда мы увидели, что пленных на ночное время поручили охранять местным полицейским, появился соблазн ночью освободить всех.

Помчались за советом к Евгению Мошкову. Но его уже и след простыл. Иван Земнухов, которому Мошков на время своего отсутствия поручил заведовать клубом, сказал, что Евгения не будет целые сутки. Он ушел в деревню к родственникам. Мы все удивились: ну и нашел же время гостить у родственников.

Наконец успокоились и стали решать. Оказалось, что пленных разместили не только во дворе поликлиники, но также и в школе села Водяное, в здании первомайской больницы. Разбились по группам и начали действовать.

Сергей Тюленин, Володя Загоруйко, Виктор Лукьянченко и Леонид Дадышев ушли в село Водяное. Они получили задание освободить пленных, которых разместили на ночлег в здании сельской школы.

Еще до войны мать Володи Загоруйко работала учительницей в этой школе. Володя хорошо знал расположение помещения школы и даже имел ключи от запасной двери.

Ночью через эту дверь ребята проникли к

А наутро горела биржа труда

пленным, стали их будить и по одному выпускать на свободу.

Полицейский, охранявший главный вход, ничего не подозревал. Он даже не знал, что есть еще другая дверь. А наши ребята бесшумно уводили пленных одного за другим и указывали им дома, в которых те могут укрыться.

В ту ночь юные подпольщики организовали побег семнадцати военнопленных. Они могли бы спасти жизнь и еще многим. Но те отказались.

Только позже, осмыслив происшедшее, мы поняли, до какой степени истощения физических и моральных сил были доведены военнопленные фашистами.

Другие наши подпольщики действовали у поликлиники, двор которой был огражден колючей проволокой.

Девушки занялись охраной. Люба Шевцова, Уля Громова, Майя Пегливанова отвлекали полицейских.

А мы в это время через колючую проволоку выпускали на свободу пленных. Здесь же, в толпе их переодевали в гражданское платье и уводили в дома жителей города.

В третьем месте точно такую же операцию вместе с нашими ребятами и жителями Краснодона проделывал Виктор Третьякевич.

Иван Туркенич, Иван Земнухов и первомайские ребята — Виктор Петров, Анатолий Попов, Дима Фомин освободили более двадцати пленных из здания первомайской больницы. Здесь не обошлось без применения силы. Стрельбы, как условились, не было. Но, когда наступила ночь, слишком бдительного полицейского пришлось стукнуть рукояткой пистолета по голове.

Пока тот пришел в сознание, ни военнопленных, ни тех, кто их освободил, уже не было и в помине.

Сообщили о своем успехе и подпольщики поселка Краснодон: они освободили больше двадцати военнопленных.

Той же ночью из концлагеря на хуторе Волочанском было освобождено семьдесят военнопленных. Напавшие без шума перебили всю охрану, а пленных отпустили на свободу.

Эту смелую вылазку предприняли коммунисты-подпольщики. А руководил ими наш директор клуба Евгений Мошков. Вот, оказывается, как он гостил у своих родственников.

XX

Фронт приближался к нашему городу.

Евгений Мошков сообщил нам подробный план. Он сводился к тому, что в ночь с 31 декабря на 1 января 1943 года мы без шума снимаем охрану дирекциона, врываемся с гранатами в банкетный зал и уничтожаем всех встречающих там Новый год фашистов и приглашенных ими местных предателей. А после разгрома дирекциона немедленно уходим в лес.

Наши листовки читались нарасхват

26 декабря 1942 года вечером в доме у Третьякевича было назначено заседание штаба «Молодой гвардии».

— У парадного входа в дирекцион всю ночь будут дежурить двое полицейских. Снять их нужно без выстрела. Требуется не меньше четырех человек. Кому поручим?

— Давайте поручим группе Ковалева. Их четверо. Пусть оденут белые повязки и под видом полицейских вплотную подойдут к охранникам. Все они спортсмены и без крика придушат полицейских на месте, — предложил Иван Туркенич.

План обрастал новыми подробностями. Каждому участнику операции до мелочей определялось, в какое время, по какому сигналу и какое действие он должен совершить.

Были созданы две боевые группы, которые должны через разные двери ворваться в банкетный зал и забросать весь фашистский сброд гранатами.

В группы включались Олег Кошевой, Виктор Третьякевич, Георгий Арутюнянц, Анатолий Лопухов, Виктор Петров, Анатолий Попов, Борис Главан, Сергей Тюленин и большинство ребят его группы. Одну группу должен возглавить Евгений Мошков, другую — Иван Туркенич.

Мне и Володе Загоруйко поручалось уничтожить полицейского, охранявшего вход в дирекцион со двора. После этого мы с Володей должны присоединиться к одной из групп.

Сергею Левашову поручили подготовить две грузовые автомашины для перевозки наших ребят в лес. К назначенному сроку Сергей Левашов и Анатолий Орлов должны были подогнать эти машины к зданию дирекциона.

Мы заседали долго. Уже пробило полночь. Но все еще нерешенным оставался один вопрос: где взять продукты? Нельзя ведь уводить в лес зимой такое количество людей без запаса продовольствия.

Отпустили домой первомайцев. Им ведь очень далеко до дома. Как только ушли Анатолий Попов и Виктор Петров, раздался стук в дверь. Это примчались Сергей Тюленин и Валя Борц. Сергей выпалил:

— Ребята, у аптеки стоит немецкая автомашина с новогодними подарками для фашистских солдат. Давайте заберем. Пригодятся.

Не теряя времени, мы решили действовать.

В центре города на одной из улиц (сейчас эта улица носит имя первого в нашем городе комсомольца Петра Котова) стояла грузовая почтовая автомашина. В машине и поблизости ни души.

Быстро открыли задний борт. В кузов вскочили Валерия и Сергей. Они стали подавать мешки с посылками. В посылках — консервы, галеты, шоколад, сигареты.

— Несите к Лопухову! Его дом совсем близко, — предложил Виктор Третьякевич.

Полуодетый Анатолий, увидев целую группу своих ребят с мешками, удивился:

— Что вы притащили?

— Потом узнаешь. Открывай немедленно сарай!

А утром гестапо подняло шум. По тревоге была собрана вся полиция.

— Немедленно найти похищенный груз и виновников ограбления! — орал гестаповец на начальника полиции.

На окраинах Краснодона начались повальные обыски.

В это самое время похищенные новогодние подарки мы переправляли из квартиры Лопухова в клуб имени Горького. Никому и в голову не приходило проверить, что возят в мешках на санках местные парни. А возили мы эти мешки полный зимний день.

Коробки с подарками мы сложили в одной из комнат клуба. Здесь их должны были распаковать и нужное для ухода в лес переложить в вещевые мешки.

XXI

Я проснулся от какого-то смутного беспокойства. Долго лежал, пытаясь уснуть. Но сон не шел. В голову лезли всякие мысли.

Плюнул на все и стал одеваться. Решил, что зайду к Виктору Третьякевичу и вместе с ним пойдем в клуб.

Я был уже недалеко от дома Третьякевичей, когда обратил внимание на паренька из группы Тюленина. Витя Лукьянченко знаками давал мне понять, что к Третьякевичам идти нельзя. Окружным путем я подошел к Лукьянченко.

— В чем дело?

— Виктора Третьякевича арестовали. В их доме полиция.

— А Тюленин знает?

— Знает. Он меня здесь и поставил, чтобы никого из наших не пускать в дом Третьякевичей.

— А где Сергей сейчас?

— Побежал предупреждать наших ребят. Олегу он уже сообщил.

Не задерживаясь, я направился в клуб имени Горького. Туда должны подходить наши ребята. Нужно успеть предупредить.

Как только я прошел базарную площадь, увидел несущуюся навстречу тройку, запряженную в сани. По светлой меховой шапке я еще издали узнал Евгения Мошкова. Бледный, он сидел в санях со связанными за спиной руками. Справа от него — гестаповец, слева — полицай.

Тройка пронеслась мимо. Мошков, конечно, узнал меня, но ни единым движением не хотел показать врагам, что имеет ко мне хоть какое-то отношение.

Уже на подходе я увидел, как из парадной двери клуба вышли гестаповцы и полицейские. Не глядя на них, я прошел мимо и направился к центру города.

У входа в клуб имени Ленина я встретил Володю Загоруйко. Рассказал ему о случившемся. Вместе с ним вошли в фойе клуба в надежде встретить своих товарищей. Но здесь почти носом к носу столкнулись с сыном бургомистра. Он вначале хотел пройти мимо, сделав вид, что не заметил нас. Но тут же остановился и бросил злорадно:

— Ну что, допрыгались?

Георгий Стеценко наверняка был убежден, что мы просто так, из корыстных соображений ограбили немецкую автомашину с подарками и вот теперь попались.

Мы с Володей долго ходили по городу в поисках своих товарищей. Некоторых уже не было дома. Ушел из города Жора Арутюнянц, где-то недалеко от Краснодона укрылся Иван Туркенич. А Иван Земнухов, узнав об аресте Евгения Мошкова и Виктора Третьякевича, пошел в полицию их выручать. Там его сразу и арестовали.

Зашли к Олегу Кошевому. Но дома его не застали. Узнали только, что он где-то в городе. Ушли на поиски и вскоре встретили его. Олег тоже ходил по городу, разыскивая наших товарищей, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и принять решение о дальнейших действиях.

Собрались у Виценовских.

По данным, которыми мы располагали, было очевидным, что Евгения Мошкова, Виктора Третьякевича и Ивана Земнухова гестапо арестовало не за «Молодую гвардию». Они напали на след похищенных нами подарков. А так как подарки хранились в клубе, то гестаповцы и арестовали директора клуба Мошкова, администратора Земнухова и художественного руководителя Третьякевича, рассуждая примерно так, что эти трое по своему служебному положению не могли не знать, что хранится в помещениях клуба.

Вопросов о «Молодой гвардии» арестованным не задавали. Но пытками их принуждали назвать имена участников ограбления немецкой автомашины. Ребята держались. Никого больше не называли, ссылаясь на то, что компания была случайной.

Мы верили в стойкость наших товарищей. Но мало ли что может произойти в сложившихся условиях. Не стоит рисковать безопасностью ребят.

По предложению Олега Кошевого мы приняли решение: всем участникам подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» немедленно покинуть город Краснодон.

Сергей Тюленин, Валя Борц, Нина и Оля Иванцовы ушли на восток, чтобы перейти линию фронта. Уехала в Ворошиловград к подругам Люба Шевцова.

Но не все ребята, узнав о нашем решении, торопились выполнить его. Некоторые, недооценив опасность, продолжали оставаться в Краснодоне.

Домой я больше не возвращался. Ночь провел у Виценовских. А на следующий день утром Сергей Левашов проводил меня к своим знакомым Бондаренко в поселок шахты № 12.

Два дня скрывался я в квартире этой семьи. А на третий день пришла младшая сестра Сергея тринадцатилетняя Лина Левашова. Она отозвала меня в отдельную комнату и тихо сказала:

— Тебя ищет гестапо. Прошлой ночью арестовали твоего отца. Вот тебе сумка с продуктами: немедленно уходи.

В тот момент я не знал, что и подумать. Неужели арестованные не выдержали пыток? Не может этого быть.

Через несколько минут я покинул дом Бондаренко и ушел к родственникам в другой город. Подробности того, что дальше случилось в Краснодоне, узнал намного позже.

XXII

Уже на следующий день город был наводнен карателями. На всех углах и поворотах, в переулках и на перекрестках улиц стояли фашисты с автоматами. Местным жителям с пяти часов вечера запрещалось всякое хождение по городу.

Начались аресты.

В те страшные дни мой отец трижды арестовывался полицией. Несколько дней он провел в камере вместе с Филиппом Петровичем, с которым был хорошо знаком. Уже после войны отец рассказал то, чему оказался невольным свидетелем.

Лютикова ежедневно уводили на допрос. Но оттуда он не приходил. Его приносили. После жестоких истязаний бесчувственное тело Лютикова фашисты втаскивали в камеру и бросали на бетонный пол. Филипп Петрович не стонал, не жаловался. Только однажды он тихо сказал моему отцу:

— Если выйдешь на свободу, передай: наши молодцы, держатся.

Когда моего отца арестовали во второй раз, он содержался в той же камере, где Виктор Третьякевич. Но Виктора отец узнал только по голосу. Так до неузнаваемости было изуродовано пытками его лицо. Виктора Третьякевича часто вызывали на допрос. Там его били розгами по лицу и ладоням, спину и грудь жгли раскаленным железом, подвешивали вниз головой. Мучили до потери сознания, а затем приносили в камеру и бросали на пол. Так повторялось почти ежедневно.

В женской камере, где томились Уля Громова, Люба Шевцова, Майя Пегливанова, несколько дней содержались под арестом матери Сергея Тюленина и Вали Борц. Они были свидетелями изуверских пыток, которым подвергли девушек. Вместе с тем матери Сергея и Вали были свидетелями стойкости и мужества подпольщиц.

Жестоко мучили Любу Шевцову. Палачи требовали от нее показать, где спрятана радиостанция, раскрыть секреты шифра, назвать адреса явочных квартир в Ворошиловграде.

— Ничего вы от меня не узнаете, — отвечала Люба фашистам или молча, стиснув зубы, переносила мучения.

Зимней холодной ночью 15 января 1943 года первую группу молодогвардейцев увезли на расстрел. Их привезли на окраину города, к разрушенной шахте № 5. И здесь для врагов случилось непредвиденное. Когда ребят поставили, чтобы расстрелять и сбросить в шурф, Виктор Третьякевич схватил гестаповца за полу шинели и потащил к шурфу, чтобы вместе с собой увлечь его в пропасть на пятидесятиметровую глубину. Перепуганный гитлеровец почти не оказал противодействия. Быть бы ему первым на дне шурфа, если бы не подлый предатель полицейский Подтынный, в самую последнюю секунду подскочивший на выручку своему хозяину. Виктора Третьякевича тут же живым сбросили в шурф, а над остальными испуганные враги ускорили расправу.

В две зимние ночи 15 и 16 января фашисты расстреляли коммунистов-подпольщиков Ф. П. Лютикова, Н. П. Баракова, Н. Г. Соколову, М. Г. Дымченко, Евгения Мошкова, молодогвардейцев Улю Громову, Виктора Третьякевича, Ивана Земнухова, Майю Пегливанову, Сергея Левашова, Анатолия Попова, Владимира Загоруйко, Виктора Петрова и других подпольщиков. Фашисты расстреляли и бросили в шурф шахты № 5 всех арестованных к тому времени коммунистов и комсомольцев. В опустевших камерах осталась только Люба Шевцова. Но гитлеровцы уготовили ей более тяжкую судьбу.

Шевцова и Кошевой, как известно, после новых пыток были расстреляны в Ровеньках.

День и ночь дежурили у шурфа близкие погибших...

XXIII

Фашистские войска, боясь окружения, в панике бежали из города. А на следующий день, 14 февраля 1943 года, по улицам Краснодона промчались советские танки.

В страшные дни оккупации мало кто знал, куда исчезли арестованные гестаповцами молодогвардейцы. А когда Краснодон был освобожден, весть о том, что всех схваченных подпольщиков фашисты расстреляли и сбросили в шурф шахты № 5, мгновенно облетела весь город.

У шурфа шахты собрались толпы народа.

По злой иронии судьбы руководство работами по извлечению тел расстрелянных подпольщиков с пятидесятиметровой глубины шахты поручили В. Громову: до оккупации он руководил этой шахтой.

Никто тогда еще не знал, что Василий Громов — тайный агент гестапо, один из виновников провала Краснодонского подполья и гибели молодогвардейцев.

В. Громов, боясь, что народ узнает правду о зверствах гестапо и местных предателей, настойчиво убеждал отказаться от первоначального замысла, предлагал засыпать шурф землей и на его месте поставить памятник.

Почувствовав скрытый саботаж, местные органы власти отстранили В. Громова от руководства работами и поручили это Макару Тимофеевичу Андросову, отцу расстрелянной и брошенной в этот же шурф комсомолки Лиды Андросовой.

День и ночь дежурили у шурфа близкие погибших, с трудом опознавая тела. Но к концу

работ выяснилось, что некоторых арестованных среди расстрелянных и брошенных в шурф нет.

Через несколько дней стало известно о казни в городе Ровеньки Олега Кошевого, Любы Шевцовой и их товарищей.

После этого сделалось возможным установить судьбу всех арестованных гестаповцами участников Краснодонского подполья.

Погибших похоронили со всеми почестями. Тех, кто жил в городе и в Первомайке, похоронили в парке рядом со школой имени М. Горького, ребят группы Николая Сумского — в поселке Краснодон, Олега Кошевого, Любу Шевцову, Семена Остапенко, Виктора Субботина, Дмитрия Огурцова в братской могиле жертвам фашизма в центре города Ровеньки.

Кто же выдал врагу Краснодонское подполье?

Вскоре клубок стал разматываться. Органы государственной безопасности арестовали бывшего следователя полиции предателя М. Кулешова. Вот когда стало ясно, кто и как предал «Молодую гвардию».

Арестовали и тайного агента гестапо Василия Громова.

Один из подпольщиков первомайской группы, Геннадий Почепцов, узнав об аресте Евгения Мошкова, Виктора Третьякевича и Ивана Земнухова, изрядно струсил. Он испугался того, что арестованные ребята, не выдержав пыток, выдадут всех участников «Молодой гвардии». Вместо того чтобы немедленно уйти из дома, он посвятил в дела подполья своего отчима Василия Громова.

Так Почепцов совершил первый шаг к предательству.

Как позже выяснилось, В. Громов был тайным агентом гестапо и, услышав от пасынка смутные признания о «Молодой гвардии», насторожился. А затем, прикинувшись доброжелателем, стал выведывать у Почепцова сведения о подпольной комсомольской организации. Когда первые данные были получены, В. Громов сбросил маску друга и советчика и открыто предложил Почепцову предать своих товарищей.

Школьная дружба, долг комсомольца, спаянность в подпольной борьбе, партизанская клятва, верность Родине — все было забыто в страхе за собственную жизнь. Почепцов написал для гестапо записку о том, что является участником подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» и готов рассказать подробности о ее деятельности. Несколько позже это письменное признание он дополнил списком всех известных ему молодогвардейцев.

Вот когда в гестапо начался переполох. Получив от Громова записку Почепцова, там просто испугались: оказывается, в городе существует организованное подполье. Начальник гестапо запросил из Ворошиловграда карательное войско и приказал полиции немедленно арестовать всех коммунистов Краснодона.

Сделав свое грязное дело, Почепцов ушел в деревню. Но это был всего лишь отвлекающий маневр. Уже 4 января он возвратился в Первомайку, по вызову пришел в гестапо и стал давать врагам новые сведения о «Молодой гвардии».

После тщательного расследования изменники Родины следователь полиции М. Кулешов, тайный агент гестапо В. Громов и Г. Почепцов предстали перед судом Военного трибунала. Все трое были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

А в сентябре 1943 года на окраине Краснодона в присутствии многочисленных трудящихся города виновники гибели Краснодонского подполья предатели М. Кулешов, В. Громов и Г. Почепцов были расстреляны.

Не только этих троих настигло возмездие. В послевоенные годы многие гестаповцы и их прислужники полицейские, принимавшие участие в пытках и казни коммунистов-подпольщиков и молодогвардейцев, были изобличены и понесли заслуженное наказание.

* * *

Рассказывая о моих друзьях-молодогвардейцах, я не стремился показать их людьми исключительными. Ведь они в действительности ничем не отличались от многих сотен тысяч других юношей и девушек нашей страны. И «Молодая гвардия» — далеко не единственная подпольная комсомольская организация, возникшая во вражеском тылу. Разница в том, что о Краснодонском подполье стало известно раньше и несколько больше, чем о других подобных организациях. А поступать так, как поступали молодогвардейцы Краснодона, было нормой поведения миллионов советских юношей и девушек в годы Великой Отечественной войны.

В одном из прошлых номеров «Костра» вы могли прочесть о работе службы «02» — милицейской. Сегодня расскажем о том, что происходит.

Когда набирают 03

Л. Эфрос

Фото Б. Колтуна

Разговор с Ниной Алексеевной Станкузевич — главным врачом ленинградской «Скорой помощи» — получился очень кратким.

— Вы медик?

— Нет.

— Имеете представление о работе фельдшера?

— Нет.

— ...Диспетчера?

— Нет.

— Хотите рискнуть?

— Да!

Итак, я «рискую» в качестве «диспетчера» центральной станции, «Центра», как ее коротко называют. В гардеробе в придачу к номерку получаю белый халат. Звоню в дверь с надписью «Вход посторонним строго воспрещен». Сегодня я не посторонний.

Комната ярко освещена неоновыми светильниками. И во всю ее ширину — стол-подкова.

По его дуге в удобных вращающихся креслах сидят диспетчеры. Сажусь в свободное кресло и я.

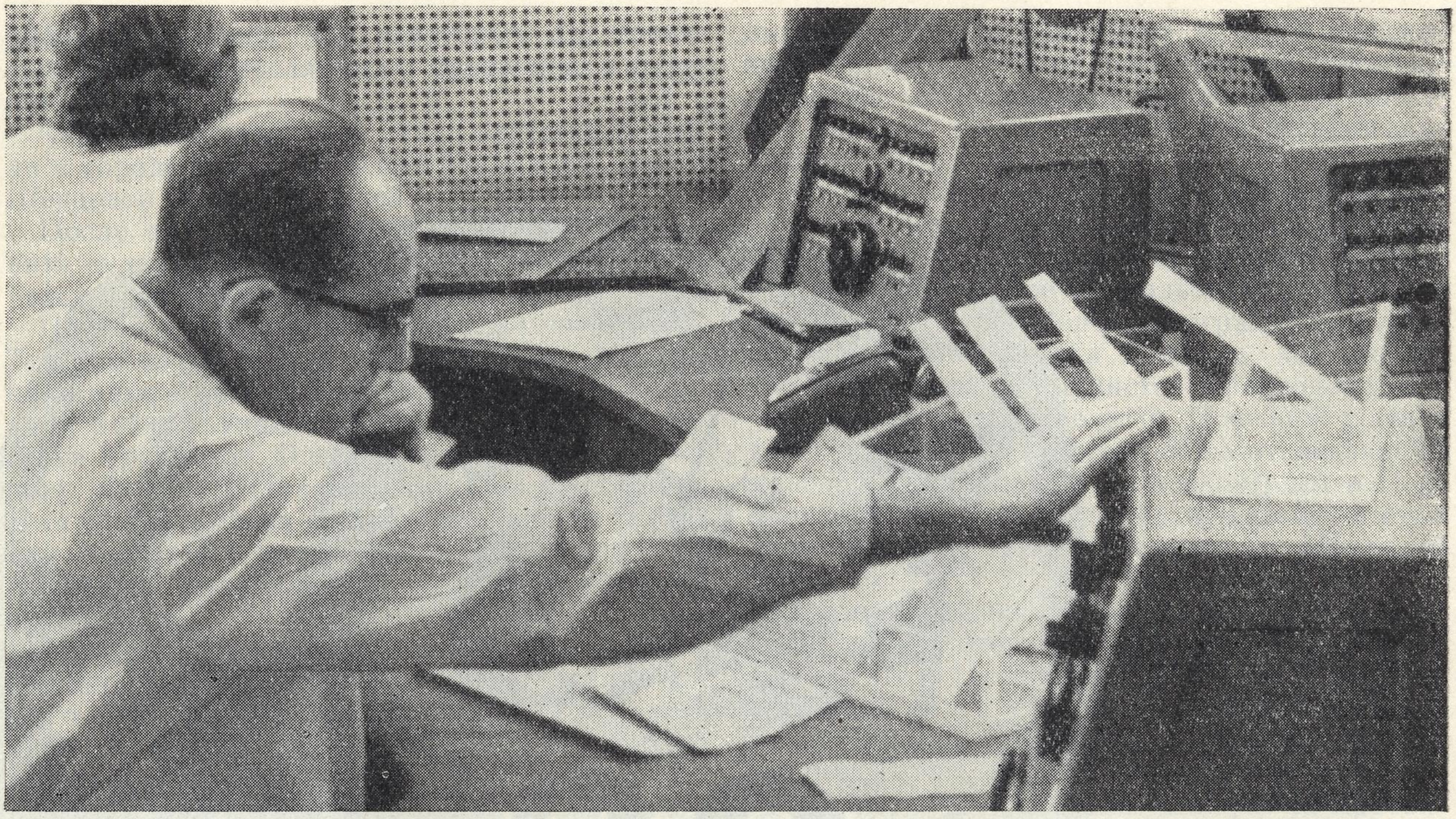
На пульте тускло поблескивают полушария лампочек. Над каждой номер. Жду. Чувствую себя уверенно — подумаешь, записать вызов... И вдруг замигал, задергался огонек под номером 11, и всю мою уверенность как рукой сняло. Говорю: «Скорая помощь слушает...» — а из трубки уже рвется тревожный голос: «С женщиной плохо. В парикмахерской. Сердечный приступ. Упала. Пожалуйста, пришлите машину».

Что делать? Думал, сначала посмотрю, послушаю, а тут на́ тебе... И ни о чем меня не предупреждали... И вдруг в динамике раздается уверенный голос: «Возраст? Адрес? Как подъехать? Ждите — высылаю машину».

Прямо гора с плеч. Оказывается, меня дублируют. И только теперь я обратил внимание на то, что лампочки под цифрой 11 загорелись на пультах всех диспетчеров. А моя соседка (она меня и выручила) уже быстро-быстро заполняет плотную картонную карточку с двумя красными диагональными полосами — на ней будет отражен весь хронометраж вызова.

Сухо щелкнули автоматические часы: на карточке отпечатано «15 часов 16 минут» — вызов принят. И карточка уже скользит по ленте транспортера. А внутри меня включился невидимый метроном — постукивают, убегая, секунды.

20 секунд — главный диспетчер в соседней комнате снял карточку с



транспортера. Ставит номер станции скорой помощи — номер 7 (всего их в Ленинграде 15).

30 секунд — диспетчер, державший связь с седьмой, принимает карточку и нажимает на кнопку под номером 7.

40 секунд — на табло вспыхивает грозный 0 — значит, на станции машин нет, все на вызовах.

50 секунд — ближайшая станция — четвертая.

Диспетчер включает связь.

1 минута — на табло цифра 3. На четвертой станции три машины готовы к старту.

1 минута 10 секунд — диспетчер передает данные, а в это время бригада скорой помощи уже одевается, готовится к выезду.

Еще 20, еще 30, еще 20 секунд...

И вот «15 часов 18 минут» — автоматические часы, сухо щелкнув, отбили время выезда машины... Две минуты понадобилось на все.

Я снова в своем кресле.

— А я за это время приняла два очень серьезных вызова, — говорит моя соседка. — Один... — но тревожно и настойчиво замигала лампочка под номером 8. «Скорая помощь слушает...» — уже уверенней говорю я. «Я умираю», — раздается в трубке. «Адрес...» — тянусь за карточкой. Кажется, опять территория четвертой станции — прикидываю я, а там всего две машины, нет, уже одна... И тут в трубке звенит довольный, веселый детский хохот.

Вот же негодяи!

— Мы уже к этому привыкли — огорченно говорит моя напарница. — Бывают и ложные вызовы. Приедет бригада — поднимают людей звонком с кровати... И те удивляются и возмущаются — ведь в квартире-то все здоровы. А рядом, за несколько домов, умирает человек — не успела машина, не дозвались ее по рации. А позвонивший балбес доволен — повеселился...

Здорово работает моя соседка — мне, пожалуй, так никогда не суметь.

Успокоила по телефону какую-то взволнованную мамашу — судя по всему, у ребенка просто грипп — нужно вызвать участкового врача; одновременно с записью вызова дает рекомендации о первой помощи—человек отравился газом, а вот...

СКОРАЯ ПОМОЩЬ ДЛЯ ВРАЧА

Сигнализирует лампочка под номером третьим. Нажимаю рычажок.

— Говорит врач из Института инженеров железнодорожного транспорта. Я дала студенту лекарство от простуды и вдруг...

Голос по телефону подробно перечисляет симптомы — студент неожиданно начал задыхаться, на лице появились красные пятна, слабость.

«Переключаю на дежурного врача», — говорит моя соседка.

И тут только я замечаю в углу комнаты небольшой столик. За ним — дежурный врач. Самый опытный человек на станции.

В сложных случаях врачи, фельдшера советуются с ним о диагнозе, о способах лечения.

— У студента, судя по всему, аллергия, — моя соседка поняла, что мне необходимо объяснение, — иначе говоря, невосприимчивость организма к лекарству.

Дежурный врач за это время выслушал все симптомы и, помедлив, дает какие-то специальные медицинские советы.

А «Центр» продолжает работу.

...Сердечный приступ... Поскользнулся, сломал ногу... Плохо ребенку...

А навстречу четкое:

«Скорая помощь... Встречайте, машина вышла». Сухо щелкают автоматические часы.

СУМОЧНАЯ

Бывали ли вы когда-нибудь в военном гарнизоне? В парках, в строгом шахматном порядке, укрытые брезентом, спящими слонами стоят танки. В казармах строгие пирамиды с автоматами. Каждый на строго определенном месте.

День и ночь ходит настороженный часовой вдоль склада с боеприпасами. Ведь достаточно случайной искры, и взрывчатка может принести неисчислимые беды своим, а не врагу.

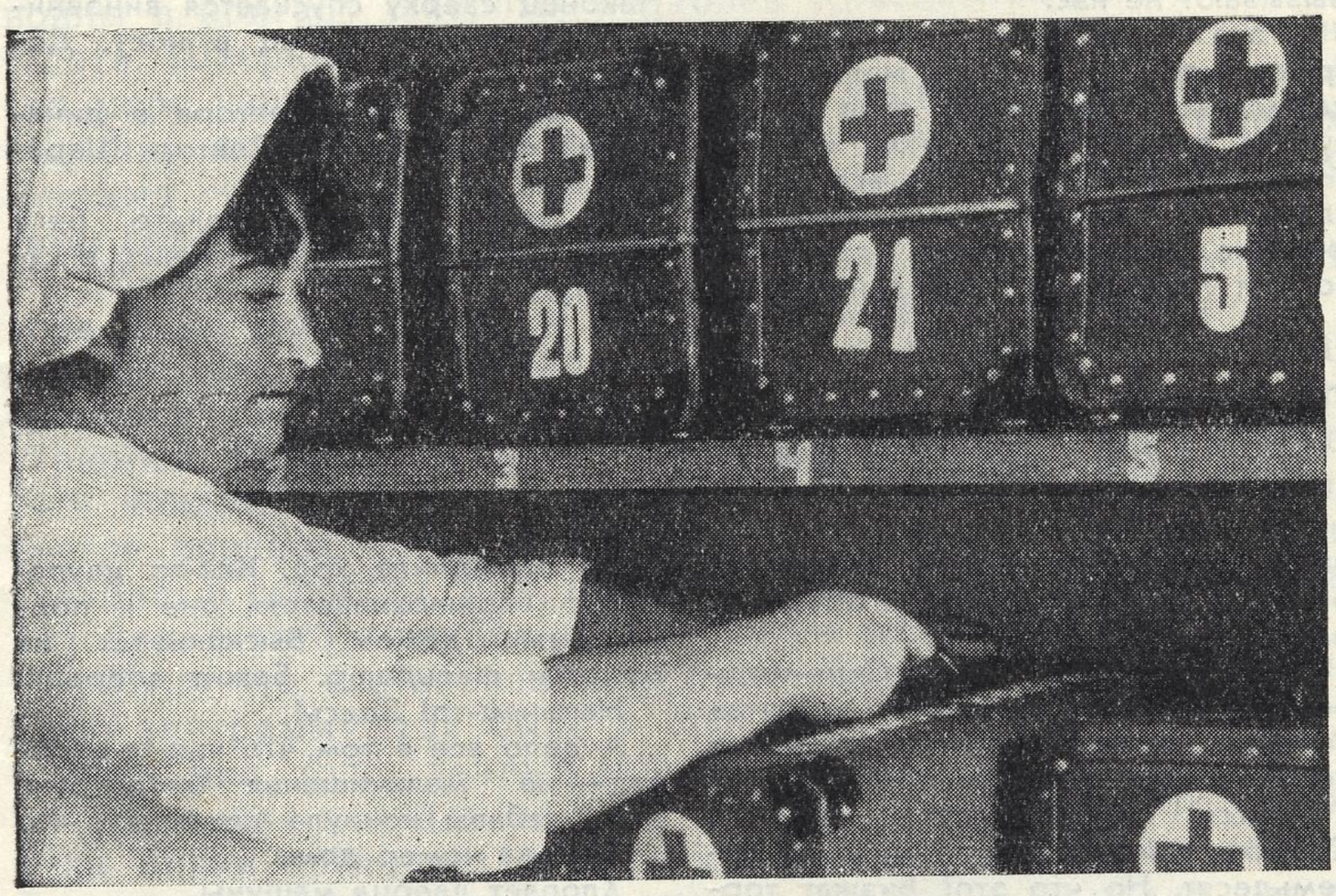
Железный порядок. И достаточно короткого сигнала боевой тревоги, как в считанные секунды расчеты уже на своих орудийных номерах, разобраны автоматы, заурчали моторы танков... Все точно знают свои обязанности и места, все отработано до автоматизма.

В скорости и точности секрет победы.

Уже темнело, когда я подходил к станции скорой помощи номер один.

Снова гардероб. Снова белоснежный халат. А на дверях первой же комнаты, куда меня приводят, странная надпись — «Сумочная».

Здесь комплектуются, здесь хранятся увесистые коричневые чемоданы с красным крестом на боковой стенке — сумки врача скорой помощи.



Каждая сумка — маленький гарнизон.

У «входа» медицинские «радиолокаторы» — безусловно известный вам термометр и в черной пластмассовой коробочке резиновая трубка с повязкой и манометром, измерять давление крови. Рядом — «артиллерия». В плоском тяжелом футляре — шприц для уколов и набор игл и баллончиков к нему. В каждом отдельном случае подбираются и игла и баллончик — так же, как и гаубица, и мортира, и пушка служат каждая своим особым целям.

Прежде чем коробочка со шприцем попала в сумку, она долго кипятилась под давлением в одном из трех блестящих как зеркало автоклавов, что стоят в углу сумочной. Стерилизовалась.

«Саперное заграждение» против микробов, бацилл и вирусов — бинты и вата. Вот они лежат в стерильных пакетах в специальном отделении сумки.

А вот и медицинские «ракеты». Они, как и настоящие, разнятся и окраской, и формой. Только называются иначе — ампулы.

Остроносенькая длинная ампула с синей надписью стоит в мягком гнезде, как в стартовом устройстве, — это кордиамин — лекарство, применяемое при сердечных приступах; в тупоносых коротких ампулах с красной надписью — эуфеллин, тоже необходимый для сердечников; в овальных, с коротким носиком и черной надписью — глюкоза. Она поддерживает истощенный организм.

Каждая ампула на своем строго определенном месте. Захочешь — а

НА ФОТОГРАФИЯХ

Сверху — фельдшер Ефим Генрихович Двир передает вызов оперативной бригаде.

В центре — дежурный диспетчер Галина Дмитриевна Скотаренко в сумочной.

Внизу — бригада спешит на выезд.

не спутаешь. И все лекарства обязательно пополняются после каждого вызова. В точности как боеприпасы после боя.

Наконец, мы дошли до склада «взрывчатки». Его «часовой» — яркая предостерегающая окраска. «Склад» тщательно закрыт. Здесь хранятся препараты морфия. Они снимают сильные боли. Но беда, если ими воспользуется неопытный человек. Чуть превышена допустимая доза — и смерть! И окраска, и особые знаки говорят — будь осторожен, медик, будь внимателен!

Сумка весит многие килограммы. Закрываю ее. На обеих ее торцах отчетливые номера. Как на солдатских автоматах.

Чтобы врач или фельдшер моментально взял свою сумку в минуту вызова, не спутал с чужой.

Как солдат по сигналу боевой тревоги.

РАССКАЗЫ ДОКТОРА ШАРАГИНА

Я определен в «экипаж» доктора Валерия Ивановича Шарагина.

Сидим, ждем вызова. Тихо. Тепло. На стене динамик. Время от времени в нем раздается щелчок селектора и торопливый голос диспетчера.

Но пока для нас вызова нет, доктор Шарагин, повинуясь моим настойчивым просьбам, рассказывает...

Машина, раздвинув сиреной толпу, остановилась. Под вагоном трамвая лежал человек. Ждать, пока вагон поднимут домкратом, было нельзя. И Валерию Ивановичу пришлось делать сложнейшую перевязку простонапросто лежа пластом на земле. «До сих пор не понимаю, — говорит, грустно усмехаясь, Шарагин, — как я умудрился рассечь сухожилия, сделать перевязку и не внести инфекцию в рану...»

Щелчок. Вызов. Нет, не нас...

А несколько лет назад вызов поступил с Каменного острова. Остров в это время был залит водой. Наводнение. Машина доехать по адресу не могла — вода добралась до радиатора. То вплавь, то почти вплавь, с тяжелой врачебной сумкой на голове больше часа добирался Шарагин до нужного дома, а потом, сделав необходимое, вез пострадавшего на лодке...

Снова включился динамик. Снова вызывают не нас.

А это случилось совсем недавно. Трехлетняя Аня играла маленькими карманными шахматами отца и... засунула пешку в нос. Увы, история вовсе не смешная. Аня все время плачет. С каждым всхлипыванием фигурка проникает все дальше — вот-вот попадет в дыхательные пути.

«Эх ты, не могла выбрать фер-зя, — говорит Валерий Иванович, — за него хоть можно было бы уцепиться...» Нет, все попытки безуспешны. Необходим специальный инструментарий. Шофер берет с места предельную скорость... По дороге и врач, и фельдшер рассказывают Ане смешные сказки. Всхлипыванья становятся реже — значит, пешечка задержится.

Вот и клиника Педиатрического института. Бригада ждет. Волнуется. Наконец сверху спускается виновница переполоха. Палец в носу. Довольна.

Снова щелчок селектора в динамике. «Машина 87. Доктор Шарагин...»

На ходу натягивая пальто, бегу за Валерием Ивановичем вниз, в сумочную.

ВСЕГДА ЗЕЛЕНЫЙ!

Шофер рвет машину с места сразу, без предупреждений. Я не успел толком разместиться и крепко ударяюсь головой о перегородку.

Наша восемьдесят седьмая — микроавтобус. Слева парусиновая койка для больного. Она пока пуста. За койкой у стены носилки. Рядом баллоны с кислородом, шины, применяемые при переломах. Наверху на шарнирах мощные фонари с рефлекторами. Они осветят больного, если понадобится оказать помощь в пути.

Рыкает наша сирена. Машина с желтой надписью «Хлеб» прижимается к тротуару.

Наша машина — обычная «скорая помощь». А есть так называемые «штурмовые», спецмашины. Они стартуют на пожары, когда у человека тяжелая травма, отравление. Бригады на штурмовых скомплектованы из особо опытных медиков. И оборудование на них особое.

Снова звучит сирена. Сине-голубой фургон с надписью «Почта» уступает дорогу. Сначала здоровье человеческое. Новости подождут.

Мчится восемьдесят седьмая. Стрелка спидометра за цифрой восемьдесят. Но что это? Визжат тормоза. Впереди на перекрестке красный свет светофора.

И уже вижу в заднее стекло, как подтягиваются — догоняют нас и «Хлеб», и «Почта», и такси, подпоясанное шашечками.

Снова хрипло гудит наша сирена. И немедленно, минуя желтый, торопясь, убирает красный сигнал регулировщик. Горит зеленый! Всегда зеленый!

Свернули на нужную улицу. Машина замедлила ход. Как-то неуверенно «принюхивается» она к подворотням домов. Выскакивает из машины фельдшер. Бежит впереди.

Наконец-то! Здесь!

А дело все в том, что чья-то озорная — не мальчишечья ли? — рука ради забавы кокнула лампочку, что освещала номер дома.

Хлопает дверца машины.

Крутая лестница старого ленинградского дома.

Второй этаж.

Бегом, бегом. Быстро. На ходу расстегнуть пальто. Размотать шарф.

Третий этаж.

Впереди, как маячок, белая шапочка Шарагина. Еще быстрей.

Четвертый этаж.

Долго не отпускаю кнопку звонка.

— Кто там?

— Откройте, скорая помощь.

КАК Я ПОНЯЛА, ЧТО Я НЕ САМАЯ-САМАЯ

Наталия Грудинина

Рисунки В. Орлова

То, что я собираюсь вам рассказать, происходило четверть века назад, когда вас еще в помине не было, а ваши мамы и папы были такие, как вы сейчас. Ну, а я была уже взрослая, хоть и молодая, и думала о себе вот что: во-первых, я самая проницательная и понимаю людей с первого взгляда; во-вторых, я самая умная, потому что кончила университет, в-третьих, я — самая гордая, потому что никому не позволю на себя кричать.

Так вот я, самая проницательная, умная и гордая, попала в годы войны в бригаду шхерных кораблей Краснознаменного Балтийского Флота. Шхерные корабли — это маленькие корабли, воюют они там, где море изрезано кусками суши, где мели и подводные камни, где большим кораблям ни в жизнь не пройти. Балтика в шхерах была местами густо заминирована врагом, острова ее, скажем, в Выборгском заливе — заняты противником.

Морские операции по высадке десанта начались у нас летом 1943 года, а до этого я, хоть и носила краснофлотскую форму, но в боях еще не бывала, а работала медсестрой. Однажды моим пациентом оказался сам начальник политотдела бригады, человек грузный, угрюмый. Пришел он просто палец перевязать, порезанный перочинным ножом, а уж морщился и кряхтел, словно только что получил боевое ранение. Меня поторапливал, а кому-то из присутствующих говорил: в скорости, мол, поспеют грибы в лесу, надо будет засолить бочонок, а то без грибов как-то скучно воевать.

Меня это все вконец возмутило. Вечером я настрочила на него злую эпиграмму, где было и про грибки сказано, и про то, что не в меру, мол, толст данный моряк для войны.

На войне подхалимы тоже бывают, а потому чьи-то услужливые руки мигом преподнесли это мое творение начальнику политотдела. Вскорости я была вызвана к нему в кабинет и ожидала, что расплачу́сь за свою дерзость крепко — может быть, даже из бригады выгонят в какую-нибудь другую часть...

Любитель соленых грибков долго смотрел на меня тяжелыми хмурыми глазами, потом сказал:

— Так стихи, значит, умеешь писать? А почему о действиях нашего Балтийского Флота не пишешь?

Я призвала на помощь всю свою проницательность, но не могла понять, куда гнет этот человек. А он продолжал своим невыразительным глуховатым голосом:

— Послушай-ка, тендера наши ты уже видела. Им скоро предстоит сыграть роль десантных кораблей. И раньше они себя тоже отлично показали. В навигационный сезон возили под огнем хлеб и снаряды по Ладоге к блокированному Ленинграду. Так вот, изволь написать в стихах об их подвигах, а то, знаешь ли, суденышки они некрасивые, ходят по морю медленно, и моряки с больших кораблей

да с торпедных катеров называют наши тендера чапалами и корытами. Короче — приказываю воспеть!

Что ж, приказ есть приказ. Я ушла писать о тендерах, и пока писала, все думала, а что же он мне про эпиграмму ничего не сказал — неужели не обиделся? Недоумение мое было настолько велико, что я стала расспрашивать старых матросов: а что за человек начальник политотдела?

— А вот он какой, — рассказали мне, — враг ставит в море противокатерные мины, рассчитанные на килевые катера, глубоко сидящие в море. А плоскодонные тендера могут пройти поверх этих мин, стало быть, по минному полю. Могут-то могут, да не наверняка, конечно. Все-таки это море, с его приливами и отливами.

Так вот, наш начальник политотдела садится в свой плоскодонный катерок и один бороздит минное поле. Пройдет его катер, не взорвется — значит, тендера пройдут...

Я говорила, что я самая проницательная? Я подумала плохо о человеке? Я судила о нем по внешности, по разговору негероическому о соленых грибках? Так вот с этого самого дня я перестала считать себя проницательной. Мой хмурый и толстый любитель грибов оказался героем невиданным, уникальным, о храбрости которого знали все, воевавшие с ним. Выходит, надо пуд соли съесть с человеком, чтобы правильно о нем судить. И тогда мне понятно стало, почему он ни слова не сказал мне о эпиграмме. Не было у него ложного самолюбия. Ему важнее то, что я, оказывается, умею писать стихи и что эта моя способность может помочь флоту.

Я не помню имени-отчества начальника политотдела. Старших офицеров мы по имени-отчеству не называли. А фамилия его была Сучков, капитан второго ранга Сучков.

А теперь я расскажу вам, как перестала считать себя самой умной.

Дело было так: после вышеупомянутых стихов о подвигах наших тендеров тот же начальник политотдела перевел меня работать в редакцию бригадной газеты «Боевой курс». Сказал: медсестру новую нам пришлют, а поэта — не пришлют, так что ты как поэт в бригаде нужнее.

И я стала писать и печататься. Конечно, не только стихи, но и статьи. И вот, когда начались десантные операции, я решила написать умную и ученую статью о храбрости русского солдата, потому что у взаимодействующей с нами десантной пехоты своей газеты не было, и она читала нашу, морскую.

Так вот, я написала, каким должен быть русский солдат. Я вспомнила о суворовских и кутузовских временах, о гражданской войне — словом, много чего написала, о чем меня в университете учили и что сама вычитала в книжках. Я сама статьей была восхищена, но... ее не напечатали. А мой редактор сказал странную фразу:

— Хорошо, птичка, поешь. Где-то сядешь...

Возмущению моему не было конца. Не понимают меня! Недоросли, неучи вокруг! Честное слово, я именно так и думала...

И вот, пошла я впервые на тендере в десантную операцию. Как корреспондента запихали меня, конечно, в кубрик, велели наружу носу не показывать.

И тут я убедилась, что, скажем, такой литературный образ, как «пули стучали дождем» — вовсе не выдуманный и не преувеличенный. Пули и мелкие осколки рвущихся вблизи мин действительно стучали по тендеру дождем, я сама слышала, как этот дождь барабанил...

И вот наступил момент, когда тендер замедлил ход, потом совсем стал и — наша храбрая пехота должна была прыгать в воду — идти занимать с боем остров.

Тут я не утерпела и высунулась из люка посмотреть, как высаживается десант и нет ли на борту раненых.

И вдруг вижу: солдаты не прыгают в воду, а стоят и смотрят на море с растерянным и даже каким-то глупым видом.

А дело в том, что вода замутнена разрывами мин и не видать — глубоко здесь или мелко. И вот, непривычные к морю пехотинцы, жители разных неприморских областей России стоят в нерешительности и боятся моря пуще, чем вражеских пуль.

А на палубе был комсорг нашего отряда тендеров Николай Гетманенко, большой мой друг и очень горячий, храбрый парень. Что, вы думаете, он закричал солдатам? Что они должны быть храбрыми? Может быть, историю вспомнил или литературу?

Видя, что люди боятся воды, а каждая минута промедления смерти подобна, Коля заорал с хохотом:

— А ну, пошли купаться, ребята! Ишь образины, все в саже, смотреть тошно! За мной! — и солдатиком спрыгнул в воду.

Бойцы тоже захохотали и бросились за Колей.

Слово «купаться»! Только одно это веселое слово и оказалось нужным.

И вот с той поры я поняла, что недостаточно иметь университетские знания, чтоб найти верный выход из трудностей, которые подсовывает жизнь. Какой мне жалкой показалась та написанная и ненапечатанная статья, которую и считала такой умной и дельной.

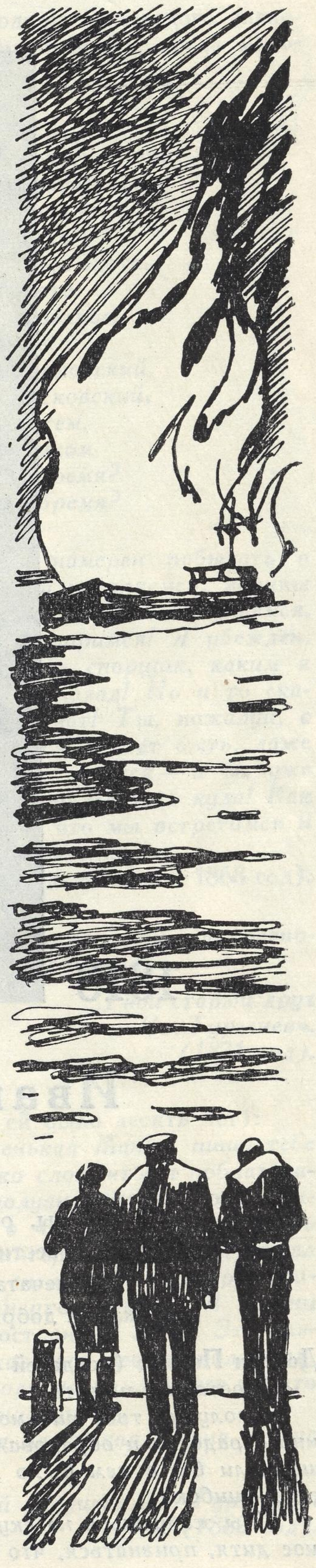
Какой же я еще-то была? Самой гордой! Не позволяла никому на себя кричать. И вот о чем тут я хочу рассказать.

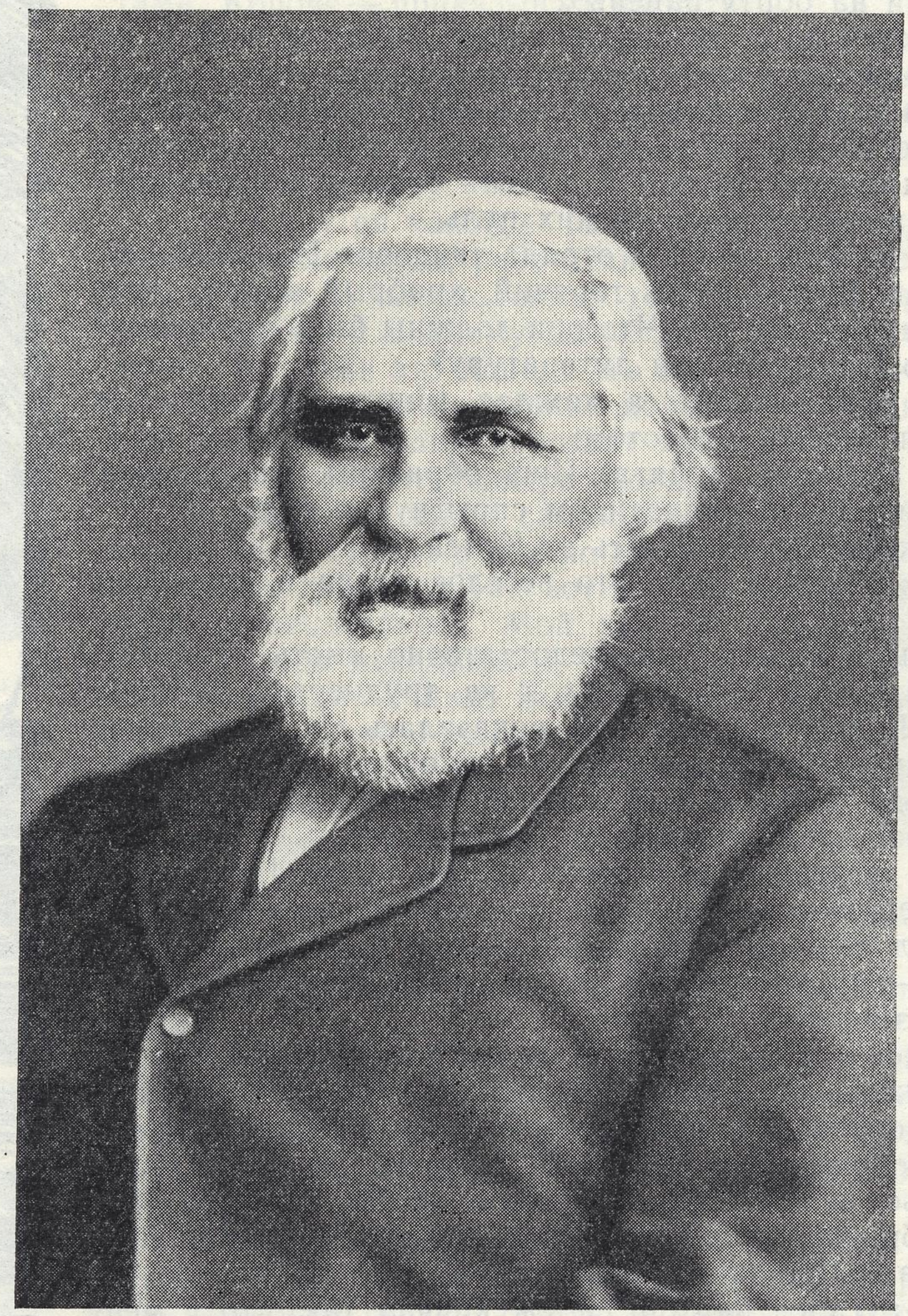
После одной из десантных операций тот же Коля Гетманенко прибежал к нам в редакцию рассказать, как она прошла. Вслед за ним в комнату вошел парторг отряда. Он был в этой операции на корабле поддержки — на канонерской лодке, обстреливавшей вражеский берег. Парторг закричал на Колю:

— Ах, вот ты где, а я тебя днем с огнем разыскиваю! Как ты смел идти с десантниками до самого берега? Какое тебе дело до сухопутного боя? За него отвечает их командир, а не ты! Показал пример, бросился в воду — и обратно, на тендер! В укрытие! Да, да, в укрытие! Чтобы сохраниться и кораблю и морякам, чтобы, в случае чего, раненых пехотинцев было кому назад взять и на базу доставить! А ты что вместо этого делал? Щенок! Мальчишка!

И еще покрепче ругался парторг, а уж кричал так, что у меня в ушах звенело. Я обиделась за Колю и стала его защищать. Тогда попало и мне, и я, гордая, не выдержав такого поношения, выбежала из редакции, демонстративно хлопнув дверью.

А еще через неделю я увидела костер в море. По морю шел тендер, на котором загорелись деревянные части. Вел этот тендер один-единственный уцелевший моряк-механик. Вся остальная команда погибла в десантной операции именно из-за того самого, против чего предостерегал Колю парторг. Увлеклись моряки, пошли вместе с пехотой в атаку и полегли все. А одному уцелевшему надо было довести корабль до базы, спасти его от затопления. Что он мог, один? Ничего, даже погасить начавшийся пожар. Этот моряк выжил, несмотря на тяжелые ожоги. И вспоминая об его одиноком, вынужденном подвиге, я одновременно думаю и о том, как прав был кричавший на нас с Колей парторг. Выходит, что не на всякий крик надо обижаться. Если кто-то перед тобой прав, не беда, если он и покричит на тебя. Люди не ангелы. И не в том выражается гордость, чтобы не дать на себя крикнуть, а в том, чтобы уметь понять и признать правоту другого человека. А иначе гордость — это не гордость, а просто заносчивость, кичливость, самовлюбленная глупость.





1818 1968

Иван Сергеевич Тургенев

Из писем к детям

Все вы, ребята, читали «Бежин луг», «Хорь и Калиныч», «Муму» и другие повести и рассказы Тургенева. Но далеко не все знают его письма.

Мы печатаем в отрывках некоторые из них. Прочтете — и почувствуете, каким добрым другом был для детей великий русский писатель.

Дочери Полине (когда ей было 14—16 лет):

«Дорогая Полинетта!

Я получил твое письмо... оно доставило мне много радости и обрадовало бы меня еще больше, если бы в нем было меньше орфографических ошибок.

...Ты жалуешься на скуку: в твоем возрасте, мое дитя, признаться, что скучаешь, так же постыдно, как признаться в воровстве. Это в самом деле кража, которую совершаешь у самой себя, и кража непоправимая. Ты крадешь свое время и все то, чем могла бы его заполнить. Попробуй немного поработать (ты говоришь, что все перепробовала), чтобы перестать скучать. Сядь за пианино или читай хорошую книгу, — проживешь сто лет и не найдешь лучшего

средства от скуки. Видишь, я пробираю тебя даже издалека — это потому, что я тебя люблю издали так же, как и вблизи».

(1856 год).

«...умоляю тебя немножко сосредоточивать свое внимание; приучись размышлять, дитя мое, это крайне необходимо в жизни. Настаивать так на вопросах орфографии кажется мелочностью, но, помимо того, что мы совершенно вправе судить о чьем-нибудь образовании по тому, как он пишет, мы можем справедливо предполагать, что если внимания недостает в мелочах — его должно еще более недоставать в больших делах».

(1858 год).

«... Ты уже причинила себе и готовишь себе впредь совершенно ненужные страдания из-за своей несчастной обидчивости, которая не что иное, как больное самолюбие... Избавься от этого противного недостатка, дитя мое, и будь уверена, что если только очень немногие люди любят нас (и любимы нами) по-настоящему, — то большинство готово питать расположение ко всякому, кто никого не обижает и не огорчает. Предполагать, что другие люди злы — это значит признаваться, что сам не чувствуешь себя добрым».

(1858 год).

«...Дитя мое, необходимо, чтобы мы говорили всегда друг другу все, что у нас на сердце. Это лучшее средство для того, чтобы остаться добрыми друзьями. Может быть, я преувеличил твои недостатки и свои упреки, но это лучше, нежели разводить дипломатию».

(1859 год).

«Дорогая Полинетта!

На этот раз ты можешь меня бранить, сколько тебе угодно, — я лентяйничал самым непростительным образом. Вот уже три письма я получил от тебя — и на них не ответил! Я рассчитываю на твое снисхождение и обещаю в будущем вести себя лучше...

Прежде всего скажу тебе, что я совершенно выздоровел, слава богу, и даже слишком выздоровел, так как это заставило меня носиться туда и сюда — каждый день я говорил себе, что нужно тебе написать, и каждый день откладывал письмо на завтра. Вот что значит стать легкомысленным в мои годы.

...До скорого свидания, дорогая девочка, не сердись слишком на меня — и знай, что, что́ бы ни случилось, у тебя никогда не будет более нежного и более верного друга, чем твой отец.

И. Тургенев».
(1859 год).

Пете Борисову (сыну одного орловского знакомого, из двух писем, написанных, когда мальчику было 9 и 13 лет):

«Милый Петя!
Непростительно —
Скажу больше, отвратительно,
Что так долго я молчал,
Хоть писать и обещал.
Да что делать! Лень... охота...
И на ум нейдет работа.
Но теперь конец стрельбе!
Обращаюсь я к тебе.
Ну, приятель мой орловский,
Ныне гимназист московский,
Расскажи-ка мне путем,
Или прозой, иль стихом,
Как твое проходит время?
По плечу ль науки бремя?

...в нынешнем году я намерен побывать в России. То-то мы с тобой нагуляемся, малины и земляники накушаемся, в речке накупаемся, обо всяких предметах наспоримся! Я убежден, что ты и теперь такой же спорщик, каким я тебя знал три года тому назад! Но и то сказать: три года много значат! Ты, пожалуй, с тех пор вырос, остепенился, может быть, даже хохолок у тебя на голове завелся — и ты уже мечтаешь о том, что ты кавалер хоть куда! Как бы то ни было, я уверен, что мы встретимся и расстанемся большими приятелями».

(Из Баден-Бадена, 1868 год).

«...Бойся риторики, дружок мой, да красного слова! Оно почти всегда ложно.

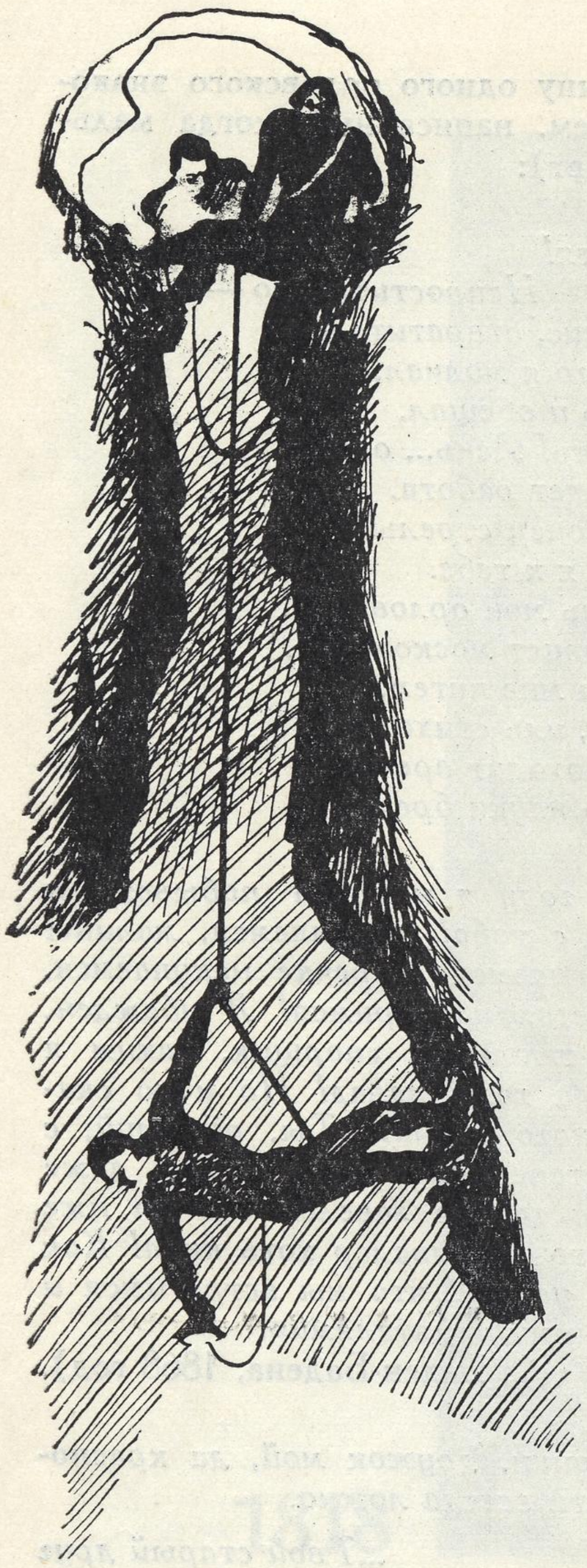
...Твой старый друг
Ив. Тургенев».
(1871 год).

Внучке Жанне (когда ей было десять лет):

«Моя дорогая маленькая Жанна, пишу тебе сегодня лишь несколько слов, чтобы поблагодарить за твое милое полуанглийское, полуфранцузское письмо. Все, о чем ты пишешь, очень меня позабавило и заинтересовало — и я нашел очень мало ошибок в английском. Теперь ожидаю письмецо на немецком языке. В жизни очень важно знать иностранный язык! Это развивает ум и может оказаться весьма полезным. Ты должна быть благодарна маме за все то, что она делает в этом отношении.

...До свидания, моя маленькая Жанна, нежно тебя целую.

Твой дедушка Ив. Тургенев».
(1882 год).



АЛЬПИНИЗМ НАОБОРОТ

Лев Стекольников

Рисунки Р. Попова

Спелеология... Что это такое?

В энциклопедическом словаре я прочел: «Раздел физической географии, изучающий пещеры». Значит, это наука. Но я что-то не слышал от ученых: «Я работаю спелеологом...» В определении кроется какая-то неточность.

Я решил встретиться с настоящим спелеологом.

Мне повезло. Среди моих знакомых отыскался заядлый пещерник. Правда, не ленинградец. Живет в Абхазии, в Сухуми. Это далековато, но наша встреча состоялась...

Я сижу в комнате, напоминающей краеведческий музей: застекленные ящики с коллекциями насекомых, гербарии, орудия первобытных людей. И блестят, как будто выточенные из голубого рафинада, длинные сталактиты и еще какие-то бусинки, раковинки, брошки — все твердое, белое, блестящее.

И легко, чуть раскачиваясь, ходит меж книжных полок и витрин хозяин музея на дому. Он худощав и смугл.

— Устрою! С большим удовольствием! Будете в пещере! Организую! — весело и живо говорит он.

Тридцать лет прожил Евгений Семенович среди грузин и абхазцев, а они — прирожденные спелеологи. Чуть ли не каждый третий побывал под землей. И все, конечно же, будут рады помочь неопытному ленинградцу сделать первые шаги в спелеологии.

— Спелеология — это наука? — спрашиваю я.

— И наука, и спорт, и многое другое,— с жаром отвечает Евгений Семенович, — это тот же альпинизм, но наоборот!

Альпинизм наоборот! Вот это определение!

— Спелеология, — продолжает Евгений Семенович, — служит многим наукам. Археологам нужны наскальные рисунки и орудия первобытных людей. Палеонтологам — кости и отпечатки вымерших животных. Геологам — строение горных пород. Натуралистам — фауна и флора подземного мира... что еще? Ах, да! — улыбается Евгений Семенович, — писателям-фантастам нужны следы космических пришельцев.

Потом мы начинаем думать о предстоящей экскурсии в пещеру.

— Машина есть у Николадзе, — вслух размышляет Евгений Семенович, — у Гиви есть отличный фонарь... надо бы еще фотографа. А, возьмем Володю! Он давно уже просится в пещеры.

— Послезавтра, в субботу, устраивает?— спрашивает он и продолжает, — в понедельник с утра на работу, и если мы застрянем в пещере (всякое бывает!), то будет запас времени целые сутки... Кстати, вы в какую пещеру хотите?

— В какую?.. — задумываюсь я, — чтобы не очень далеко, чтоб воды было мало — я плавать не умею.

— Отапская! — твердо решает Евгений Семенович, — там воды... вот так, не выше,— и он краем ладони проводит поперек горла.

Жест многообещающий! Шутит или всерьез?

...Чуть свет поднял меня Евгений Семенович. Под окном уже рокотал ГАЗ-69, а веселый шофер, напевая, грузил в кузов наше снаряжение: два бензокалильных фонаря, сетки с продуктами и рюкзаки, набитые какими-то тряпками.

— А зачем тряпки? — спрашиваю я.

— Обязательно надо брать тряпки. Чем больше, тем лучше. Потом поймете.

Володя, подросток лет шестнадцати, длинный и тонкий, как хлыст, торопится сообщить нам, что отец дал ему магниевую ленту. Снимать можно будет «на высоком уровне».

Гиви, молодой абхазец, уже сидит рядом с шофером. Он будет нашим проводником по запутанным горным дорогам.

Ох, как трудно было выехать из пределов Сухуми. Через каждые двести-триста метров — остановка. Окликают многочисленные знакомые Евгения Семеновича: «Гамарджоба! Куда, Евгений Семенович?»

Машина останавливается, а мои друзья охотно и подробно объясняют, что, мол, везут новичка в Отапскую пещеру. Меня ободряли, хлопали по плечам и спине, советовали слушаться во всем Евгения Семеновича.

Промелькнули табачные и чайные плантации — машина заплясала на неровном каменном грунте. Гиви стоит на подножке и командует:

— Вправо! Влево!

От Сухуми до Отапской пещеры 70 километров. Мы их одолели за 4 часа.

Зеленая поляна. Крутой склон горы, заросший пестрым кустарником. Неширокая мутная речка вытекает из-под низкого темного свода. Камни, торчащие вокруг, делают вход в пещеру похожим на открытую пасть чудовища с кривыми клыками. Оказывается, у пещеры есть еще одно название: пещера Абрскила.

— Жил в старину добрый богатырь Абрскил, — начал рассказ Георгий. — Ездил на могучем коне, помогал бедным, наказывал злых. Злые духи захватили его во время сна, затащили в пещеру, приковали к скале вместе с конем. Богатырь и поныне там. Рвет цепи — трясутся горы. И говорят старики, что сами видели — речка выносила из пещеры конский навоз. А, что скажете? Может, это правда? Может, вот сегодня мы найдем Абрскила?..

Зажжены бензинокалильные фонари. Потянуло удушливым запахом и копотью.

— Пора! Пора! — закричал Евгений Семенович и стал торопливо скидывать с себя одежду. — Что же вы не раздеваетесь?

— А зачем?

— Как зачем? Вы что, не читали Кастере? В пещеры надо лезть нагишом. Это самое удобное — иначе застрянете где-нибудь в щели.

Я нерешительно расстегнул пиджак. Гиви уже разделся и осторожно вошел в мутную воду. Евгений Семенович остался в плавках, Георгий и Володя — в футболке, трусах и кедах. Ничего не поделаешь. Я разделся, но тоже оставил на ногах парусиновые туфли.

Как только я ступил в подземную речку — сразу понял, для чего нужны тряпки. Ноги погрузились в грязное засасывающее дно. Минута — и мы все густо измазались выше колен грязью.

Сперва мы шли по низкому, наклонному коридору; вода доходила до пояса, голову приходилось втягивать в плечи, иногда сгибаться в три погибели, чуть не касаясь подбородком грязной воды.

Евгений Семенович шел впереди с бензинокалильным фонарем, за ним — я с фонариком-динамкой, за мной Георгий, Гиви и Володя, тоже с маленькими фонариками. У всех за плечами рюкзаки: в них небольшой запас еды и тряпки.

— Ну и грязь! — не выдержал я.

— Какая грязь? — повернулся ко мне Евгений Семенович, — это чудесная пластичная глина. За нее дорого бы дал скульптор.

— Ну, вот и первый зал! — обрадованно объявил Евгений Семенович.

На мой взгляд этот «зал» скорее походил на развалины после бомбежки: груда камней, острых глыб, щебня. Но помещение и впрямь обширное: потолок — куполом, речка Ачтитизга куда-то схоронилась, обходя кучу камней. Евгений Семенович предложил лезть напрямки через развалины, чтобы сократить путь.

— Подождите! — закричал Володя, — остановитесь! Надо же сфотографировать!

Ослепляющая долгая вспышка! Я зажмуриваюсь.

— Готово! Вы свободны!

Мы лезем через огромные острые глыбы. Они измазаны той же замечательной глиной: руки и ноги скользят... Наконец-то перевалили, и я вытираю руки тряпкой.

Снова у ног беззвучно бежит речка, но теперь в беспокойном свете наших фонарей стены засверкали желтоватыми кристаллами.

— Стойте! — опять кричит Володя, — как же можно пройти такое? Паук! Краб! Осьминог!..

Только подойдя вплотную, убеждаюсь, что это огромные наплывы, желваки минерала кальцита, подкрашенные желтой глиной.

— Дальше, дальше, — торопит Евгений Семенович, — это только начало.

Снова мы подходим к старому обвалу, но здесь под ногами не липкие камни, а обломки прекрасных сталактитов,

голубовато-белых, иногда прозрачных, звонких, как стекло.

— Варварство! — сердится Евгений Семенович. — Тут не столько обвал, сколько так называемые туристы. Какую красоту загубили!

— Э, Евгений Семенович, — возразил Георгий, — это же сувениры. Все берут по сталактиту на память. Пусть помнят Абхазию.

— Ну и будет как с Михайловской пещерой! — закричал Евгений Семенович, — что от нее осталось? Ничего!

— И мне нельзя взять на память ни одной штучки? — спросил я.

— Ну уж берите... из отбитых, конечно. Все равно не прирастут.

Я, Георгий и Володя разбрелись по залу, выбирая самые эффектные сталактиты.

Идем дальше. Вот так ледяные дворцы! Запомнился мне двухэтажный зал. В нем с потолка свисает белоснежный каменный занавес, а с пола, навстречу ему, встает острая грива сталагмитов. В конце зала огромная, толщиной больше метра, колонна. Вся в искристых узорах и резных пластинках. Будто стеклянные колонны станции ленинградского метро.

Тут мы застряли надолго. Володя фотографировал и фотографировал.

— Пещерный жемчуг! — Евгений Семенович в восторге, — это же редчайшее образование!

Он даже разрешил взять каждому по «горошинке». Но пещерный жемчуг меня разочаровал: название красивое, а так — просто каменный горох. Правда, встречается и белый, блестящий, и голубой, и даже розовый пещерный жемчуг. Но нам попался самый некрасивый: грязновато-желтый.

Новый зал! И такой высокий, что не видно и потолка. Пятнадцать метров высоты, уверяет Евгений Семенович.

— Сколько же мы прошли? — спрашиваю я.

— Метров 700. Теперь предстоит более сложный путь.

Мы пробираемся то узкими коридорами, то каменными осыпями, то высокими залами, то мелкими озерцами. Набрели на «клумбу» белоснежных роз... тут уж не только мы, но и Евгений Семенович не удержался и положил в свой мешок прекрасную находку. Раствор кальцита, падая каплями в лужу, образовал на поверхности воды эти изумительные изваяния.

Дальше, дальше... позади полтора километра. А над нами горы, поселки, ходят люди, мчатся машины.

— Я слышал, — начинает Георгий, — что пещера Абрскила проходит под Кавказским хребтом насквозь...

— Чепуха, — прерывает его Евгений Семенович, — Кавказский хребет состоит из сплошных вулканических пород, а эта — порождение известняков.

— Почему мы не находим следов первобытных людей? — спрашиваю я.

Евгений Семенович объясняет, что пещеры в Абхазии сырые. Если и были наскальные рисунки — смыло осадками.

— Ну, а живое что-нибудь тут есть? — интересуюсь я.

Пещера Абрскила замечательна только красотой своих сталактитовых залов. Вообще же в пещерах Абхазии натуралисты открыли животных, ранее неизвестных науке: пауков, жуков, ложных скорпионов, слепых кузнечиков.

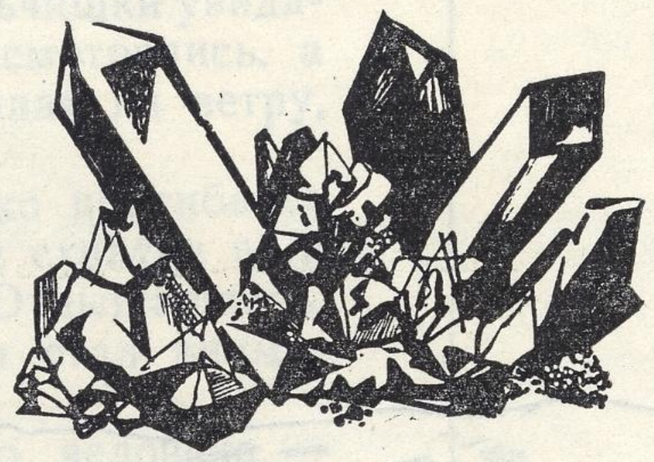
Я осветил фонариком циферблат своего хронометра. Пошел третий час нашего странствия под землей. Мы порядочно устали.

— Стоп! — оборачивается к нам Евгений Семенович, — полчаса отдыха и назад. Закусим! Прошли около двух километров.

Обратно двигались быстро. Большой фонарь закапризничал и погас. Наши слабенькие фонарики отбрасывали беспокойные желтые столбики света. Стало непривычно сумрачно. Теперь впереди шел Гиви, а Евгений Семенович был замыкающим. Пожалуй, только он не торопился расстаться с подземным миром.

Опять мы перелезли через грязные нагроможденья каменных глыб, опять шлепали, наклоняя головы, по руслу мутной Ачтитизги. Еще поворот и — о радость! Впереди что-то заголубело, зазеленело, зажелтело... Здравствуй, белый свет! Мы вернулись!

До чего же приятно лечь на зеленую траву, такую теплую, такую пахучую! Как ласково сияет солнце! Обогревшись,



мы принялись обтираться тряпками, умываться и одеваться.

— Евгений Семенович! — заговорил я. — Вы же были в этой пещере раз десять и ничего пока не нашли. Так стоит ли?

— Стоит, стоит, — живо возразил Евгений Семенович. — Нет пещер без тайн. Можно и десять, и двадцать раз лазать в одну и ту же пещеру и ничего не находить. Но в двадцать первый...

Он не договорил, но я понял его.

Абхазия. Пещера Абрскила,
сентябрь 1967

Султан

Л. Кондрашенко

Дробь рассыпает барабан,
И галстуки горят —
По шумным улицам Султан
Шагает на парад.

Еще бы, стал он знаменит,
Приехал к детворе!
Идет, медалями звенит,
Ошейник — в серебре.

Фотографируют его,
Наверно, для газет...
А он, не ведая того,
Все ждет команду: «След!»

А той команды не дают,
Похоже, что игра:
Все что-то весело поют,
Потом кричат ура.

Шумит-бежит живой поток
По праздничной Москве,
Ведет Султана паренек
На крепком поводке.

Когда-то верного щенка
Заставе он дарил...
Прости, Султан, что я пока
О нем не говорил!

Прощай, Леди! Прощай, Рекс!

Письмо Владика Арутюнова и Вахтанга Майсурадзе не осталось без ответа. Командир пограничной части пригласил ребят в гости и как-то в выходной день прислал за ними машину. Пионеров тепло встретили на заставе. Им показали питомник служебного собаководства, а лучший следопыт части сержант Завьялов специально для них продемонстрировал, как работает «по следу» его овчарка Веер.

А потом — церемония передачи собак. Перед строем пограничников Владик и Вахтанг передали своих питомцев отличным воинам Владимиру Головенко и Рустаму Мухтарову.

На снимке слева направо: рядовой В. Головенко и Вахтанг Майсурадзе с Рексом, младший сержант Р. Мухтаров и Владик Арутюнов с Леди.

Информация подполковника Н. Воробьева
Фото рядового Н. Блохина

ЧЬЯ ШАПКА?

Утебай Турманжанов *Рисунок Ю. Шабанова*

Наступила осень. Травы в степи пожелтели и поблекли. Стало холодно. Часто дул колючий сильный ветер — «гнев храброго Карабаса», как называют его старики.

Однажды в такой холодный осенний день Караш и Тураш играли за аулом в альчики. Мальчики так увлеклись своей любимой игрой, что и не заметили, как поднялся «гнев храброго Карабаса». Воздух наполнился крутящейся пылью и стал напоминать желтый бушующий поток.

Ребята проворно сбежали в ближний овраг и спрятались там в кустарнике. Здесь они были защищены от ветра. Как быстро все изменилось вокруг! Иссушенные дыханием осени кустики, послушные воле ветра, отрывались от своих корней и мчались по степи, словно выпущенные на волю ягнята. Впереди всех летело перекати-поле. Ведь недаром о нем говорят: «Я лечу, лечу, лечу! Я лечу, куда хочу! Вслед за ветром-ураганом я качусь, куда хочу!»

Вдруг рядом с перекати-полем мальчишки увидали какой-то незнакомый предмет. Всмотрелись, а это — шапка, оказывается! Подпрыгивая на ветру, она стремительно катилась по степи.

Караш выбежал из оврага и, низко пригибаясь к земле, погнался за шапкой. Вот он схватил ее и снова ловко спустился в овраг. Отдышавшись, мальчик отряхнул шапку от пыли и стал внимательно ее рассматривать.

— Это шапка какого-то пожилого человека, — сказал он Турашу.

Тураш добавил:

— Ее потерял пешеход.

— И у этого человека нет правой руки, — заметил Караш. Тураш сначала внимательно осмотрел шапку снаружи и с изнанки, а потом сказал:

— И человек этот — одинокий, неженатый.

— Почему ты так решил? — удивился Караш.

Тураш ответил:

— На подкладке шапки я увидел воткнутую туда иголку с ниткой. Если бы у хозяина шапки была жена, то она сама залатала бы любую прореху, и он не стал бы носить с собой иголку с ниткой. А ты почему узнал, что человек этот — пожилой?

— Очень просто! — рассмеялся Караш. — Если бы владельцем шапки был молодой, он без труда догнал бы ее.

— И конечно же, он шел пешком, — подхватил Тураш. — Ведь если бы он ехал на коне, то будь он даже стариком, он нагнал бы свою шапку!

— Правильно! — воскликнул Караш.

— Но почему ты думаешь, что у этого человека нет одной руки? — спросил в свою очередь Тураш.

Караш объяснил:

— У этой белой шапки, которую обычно носят немного набекрень, левая сторона грязнее правой. Смотри, вот тут есть даже пятнышко величиной с пятак. Видимо, шапку эту надевали и снимали только одной рукой — левой!

Вскоре ураган стих, все кругом успокоилось, и ребята вышли из своего укрытия. Навстречу им медленно и тяжело шел старик с непокрытой головой. Он внимательно смотрел себе под ноги, будто искал что-то.

Ребята узнали старика. Это был однорукий Карахмет-ата. Он жил один в доме на краю аула.

Увидав в руках Караша свою шапку, старик очень обрадовался и поблагодарил ребят. А Караш и Тураш радовались, что правильно отгадали, чья была шапка!

Перевела с казахского Н. Алембекова

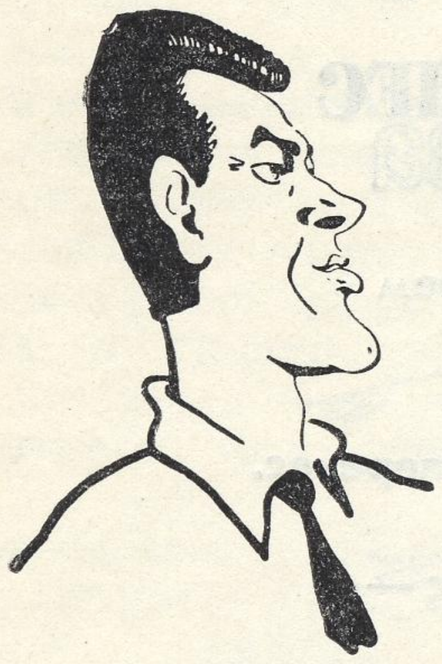
Как я перенес слова

Мы изучаем
Перенос.
Вот как
Слова я перенес.
«Едва»
Я перенес —
Е-два,
И получил за это
«Два».
«Укол»
Я перенес —
У-кол,
И получил за это
«Кол».
«Опять»
Я перенес —
О-пять.
Теперь,
Надеюсь,
Будет
«Пять»!

Избегайте много-словия

Вы... это самое... того...
Когда вы говорите,
То, значит, это... как его...
Ну, в общем, не тяните.
Вот, между прочим, так сказать,
Что мне хотелось вам сказать.

А. Шибаев



ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ,
ГДЕ АВТОРЫ, СМЕНЯЯ ДРУГ ДРУГА,
ПРИДУМЫВАЮТ ГЛАВУ ЗА ГЛАВОЙ

ГЛАВА 8

По-моему, самое интересное — развязывать узелки на пакетах с подарками. Такой же должна быть фантастика: с приключениями, тайной и обязательным сюрпризом в конце

А. Томилин

Рисунки А. Сколозубова

— Сеньора губернатора нет! Нет и сегодня не будет. Я очень сожалею... Я понимаю, что пресса... Нет, нет... Нет!

Сеньор Мануэль ди Жезус, губернатор, сидел за крепко закрытыми дверьми своего кабинета, предоставив секретарю отбиваться от назойливых журналистов.

В газетах уже поднялся шум из-за этого француза, Берже. Его подстрелили, серьезно ранив, невдалеке от фазенды, о которой недавно никто не ведал в самой Бразилии, а теперь писали в газетах многих стран мира.

Черт бы побрал этих дикарей, выбравших местом приземления штат Амазонас, его штат... Черт бы побрал Эберсбаха, выбравшего себе такую неудачную фамилию — Брусвеен... В то время как настоящий Брусвеен, оказывается, жив!

Придется помочь Эберсбаху исчезнуть с фазенды и найти новое убежище. Это не так легко...

Губернатор принялся разбирать поступившую почту. Что это? Бумага из Министерства иностранных дел? У сеньора Мануэля задергалось веко. В бумаге сообщалось: русские пишут, что готовы провести совместные обследования существа, которое находится в институте доктора Алвиста в Бразилии... Только не хватало сейчас прибытия сюда русских специалистов! Нет, лучше пусть этот Алвист сам едет в Россию, если желает, или еще куда-нибудь подальше... Кажется, француз Берже уже был в России, об этом написали в какой-то газете...

Губернатор нажал кнопку звонка. На пороге появился бледный молодой человек в безукоризненном черном костюме.

— Я вас слушаю, сеньор...

— Досье Антуана Берже.

— Сейчас, сеньор...

Вот она, эта папка. Так... Антуан Берже, археолог... Ага! Вот: три года аспирантуры в Ленинграде у профессора Почиталина... Ну, и пусть едут в свою красную Россию. Пусть едут! А здесь тем временем утихнет этот шум...

* * *

Алвист был поражен, когда получил из Советского Союза приглашение приехать в Ленинград для совместной работы с русскими в Институте высшей нервной деятельности. И к тому же — в лаборатории доктора Горелова! Алвист решил: эту возможность упускать нельзя.

Вместе с профессором из Рио-де-Жанейро в Ленинград вылетел Антуан Берже, после всего пережитого ставший таким серьезным, суровым, собранным. Сестра его летела вместе с ними до Парижа.

У профессора был драгоценный багаж: помимо важнейшей аппаратуры — специально оборудованная камера, в которой лежал серокожий, чью жизнь сейчас надо было беречь, как величайшую ценность.

* * *

В гилее — время дождей, глянцевитые листья тропических деревьев роняют на мокрую траву тяжелые капли.

В доме, похожем на ДОТ, мечется по комнатам хозяин фазенды. В просторном холле, вытянувшись по стойке «смирно», стоит начальник охраны.

— Вы болван, Кнорре! — кричит ему хозяин. — Ваши люди должны были сбить гамбарру! А вы умудрились подстрелить этого француза! Потом упустили его, и теперь он шумит! Вам понятно, чем это может грозить? И мне, и вам, черт вас подери...

— Но, герр Эберсбах...

— Молчать! Сколько раз я говорил, чтобы вы забыли это имя...

— Но вы мое настоящее имя тоже не забываете, — хмуро бормочет начальник охраны.

— Ладно, черт с вами, Кочибассо... Все ли готово для отбытия с фазенды?

— Губернатор прислал вездеходы и солдат для сопровождения...

— Не нужно, чтобы много людей знало дорогу к фазенде... Сейфы погружены?

— Так точно.

— Ты останешься здесь. На все запросы у тебя должен быть один ответ: ботаник Брусвеен отбыл в Европу. На научную конференцию. Когда вернется — неизвестно. Понял?

— Так точно, понял.

— Но я еще вернусь, Кочибассо, есть люди, которым я слишком нужен...

* * *

Подводная лодка шла с крейсерской скоростью. Возле опущенного перископа стояли два офицера в расстегнутых рубашках: командир и старший помощник.

---

* Окончание. См. «Костер» №№ 7—10.

— Я слышал, Курт, эта летающая галоша упорхнула к русским, — сказал старший помощник. — Радары засекли ее траекторию, оборвалась она где-то там...

— Зато мы схватим этих размалеванных обезьян, — отвечал командир. — Кстати, проверь показания эхолота.

— Дно повышается. Скоро барьер.

— В машине! Убрать скорость. Включить носовые гидролокаторы.

— А зачем нам эти пестрые, Курт?

— Зачем?.. А секрет безынерционного полета! На Земле этого не знает никто!

В переговорном устройстве послышалось шипение, и голос штурмана сообщил координаты. Командир взглянул на карту.

— Приготовиться к всплытию! Эрих, включи сирену.

Короткий рев прокатился по отсекам. Командир поднял перископ и откинулся на спинку вращающегося кресла.

— Ты слыхал что-нибудь о миссии «Алсос»?

— Что это за зверь?

— Историю, мой мальчик, надо знать не только по комиксам. «Алсос» — так называлась специальная разведывательная группа войск в конце второй мировой войны. Она занималась розыском ученых немцев, связанных с урановым проектом. И пока иван воевал, американцы успели переправить в Штаты лучшие мозги «райха». Научные идеи — самый дорогой товар...

Снова зашипел динамик, и голос штурмана произнес:

— Подходим. Прикажите остановить машину. Дальше опасно: рифы.

Выдвинув до отказа перископ, командир лодки вращал маховики, оглядывая горизонт.

И вот серо-голубая рубка подводной лодки всплыла над зелеными водами океана. На низком коралловом островке ярко белел песок. Солнце слепило глаза.

— Черт меня побери, — сказал старший помощник, вглядываясь вдаль, — если я что-нибудь вижу на этом проклятом атолле.

На мостик поднялся командир.

— Спустить катер! Эрих, через тридцать минут жду тебя обратно!

— Есть, капитан!

...Океанская волна лижет серо-голубую палубу. Неуловимым движением спряталась в защитную трубку антенна. Плотно закрылась бронированная дверь. Вздрогнули винты, распугали любопытных рыб. Лодка двинулась под водой.

В тесной каюте за столиком, привинченным к стальной стене, сидели командир и старший помощник. Начатая бутылка виски означала конец операции.

Под донышком темной бутылки — листок с текстом радиограммы: «Прибыли на место назначения. Ни одного живого существа, подходящего под описания инструкции 0016/84, на берегу не обнаружено. На острове много сломанных и поваленных пальм. Видимо, последствия цунами...»

— Пей, Эрих. Пестрых нам не видать. Океан умеет хранить тайны...

* * *

И снова таежная дорога. Только теперь в другой машине, с другими людьми...

Пахло гарью. Не свежим живым дымом над разгульным огнем, а застарелым, горьким духом старого пожарища. Несколько дней шли дожди... Марков глотнул, стараясь прогнать ноющую боль в ушах, — простыл, что ли, где? Но мудрено ли простыть — прямо из больницы. Одна экспедиция, вторая. Сначала он вел, показывая, где в первый раз встретился с пестрыми. Прошло дней десять — прилетел в Ленинград Элгуджа Кавтарадзе, привез еще одного обросшего волосами. Доставил в Академию наук. И снова уехал в тайгу — на сей раз на розыски упавшей ладьи.

Среди экспедиций, направленных в район предполагаемого падения летающей ладьи на землю, была группа геологов во главе с академиком Петровым. Его больше всего заинтересовал неизвестный минерал, из которого состояли копья пестрых.

Марков ехал в машине вместе с Петровым и геологом Савченко.

Вот академик — сухонький старичок, бородка клинышком — сунул палец в ухо, потряс...

— Уши что-то заложило. К непогоде, наверное... — И, продолжая прерванный разговор, повернулся к Савченко: — А вы, голубчик, не спорьте, ваш Кавтарадзе

нас подвел. Не его бы мальчишество, у нас уже были бы полные руки материалов... А что это вы морщитесь?

— Да у меня тоже, наверное, от солидарности с начальством, уши заболели. Нас, видать, в этой машине продуло...

Дорогу перегораживал шлагбаум, пришлось затормозить. У шлагбаума два солдата с карабинами проверяли, кто едет в район поисков. Солдаты были в летных шлемах с наушниками. Рядом стояла палатка, из нее вышел офицер и вынес такие же шлемы всем, кто сидел в машине геологов.

— Уши болят? — спросил офицер и, не дожидаясь ответа, сказал: — Все мы тут с ушами маемся.

Академик Петров сдвинул брови, пожевал губами, бородка его задергалась. Он ничего не сказал, молча надел шлем.

Шлагбаум подняли, машина покатила дальше.

Уши перестали болеть, но тяжесть в голове осталась. Марков подумал, что, наверно, шлем затянут слишком туго, и незаметно ослабил ремешок. По отражению в стекле увидел, что Петров тоже расстегнул свой шлем и что-то рассказывает Савченко.

— Давно это уже было, — говорил он. — Совсем молоденьким плавал я с покойным академиком Шулейкиным по Белу морю. Василий Владимирович тщился поймать «голос моря» — неслышные мощные инфразвуковые колебания, предупреждающие о приближении шторма. Ведь какая чудовищная несправедливость: примитивные медузы, блохи морские чувствуют эти сигналы, а человек — нет... На палубе был сооружен довольно большой резонатор — приемник колебаний. Но нам не везло. Погода стояла отменная, а Василий Владимирович ходил мрачнее тучи. Однажды под утро я стоял на вахте. Шли самые распроклятые часы, когда нестерпимо хочется спать. И что мне тогда взбрело в голову, не знаю, но я решил сунуть голову в резонатор, послушать... До сих пор я отчетливо помню, как подошел к установке, как наклонился, чтобы заглянуть в отверстие. Что случилось потом — это уже из рассказов приятелей. Дикая боль в ушах бросила меня на палубу. Говорили, что своими криками я переполошил всю команду... А через четыре часа грянул шторм... Так я оказался первым человеком, «услышавшим» голос моря. И вы знаете, что-то подсказывает мне, что природа сегодняшнего явления сходна с тем, что только что имел честь вам поведать... Да-с...

Савченко еще раз взглянул на карту и, протянув руку вперед, сказал:

— По всем данным это где-то здесь рядом. Только дальше, кажется, придется идти пешком...

«Эгей!» — Марков остановился. Замер на месте академик Петров. Все повернули головы в сторону крика. Из чащобы, хромая и спотыкаясь, к нам навстречу бежало существо. Бежало напористо, размахивая руками и вопя во все горло. Пропахшее дымом, заросшее дремучей черной шерстью, одетое в какие-то тряпки, это существо кинулось к Савченко... И тот, голосом, изменившимся до неузнаваемости, растроганно произнес:

— Элгуджа, друг, сукин сын, ты ли это?..

Существо усиленно замотало головой.

Академик Петров слегка побледнел и протянул руку мохнатому Кавтарадзе. Тот пробормотал что-то не-

внятное, схватил геологическое начальство за рукав и потянул в чащу. На все вопросы отвечал:

— После, после, все потом объясню. Идемте скорей...

Вчетвером двинулись по тропке. Кавтарадзе сначала шел, потом побежал. Остальные бежали за ним, спотыкаясь и утопая ногами во мху. Путь преградил завал. Кавтарадзе вскарабкался наверх, они последовали за ним...

За барьером из поваленных стволов открылось пространство, на котором еще недавно, до прошедших проливных дождей, бушевал лесной пожар. А посреди открытой, серой от золы площадки, лежала летающая ладья.

Грубые, но четкие формы ее расплылись, словно под тяжестью собственного веса. Серая, покрытая пятнами корма побурела, и на ней ясно обозначился рубец. «От ножа бульдозера», — отметил про себя академик Петров, вспомнив рассказ бразильца Машадо.

Он остановился, задыхаясь, и сдернул с головы шлем. Уши не болели...

«Инфразвуковые колебания... — подумал он. — Не голос ли это существа, которое лежит здесь? Не призыв ли его к тем, кого называют пестрыми человечками?»

Чуть заметная дрожь волной прокатилась по бокам большого серовато-бурого тела. Это движение отозвалось всплеском боли в ушах. Элгуджа крикнул:

— И мы ничем не можем помочь?

Академик Петров хмуро ответил:

— Чтобы помочь, надо знать об этом существе гораздо больше, чем мы о нем знаем.

Кавтарадзе начал рассказывать, с трудом шевеля распухшими губами... Сначала была гроза. Молния вызвала пожар, но дожди его потушили. А потом появилась нестерпимая боль в ушах. Ему, Кавтарадзе, показалось даже, что по лесу идет треск — словно везде обламываются сухие ветви... Петров пробормотал что-то насчет резонансных явлений. Марков спросил:

— Извините, по-вашему — это живое существо? Вроде птицы без крыльев? А эти разноцветные при ней — вроде вшей-пероедов на глухаре?

Петров задумчиво глядел на лежащую ладью.

— В том, что перед нами — живое существо, у меня уже сомнений нет. А вот его взаимоотношения с пестрыми — еще загадка. Пероед — паразит, птица без него обойдется. А ладья без пестрых — может ли обойтись?

Снова будто тяжелый вздох пролетел над головами. Бурое тело вздрогнуло, на мгновение приняло свои прежние очертания, щель в боку широко распахнулась...

Савченко щелкал фотоаппаратом, готовя кадры, отпечатки с которых впоследствии обойдут все научные и ненаучные журналы мира. Когда он опустил камеру, все было кончено. Контуры бурого тела потеряли свою четкость, и перед людьми высилась просто бесформенная груда.

Они долго стояли молча. Нарушил молчание Марков:

— Непонятно, зачем они прилетели к Земле?

Академик Петров пожал плечами:

— Зачем?.. Зачем залетает в окно тополевый пух? А ведь он тоже несет в себе зачаток жизни...

ЭПИЛОГ

Геннадий Гор

Профессор Почиталин приветливо посмотрел на студента, пришедшего сдавать зачет, и спросил его чрезвычайно приятным, интеллигентным и очень деликатным голосом:

— Скажите, в каком году вы родились?

— В тысяча девятьсот сорок восьмом.

— А вы когда-нибудь задумывались об этом?

— Нет, не задумывался.

— Отлично. Ну, а теперь ответьте, как бы вы мыслили, если бы родились на пятнадцать тысяч лет раньше?

Студент постарался представить себя старше на пятнадцать тысяч лет, но не смог и вместо того чтобы отвечать на вопрос профессора, стал уныло смотреть в угол.

— Вы имеете какое-нибудь представление о первобытном мышлении? — спросил Почиталин, и голос его прозвучал еще приятнее, еще интеллигентнее, еще деликатнее.

— Имею, — ответил студент.

— Замечательно. Восхитительно, — сказал профессор и вдруг, показав на стул, на котором пугливо и неуверенно сидел студент, спросил: — Это живой предмет или мертвый? Отвечая, забудьте, что вы — это вы. Вместо вас сидит первобытный человек. Как, по-вашему: стул — это живое существо или мертвое?

— Мертвое, — ответил мертвым голосом студент.

— Тогда попрошу прийти ко мне в другой раз. Вы не имеете никакого представления о первобытном мышлении. Нет, нет, учебник не поможет. Записи лекций тоже. Если хотите, дам один совет. Зайдите в этнографический музей, в отдел Австралии и Океании, посмотрите на первобытные орудия и хотя бы на минуту вообразите себя австралийским аборигеном. И при этом запомните: для первобытного человека нет в мире ничего мертвого. До свидания.

* * *

Выйдя из университета на набережную, профессор вскочил в автобус. Он задел плечом чем-то озабоченную пассажирку и извинился перед ней с такой любезной и обаятельной улыбкой, что с лица молодой пассажирки слетела всякая забота.

Он извинился еще раз и улыбнулся рыжебородому старцу, которого тоже нечаянно задел, пробираясь к выходу.

На какую-то долю минуты ему представилось растерянное лицо студента и трех других. Он провалил сегодня четырех человек и всех за одно и то же — за отсутствие воображения.

Почиталин нервничал. Дело в том, что главка, которую он должен был дописать к своей книге, требовала от него пересмотра ранее созданных им гипотез. В этой еще не написанной им главе речь должна была идти о пестрых, обитателях космоса, прилетавших на Землю на своей удивительной «гамбарре».

Профессора давно уже беспокоила одна мысль. А что, если странники Вселенной прилетали на Землю не один раз?.. Почему это так беспокоило Почиталина? Да потому, что, если они прилетали в древнем каменном веке, они могли повлиять на создание древних мифов, легенд и волшебных сказок, изучению которых профессор посвятил свою жизнь.

Ковер-самолет или скатерть-самобранка — что это? Порождение фантазии первобытных людей? А что, если это было отражение в сознании древних летающего

ковчега? Ведь ковчег — это все: и транспорт, и кров, и пища.

Волнующие минуты размышлений и глубоких теоретических догадок профессор Почиталин любил проводить вне стен кабинета, на дверях которого было написано: «Сектор первобытной культуры и мышления». В такие минуты Почиталин выходил из кабинета и, пройдя мимо коллекций, привезенных великим путешественником Миклухо-Маклаем из Новой Гвинеи и с острова Пасхи, замедлял свои шаги в «отделе Северной Америки», возле стоявшего в стеклянной витрине индейского вождя из племени сиу. Вождь в украшении из перьев орла стоял, как живой, держа лук и охраняя свое время, застывшее здесь в музее и остановившееся навсегда.

Да, здесь время остановилось и застыло, здесь стояла какая-то особая тишина, чем-то похожая на натянутую тетиву лука, который никогда уже не выстрелит.

Присутствие индейца помогало этнографу преодолеть десятилетия и века, и мысленно пребывать то в индейском вигваме, то у костра, разведенного австралийскими аборигенами, то в каменном веке. Почиталин был знатоком первобытного мышления, посвятив изучению его многие годы. Но вот случилось нечто странное и загадочное, противоречащее всем законам любимой Почиталиным науки — этнографии. Первобытные люди прилетели из космоса, преодолев огромные расстояния и нарушив все научные представления о материальной культуре «дикарей»!

Извещение об открывающемся международном симпозиуме и приглашение на него профессор Почиталин получил как раз в тот самый день, когда он закончил последнюю главу своей книги, плод долгих и глубоких размышлений о волшебных сказках, древних мифах и легендах.

Это был не совсем обычный симпозиум, в нем, кроме этнографов и языковедов, должны были принять активное участие биологи, астрофизики, психологи, философы, математики и кибернетики.

Симпозиум, как было написано в пригласительном билете, носил несколько странное название: «Совещание по вопросам симбиогенеза и проблеме странников Вселенной».

Что такое симбиоз — знает любой школьник. Но какое отношение этот биологический термин имел к странникам Вселенной, профессор Почиталин узнал из газет.

В газетах и журналах появились научно-популярные статьи и интервью с учеными, посвященные проблеме симбиогенеза. Со времен создания теории относительности ни одна теория и гипотеза не привлекла к себе такого внимания, как эта. Ученые всего мира вспомнили полузабытого советского биолога Козо-Полянского, талантливого ботаника, создавшего в начале двадцатых годов теорию симбиогенеза. Она вызвала в свое время оживленные споры биологов, а затем вошла в историю биологических идей, почти не оказав никакого влияния на дальнейшее развитие биологиче-

ской науки. Профессор Козо-Полянский считал, что весь растительный мир Земли мог служить примером гигантского симбиоза разнородных организмов и клеток, сожительствующих и сливающихся вместе для борьбы за существование.

Когда-то теория Козо-Полянского вызвала возражения подавляющего большинства биологов, и вот теперь снова она вышла на арену научной мысли. Теперь речь шла уже не о растениях, а о разумных существах — странниках Вселенной, оказавшихся связанными цепкой биологической связью с «гамбаррой», на которой они совершали длительные космические путешествия.

Почиталин позвонил в Институт цитологии, в лабораторию молекулярных и клеточных проблем.

— Мне Илью Матвеича, — сказал он лаборантке.

Минуту спустя он услышал знакомый голос, но все-таки спросил:

— Ильюша, это ты? Здравствуй, Ильюша! Здравствуй, милый!

— Павлуша?

Этот низкий, чуточку барственный голос звучал когда-то совсем по-другому, когда Почиталин сидел с обладателем этого голоса на одной парте частной гимназии на Васильевском острове.

— Как дела, Павлуша?

— Расскажу, расскажу. Мне надо повидать тебя и как можно скорее.

— Так приезжай сейчас сюда, в лабораторию. У меня как раз есть свободная минутка.

Почиталин вызвал такси и помчался на проспект Маклина.

Через двадцать минут он уже был в лаборатории своего бывшего школьного приятеля. Илья Матвеевич — или, как называл его Почиталин, Ильюша — пожилой для всех, но оставшийся молодым и неизменным для своего школьного приятеля, стоял возле ультрафиолетового микроскопа.

— Ты понимаешь, Павлуша, — сказал взволнованно Илья Матвеевич, — мы наблюдаем жизнь клетки. Это особая клетка. Неземная. Частица так называемой «гамбарры».

— Меня как раз интересуют гамбарра и прилетевшие на ней «пестрые», их биологическая связь.

— Друг мой... Знакома ли тебе теория профессора Козо-Полянского? Наверно, только понаслышке, поскольку ты не биолог. Кстати, любопытно было бы найти объяснение, почему в былое время в России самые оригинальные умы и крупные ученые жили и работали на периферии. В Казани — Лобачевский, в Калуге — Циолковский, в Воронеже — Козо-Полянский. Именно он выдвинул предположение, что живой мир на Земле обязан своим происхождением симбиогенезу. Что касается Земли, он ошибся, но оказался прав относительно космоса. «Пестрые» и «гамбарра», — это, в сущности, одно живое существо. Не правда ли, какой парадокс. Но, в сущности, мы, люди, и окружающая нас живая среда, земная биосфера — также одно целое.

— Не начинай лекцию, — перебил Илью Матвеевича Почиталин. — Видно, тебе не дают покоя лавры члена общества «Знание». Объясни в двух словах...

— В двух словах? — Илья Матвеевич бросил негодующий взгляд на своего бывшего школьного приятеля. — Да тут и миллиона слов не хватит. Дело не в словах. Слова еще не в состоянии охватить сущность этого загадочного явления и его передать. Это, дорогой Павлуша, еще проблема.

— А в чем, собственно, заключается эта проблема? — спросил Почиталин и вдруг почувствовал себя тем самым студентом, которого он провалил за полное непонимание первобытного мышления. Каждую экзаменационную сессию почему-то находился такой студент или студентка, которые не понимали самых элементарных вещей. — В чем, собственно, ее суть, дорогой Ильюша? Как я понимаю, все это немножко похоже на представления первобытного человека о реальном мире...

Илья Матвеевич обиженно встал и подошел к ультрамикроскопу. На лице его появилась презрительная усмешка, знакомая Почиталину еще со школьных лет.

— Крайне неудачное сравнение, — сказал он строго. — И кроме того, ты унижаешь биологическую науку, которая выходит на передний край человеческого знания. Что тебя заставило сказать такие неосмотрительные слова?

Неосмотрительные слова? Почиталин почувствовал себя неловко.

— Понимаешь, Ильюша, человек каменного века мысленно одушевлял предметы своей материальной культуры и весь мир — горы, реки, камни. Ну, а здесь... Что такое летающая ладья? ,Это предмет материальной культуры. И вдруг это оказывается организмом, да к тому же связанным биологической связью с разумным существом, на нем прилетевшим. Здравый смысл отказывается это понять.

— Здравый смысл? — Илья Матвеевич резко повернулся к своему приятелю. — Мы решаем трудную задачу, согласуя ее с фактом! Ладья вместе с ее обитателями — одно существо. Казалось бы, абсурд. Но это факт. На планете, с которой прилетели к нам «пестрые», иные взаимоотношения организма со средой. Какие? Не скажу, исследования еще не закончены. По-видимому, эволюция на этой загадочной планете шла своими путями. Я уже говорил, мы тоже связаны с земной биосферой цепкой причинной связью. Об этом хорошо написал еще академик Вернадский. Но эта связь все же не симбиоз, к счастью, не симбиоз, а то мы жили бы, скажем, в трамвае, питались кусками трамвая и без этого трамвая себя чувствовали как рыба на берегу. Извини, Павлуша, за неудачное сравнение. Ну, не трамвай, а троллейбус или реактивный самолет. От этого ничего не изменится.

Почиталин постарался представить себя живущим в троллейбусе от рождения до самой смерти, но это ему не удалось, как не удалось студенту представить себе живым стул, на котором он сидел, сдавая зачет. Почиталину стало не по себе. С несвойственной ему робостью он взглянул на ультрафиолетовый микроскоп, где томился крошечный кусочек загадочного мира неизвестной планеты.

Почиталин долго сидел молча, а затем спросил своего приятеля неуверенно и робко:

— И все-таки, что такое симбиоз? Я отказываюсь понимать. Ведь я думал...

Илья Матвеевич мечтательно улыбнулся.

— Ты помнишь, наверно, Павлуша, нашего гимназического преподавателя естествознания...

— Природоведения.

— Ну да. Анания Ананиевича. Мы еще называли его Акакием Акакиевичем. Помнишь, он принес в класс лишайник и долго объяснял нам, что лишайник — составной организм. В нем сожительствует гриб и зеленая водоросль, или сине-зеленая дробянка.

— Но здесь же, Ильюша, не гриб, а летающая ладья. И сожительствует с ней не зеленая водоросль, а человекоподобное существо. Парадокс. И даже абсурд!

— Да, парадокс, Павлуша, но не абсурд. Наши отдаленные предки были ненамного элементарнее нас. Эволюция вела организмы к усложнению. Но одновременно усложнялась и среда. Организм всегда связан со средой, с миром, который его окружает. На неизвестной нам планете, на которой обитают «пестрые»,

между средой и организмом существует иной тип связи, не такой, как у нас. Пока я тебе больше ничего не могу сказать. Сейчас все биологи мира заняты разгадкой этой непомерно сложной задачи. Ты извини меня, Павлуша, надо бежать на заседание ученого совета. Если тебя уж так интересует эта проблема, позвони годков этак через пять или через десять. Не думаю, что ученые раньше разгрызут этот орешек...

* * *

Профессор Почиталин стоял возле витрины. Через стекло смотрел на него индейский вождь из племени сиу. Казалось, оба они размышляли — красивый, стройный, молодцеватый экспонат с орлиным носом и худощавыми ногами, и тучный, лысый профессор, чуточку похожий на мистера Пикквика.

Мускулистые ноги вождя были как живые. Вот-вот они сделают шаг — и вождь выйдет из остановившегося навсегда мгновения в наш век и заговорит на своем гортанном языке, скажет что-нибудь величавое, образное и прекрасное, как он сам и его воинственное племя.

Но вождь молчал. Шаги его застыли, остановились, и только одежда его казалась вечно живой и поэтичной, как слова из поэмы о Гайавате.

Профессор смотрел сквозь очки на неподвижного своего друга и вдруг, словно забыв, что это только экспонат, доверительно произнес:

— Понимаешь? Симбиогенез. Он, он повлиял на законы первобытного мышления.

Сказав это своим приятным, интеллигентным и деликатным голосом, профессор надел пальто, берет и вышел на улицу. Моросил дождь. В автобусе от пассажиров пахло дождем и мокрыми весенними ветвями.

Дома профессор сказал жене, чтобы она не беспокоила его, он не намерен подходить даже к телефону. И сразу же сел за работу. Проработал он до двух часов ночи, принял таблетку депрессина и нырнул под одеяло.

Приснился ему вождь из племени сиу, стоявший за стеклом музейной витрины. Он вдруг присел, весь сжавшись, как пружина, и, издав воинственный клич, выпрыгнул из своего застывшего мгновения, со звоном разбив стекло.

Профессор проснулся. Сердце его тревожно билось. В ушах еще звенело разбитое стекло и воинственный клич индейского вождя. Он взглянул в угол и увидел там притаившегося человека, присевшего и готового к прыжку. В руках этого человека было копье. Нет, это был не индейский вождь из племени сиу, а один из «пестрых». Маленькие глазки «пестрого» с ненавистью смотрели на Почиталина и, казалось, изучали его полное дряблое профессорское тело, выбирая место для удара.

— Ради бога, пощадите, — сказал профессор своим красивым, интеллигентным, деликатным голосом. — Я всегда был другом первобытных людей.

Затем он проснулся. На этот раз уже проснулся по-настоящему, вернувшись в тот домашний, уютный и безопасный мир, из которого увел его сон.

Почиталин, кряхтя, встал, зажег свет, выкурил папиросу и сел за письменный стол.

Писал он необычайно мелким почерком, который с трудом разбирали самые опытные машинистки. Слова, набрасываемые на бумагу, спешили поспеть за мыслью, которая вела профессора в далекий, давно исчезнувший мир, когда впервые на Земле появилась волшебная сказка, оживив мертвые вещи, сделав добрыми и милыми злых зверей и заставив радостно биться человеческие сердца.

Профессор Почиталин писал доклад, с которым он должен был выступить на симпозиуме, посвященном спорным вопросам симбиогенеза и проблеме странников Вселенной.

КОНЕЦ

Дорогие друзья! Помните, в четвертом номере «Костра»:

SOS! SOS! КОСМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ!

СРОЧНО НЕОБХОДИМА ПОМОЩЬ! SOS!

Кто же первым пришел на помощь космонавтам? Кто отыскал наибольшее количество ошибок?

Все 14 ошибок удалось найти Саше Кенину из Свердловска, Боре Страуману из Ташкента, В. Михайлову из Челябинской области. Эти ребята заняли первое место.

Саша Кулишов из Москвы нашел 13 ошибок и занял второе место.

Третье место досталось Саше Тарасову из Ростовской области и Саше Ярошевскому из Судака. Они обнаружили 12 ошибок.

Все эти ребята получат памятные подарки.

Теперь назовем тех, кто нашел 11 ошибок: Сережа Борисов из Донецка, С. Матюшечкин из Алтайского края, Сережа Васильев из Усть-Каменогорска, С. Шестаков из Самаркандской области, Андрей Разин из Якутска, Саша Соловьев из Ленинграда, Юра Тихоненко из Сумской области, Ира Холзакова из Пермской области, Сережа Дмитренко из Орджоникидзе, Дима Колганонов из Кривого Рога.

Благодарим всех, кто пришел на помощь экспедиции!

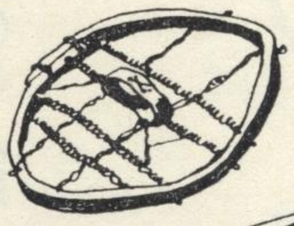
ЛЫЖНЯ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

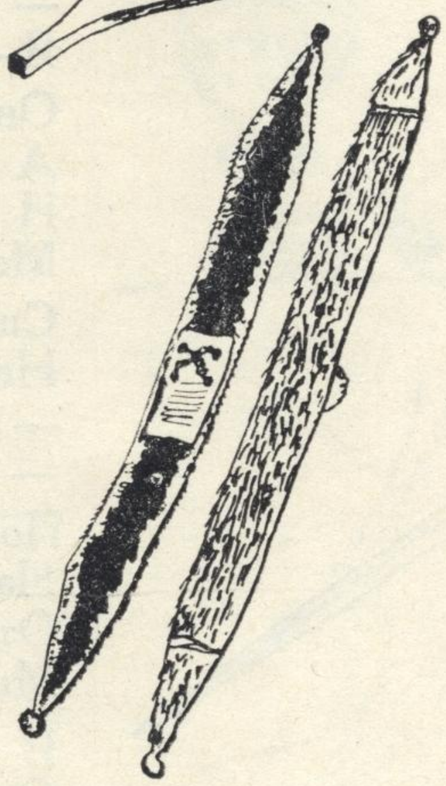
В глубь веков уходит история лыж. Более 2300 лет тому назад, во время похода в Малую Азию, греки привязывали к ногам лошадей мешки с соломой, что позволяло передвигаться по глубокому снегу. Древнегреческий историк Страбон свидетельствовал, что армяне для ходьбы в горах по снегу пользовались круглыми деревянными дощечками. Около 4000 лет изображениям, обнаруженным советскими археологами на берегу Белого моря в местечках Бесовы Следки и Залавруг, на месте стоянок людей, живших еще в каменном веке. Здесь, на стенах пещер и на скалах, высечены контуры фигурок людей на лыжах...

В Ленинградском институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта есть музей истории лыжного спорта. Здесь очень интересна секция лыж народов Севера.

Вот лыжа, которой пользовались тувинцы. Ее скользящая поверхность подбита шкурой с ног лошади. Даже на крутом подъеме скольжения назад не будет, жесткий ворс шкуры ощетинится, если лыжа «попятится». Олений каныс (шкура с ног животного) подклеен к лыже, принадлежавшей жителю Камчатки — эвену. Современная лыжа нанайцев обтянута канысом лося.

Необычна и лыжная палка северян. Эвены, например, применяют ее не только для отталкивания при ходьбе на лыжах, но и как пастуший посох. Кроме того, на верхнем конце палки имеется упор, помогающий при посадке на оленью упряжку. Лыжная палка народности удэ снабжена также и широким наконечником для разгребания снега, под слоем которого находится мох — корм для оленей. Лыжная палка орочонов имеет на конце лопатку для очистки лыж от снега.





Богата и боевая летопись лыж на Руси.

В 1444 году русские лыжники-воины под началом Василия Оболенского и Андрея Голтяева окружили и уничтожили конницу татарского царевича Мустафы из Золотой Орды. Сибирские казаки в XVI веке не раз ходили на лыжах в смелые походы против хана Кучума. В 1608—1610 годах лыжная рать в пять тысяч человек помогла противодействовать польской коннице во время осады Троице-Сергиевской лавры. Лыжи были надежными помощниками и партизан Отечественной войны 1812 года.

На самом видном месте в музее — портреты лыжников — героев Великой Отечественной войны (о них читай в очерке А. Светова «Белые призраки» — «Костер» № 2, 1967 г.).

Лыжа постепенно открывает для себя новые специальности — стала и горной, и слаломной, и прыжковой. «Освоила» даже водный слалом. Появились лыжи на роликах — для тренировок летом на асфальте. Лыжи стали легче и прочнее. Они все убыстряют свой бег. Кстати, помогают им в этом лыжные мази, без которых немыслим современный лыжный спорт.

Стремительно сбрасывают вес лыжные ботинки. Например, бывшие в ходу лет 10 назад раза в три тяжелее современных.

Уходят в прошлое крепления — кожаные ремешки, полужесткие крепления с замком...

Этот единственный в своем роде музей создал заслуженный мастер спорта СССР Евгений Сергеевич Салтыков.

В. Туркин
Рисунки А. Януса

Робин Гуд

Однажды спорили стрелки,
Кто в метку попадет.
Шериф смотрел на их игру,
И тешился народ.

Вот вышел в круг Малютка Джон
И разом всех оттер.
Он трижды в метку попадал,
За ним остался спор.

— Кто ты такой? — спросил шериф. —
Ты крепок и плечист.
— Меня зовут,—ответил Джон,—
Рейнольд Зеленый Лист.

— Ступай, Рейнольд, служить ко мне.
Чем худо у меня?
Получишь двадцать золотых
И доброго коня.

И вот одет Малютка Джон
Шерифовым стрелком,
Но и теперь Малютка Джон
С изменой незнаком.

В погожий день в глухом бору
Охотился шериф.
Он на охоту ускакал,
О Джоне позабыв.

Давно шерифа ждет обед,
Но все не едет он.
— Эй, повар, дай-ка мне поесть!—
Сказал Малютка Джон.

— Потерпишь, — повар отвечал,—
Подать, так сразу всем.
— Клянусь, — сказал Малютка Джон, —
Я — все-таки поем! —

Он вынул длинный острый меч,
А дюжий повар — свой,
И оба начали крутить
Мечи над головой.

Сшибались в воздухе мечи,
Не делая вреда.
— Ого! — сказал Малютка Джон.
— Ты бьешься хоть куда.

Пойдешь со мной в Шервудский лес?
Нас примет Робин Гуд. —
Ответил повар: — Хоть сейчас!
Мне надоело тут.

И он за мясом и вином
Отправился в подвал.
Малютку Джона накормил,
И сам не отставал.

Потом он ложки и ножи
На кухню приволок.
Они немало серебра
Упрятали в мешок.

угощает шерифа

И светлый кубок золотой
Забрали заодно.
Из кубка этого шериф
Пил пиво и вино.

Смеясь, их встретил Робин Гуд,
Без Джона он скучал.
И в тот же день Малютка Джон
Шерифа повстречал.

— Скажи, Рейнольд Зеленый Лист,
Что делал ты в лесу?
— Искал тебя, мой господин,
Я весть тебе несу.

Там, за ручьем, олень-вожак,
Невиданный олень!
Зеленый с головы до ног,
Как роща в майский день.

— Клянусь душой, — сказал шериф, —
Оленя погляжу.
— А я, — сказал Малютка Джон, —
Дорогу покажу.

Шериф доехал до ручья,
А там уж гостя ждут:
В зеленом с головы до ног
Выходит Робин Гуд.

Пришлось шерифу пировать.
Сидел он, глядя вбок.
Любимый кубок свой узнал —
И больше есть не мог.

Воскликнул Робин: — Веселей!
Еще кусок отрежь!
Малютку Джона ты кормил —
Теперь и сам поешь.

Мы будем долго пировать,
Хоть пять часов подряд.
Потом наденешь ты, шериф,
Зеленый наш наряд.

Беру тебя в ученики,
В разбойники беру.
Двенадцать месяцев, шериф,
Ты проживешь в бору.

— Остаться здесь? — спросил шериф. —
И спать на землю лечь?
Да ты уж лучше прикажи
Мне голову отсечь!

— Клянись, — ответил Робин Гуд, —
На этом вот мече:
Не мстить голодным беднякам,
Забыть о палаче!

Поклялся нехотя шериф
Не грабить бедный люд
И полюбил Шервудский лес,
Как лошадь любит кнут.

Перевел Иг. Ивановский

Рисунки Б. Семенова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания двенадцатый

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

ДЕСЯТЬ ОТВАЖНЫХ

Ночь на 25 октября 1917 года. Петроград, Нева.

Эта ночь была тревожной не только в городе. С моря задувал ветер. По реке шли мелкие, плохо различимые в темноте волны. Чернели мосты. Там, за крутым изгибом Невы, где река уходила в залив, тревожно перемигивались сигнальные огни.

С утра в реку втягивались корабли. Большинство стало на якорь не доходя Николаевского моста. Два маленьких тральщика прошли выше. Они стали против здания Адмиралтейства, у самого Зимнего дворца.

За Николаевским мостом высилась стальная громада «Авроры». Неподалеку стоял «Амур». На нем был штаб отряда.

Девять боевых кораблей и учебное судно. Запомни их имена. Их прислал Ленину Балтийский Флот. Их матросы штурмовали Зимний. Их пушки были нацелены на дворец.

Крейсер «Аврора» повторил сигнальный выстрел Петропавловской крепости. Его матросы свели Николаевский мост, штурмовали Зимний, почту и телеграф.

Минный заградитель «Амур» доставил из Кронштадта главный десант — две тысячи моряков.

Заградитель «Хопер» доставил из Кронштадта несколько сот человек.

Госпитальное судно «Зарница» доставило десант.

Матросы эскадренных миноносцев «Самсон» и «Забияка» штурмовали Зимний дворец, участвовали в боях в городе.

Сторожевой корабль «Ястреб» доставил из Гельсингфорса оружие для рабочих отрядов.

Тральщики № 14 и № 15 держали под прицелом пушек Зимний дворец.

Учебное судно «Верный» доставило десант моряков из крепости Бьерке.

В Петропавловской крепости на мачте был поднят красный фонарь — сигнал к штурму. Из крепости дали сигнальный выстрел и несколько боевых.

Бутылочная почта Бутылочная почта

Нам пишут:

«Напечатайте опять семафорную азбуку». (Коля Левинцов из Тулы)

«Как самому построить настоящую корабельную шлюпку?..» (Витя Градов из Хабаровска.)

«Правда ли, что кит однажды проглотил человека? Я читала об этом в одной книге. А в какой — забыла...» (Надя Несина из Ташкента.)

«Где можно прочесть о подводных домах и о том, как опускаются на самые большие глубины?..» (Боря Розовский из Баку.)

«Я очень хочу стать моряком. Где есть морские училища и принимают ли в них после восьмого класса?..» (Саша Щуров из поселка Кротово.)

В 1969 году «Костер» продолжит «Морскую газету». Читайте в ней ответы на эти вопросы.

Ответы на вопросы, помещенные в девятом и десятом номерах журнала.

Август. На верхнем рисунке — северное небо.

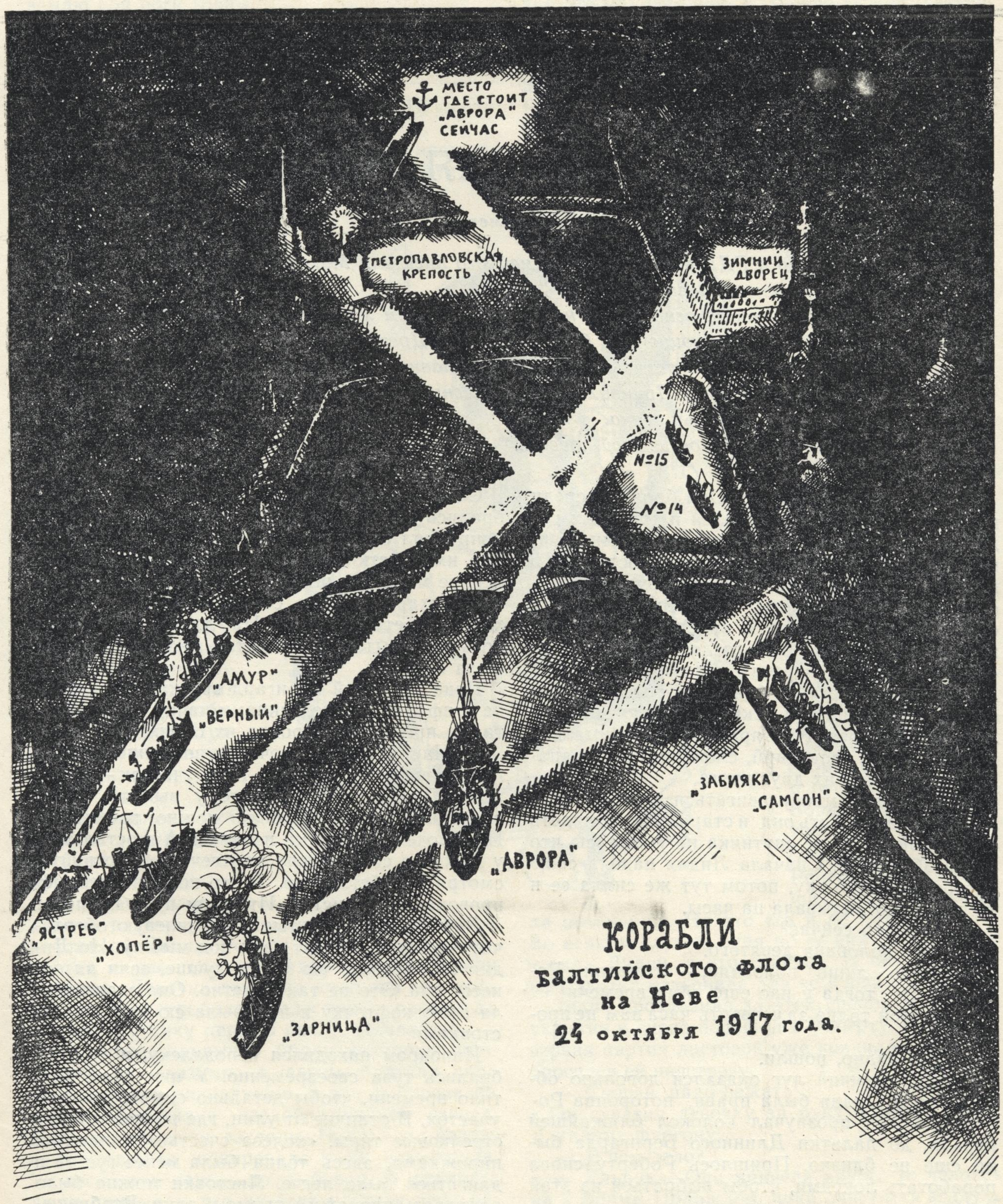
На нижнем — южное.

Сентябрь. Под первым рисунком надо читать — «предвестник шторма». Под вторым — «хорошей погоды». Под третьим — «жди грозу». Под четвертым — «обложной дождь».

Октябрь. Названия парусов: № 4 — фор-марсель, № 6 — фор-бом-брамсель, № 8 — грот-марсель, № 9 — грот-брамсель, № 13 — крюйс-бом-брамсель.

В январском номере капитан Быстроходов и боцман Румпель назовут фамилии ребят — победителей конкурса морских знатоков 1968 года.

Прочтите, что написали капитан и боцман на телеграфной ленте.



КОРАБЛИ
Балтийского флота на Неве
24 октября 1917 года.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Макс Циммеринг

Недавно в ГДР вышла книга немецкого писателя Макса Циммеринга «Ли и красные альпинисты».

В этой повести, основанной на документальном материале, автор рассказывает о революционной борьбе рабочих Дрездена в годы становления фашистской диктатуры в Германии. Главные герои повести — рабочий паренек Роберт Прицвалк и его ровесница Лидия, шестнадцатилетняя девочка из семьи врача.

Печатаем отрывок из этой повести.

Часы летели незаметно. Они бродили среди палаток, балаганов, каруселей и торговых рядов, утоляя голод пирожками, солеными огурцами, сосисками и турецкими сладостями. То и дело встречались Роберту его друзья — комсомольцы и альпинисты. Они перекидывались с ним парой слов, а то и просто бросали на него многозначительные взгляды. Освещение «русских гор» и «чертова колеса» отбрасывало в темноту пестрые блики. Сутолока нарастала, и пробираться сквозь толпу становилось все труднее. Над ярмаркой поднималось густое облако испарений, сложная смесь запахов, перебивавших друг друга,

— Надо понемногу двигаться туда, — напомнила Лидия. Хоть она и старалась выглядеть спокойной, но от ее спутника не укрылось, что она возбуждена. Сначала Лидия надела свою ангорскую кофточку, потом тут же сняла ее и то и дело поглядывала на часы.

— Сколько сейчас?

— Уже половина девятого.

— Всего лишь половина, — возразил Роберт. — Ну, тогда у нас еще уйма времени!

— В этой толпе за четверть часа нам не пробиться.

— Ну, ладно, пошли.

Однако Птичий луг оказался довольно обширным, и Лидия была права, поторопив Роберта. Когда прозвучал колокол ближайшей церкви, до палатки Длинного Бернгарда было еще не близко. Пришлось Роберту снова поработать локтями, чтобы выбраться из этой толчеи.

С опозданием в семь минут они все же добрались до цели. Длинный Бернгард как раз направлял своих помощников в предназначенные им участки. Когда они пришли в условленное место, за штабелем ящиков, оттуда вышел Рихард Фребель со своей пачкой. Он на ходу приветствовал их. На лице его отразилось любопытство, объектом которого явно была Лидия.

Пока Длинный Бернгард выуживал из ящика с яффскими апельсинами пачку для Роберта, он проинструктировал их обоих:

— Начинать надо точно в половине десятого. Ни минутой раньше. Ваш участок — ипподром. Лучше всего встаньте у выхода. Если возникнет давка, листовки можно раскидать. Но не очень толстыми пачками. А в остальном у каждого своя голова на плечах. Действуйте, смотря по обстановке. И не поддавайтесь на провокации нацистов. Итак, ни пуха ни пера!

Листовки, завернутые в коричневую оберточную бумагу, Роберт взял под мышку. Но Лидия сообразила, что будет лучше, если их понесет она. Это не так заметно. Она снова сняла свою кофточку и прикрыла ею пакет с листовками.

Ипподром находился неподалеку, и они добрались туда своевременно. У них даже хватило времени, чтобы детально осмотреть свой участок. В отличие от улиц, где располагались стрелковые тиры, «колеса счастья» и лавки с пирожками, здесь толпа была менее густой и двигаться было легче. Листовки можно было раздавать прохожим прямо в руки. Разбрасы-

вать не экономно, часть листовок падает на землю под ноги толпы.

— Мы отступаем, если только вмешается полиция, — предупредил Роберт. — И что бы ни происходило, держись рядом со мной. Если меня заберут, ты со мной незнакома.

— Об этом и речи быть не может! Неужели я брошу тебя в беде?

— Ну, будь же разумной! Тут дело идет вовсе не о том, покинуть или выручить. Тут вопрос тактики! Лучше, чтобы схватили одного, а не двоих. Кроме того, второй, в случае необходимости, выступит беспристрастным свидетелем, и что бы они там ни утверждали, мы всё будем оспаривать. Полицейским нельзя уступать. На войне идет в ход любая хитрость.

Лидия не считала, что слово «война» соответствует тому, что им предстояло. Но она новичок, и ей полагается слушать более опытных.

— А если мы потеряем друг друга?

— Гм... Попробуем встретиться. Лучше всего у Длинного Бернгарда, где бочки.

Спрятавшись за жилым фургоном, который, судя по афише, принадлежал собачьему цирку, они развернули пакет и укрыли листовки кофточкой Лидии. Роберт избрал позицию напротив кассы, где оставался проход между будками. Девочка держала листовки под кофтой, и когда пробило полдесятого, протянула своему спутнику первую пачку. Началось!

Прохожие привычно брали листовки, пробегали их глазами, а затем прятали либо комкали, кто равнодушно, а кто и бросив на юного Прицвалка неодобрительный взгляд. Были и дружеские взгляды. Никого эта раздача листовок не шокировала и не возмущала. За несколько недель до выборов в рейхстаг люди привыкли, что на всех углах и перекрестках им суют всяческие печатные листки. Пачка быстро убывала, и только Лидия хотела передать Роберту следующую, как вдруг вздрогнула от неожиданности. Да ведь это же сестра Ульрика! Кто это с нею? А, продавщица из аптеки. Они шли с ипподрома прямо на Роберта. К счастью, обе были увлечены разговором. Лидия толкнула своего друга.

— Слушай! Там Ульрика. Я пока скроюсь.

Роберт и оглянуться не успел, как она уже спряталась за какой-то ярмарочной будкой. Ульрика? Где? Он не сразу сообразил, в чем дело. Между тем Ульрика и ее приятельница из аптеки подошли, взяли, подобно прочим, предложенные листовки и прошли бы, вероятно, дальше, так и не узнав Роберта. Но когда Ульрика прочла напечатанный жирным шрифтом призыв: «Голосуйте за КПГ—список № 3!», она замедлила шаги, взглянула на Роберта, и ее глаза широко раскрылись от удивления. Однако она овладела собой, бросила на него ненавидящий взгляд, скомкала листовку и отшвырнула прочь. Воинственно выпятив грудь, она проследовала дальше. Роберт не расслышал, что она сказала аптекарше. Но это его и не интересовало. Во всяком случае, судя по ее виду, она не заметила Лидии, а это главное. И без того теперь хватит материала для ее ядовитых уколов.

Лидия проследила за этой сценой из своего укрытия и снова подошла к Роберту. Вероятно, первая партия листовок уже кончилась. Роберт бросился ей навстречу.

— Скорей, надо бежать!

Он схватил девочку за руку и потащил ее к жилому фургону.

— В чем дело?

— Ульрика! Она привела какого-то человека в форме. Подождем, пока очистится воздух.

Из-за укрытия можно было лишь очень смутно различить, что происходило там, откуда они сбежали. Однако, кто бы их ни преследовал, он мог воспользоваться лишь той дорогой, по которой шли они сами. Прождав еще несколько минут, они стали пробираться к балаганам.

— Что же дальше? — спросила Лидия.

Ей не хотелось возвращаться, выполнив лишь полдела.

— Продолжим. Только в другом месте. Здесь, наверно, организована засада и кто-то уже дожидается нас.

— Ну что же, поищем новое местечко, — согласилась девочка. — Можно в той стороне, в «лабиринте привидений» или на «чертовом колесе».

Роберт согласился. Да, «чертово колесо» — там удобно. Он разбросает листовки в толпе во время движения. Лидия тоже загорелась. Правда, ей не слишком пришлась по душе ее собственная роль в этой операции. Она должна оставаться простым зрителем и, если объявится доносчик, опровергнуть его свидетельские показания. Не то чтобы она чувствовала отвращение к такому обману, но сумеет ли она преодолеть смущение и выступить публично, найти нужные слова? Тем не менее, она согласилась. Роберт улучил момент и, засунув остаток листовок под куртку, ринулся на «чертово колесо». Там еще оставались свободные места. Уставленный сидениями наклонный диск уже начал медленно вращаться, и кассир впускал последних пассажиров. Внезапно у Роберта возникла новая идея. Он бросил все листовки на свободное место на ближайшей задней скамейке. Машина заработала быстрее, и центробежная сила довольно крепко прижала пассажиров к сидениям кресел. Совершенно так же прижало к сидению и листовки. Роберт уже ругал себя за неудачную выдумку, как вдруг это произошло. Словно взвившаяся ввысь огромная стая голубей, поднимались в воздух листовки Коммунистической партии. Если только кто-нибудь случайно не увидел, как Роберт клал эту пачку на свободное кресло, никому не удастся указать виновника этой акции.

Когда «чертово колесо» снова замедлило ход и можно было осмотреться, масса листовок все еще кружилась над толпой. Повсюду видел Роберт высоко протянутые руки, старавшиеся «ухватить голубка». Многие уже читали листовки. Даже Лидии досталась листовка.

Они двинулись обратно, к палатке Длинного Бернгарда.

— Просто великолепно, Роберт! Я ведь глаз с тебя не спускала, но так и не уследила, когда ты это сделал.

Перевел с немецкого А. Левинтон

Рисунок Курта Кламанна

ЕЛФИМКИН ДЕНЬ

П. Мочалов

Ребята, в этом рассказе описан один день новгородского мальчика Елфимки. Автор, по рассеянности, включил в рассказ шесть предметов, которых в то время в России не было. Догадайтесь, где автор ошибся.

Елфимка проснулся рано, солнце едва заглядывало в светелку сквозь тусклые слюдяные оконца. Он поднялся с постели и подошел к столу, где еще с вечера лежал лист бумаги с заданной дьяком задачкой. На верху листа он вывел пером «год 1214 от рождества Христова», а проставить день и месяц не успел: забежавший сосед Савка сманил на улицу.

Елфимка побежал в поварню — поесть. Затем, захватив несколько картошин да хлеба кусок, вместе с Савкой ушел к реке. Савка нес рыболовные снасти и жестяную банку с червями.

Шли мимо торга, где по случаю воскресного дня люда было несметно. С одного краю стояли лавки пушного, серебряного и суконного рядов, по другую — шла торговля воинскими доспехами. Звенели кольчуги, шеломы, ружья, мечи, копья да топоры боевые.

А дальше скоморохи-потешники собрали толпу зевак. Один скоморох кричал петухом, другой пел, третий на гармошке играл, четвертый — на деревянных ложках. А рядом лавка была, где купец иноземный с трубкой во рту продавал детские забавы: лошадки деревянные, мячи, свистульки, берестяные рожки.

Долго бы еще бродили тут ребята, да вспомнили о рыбалке.

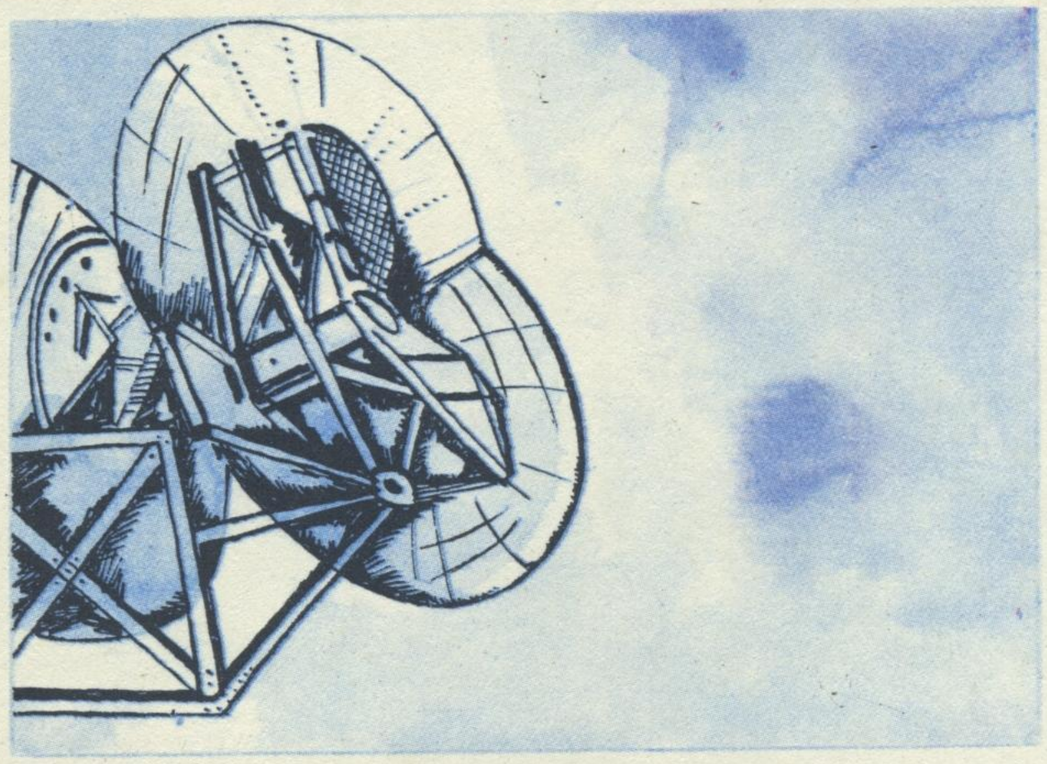
Прибежали на берег, наловили рыбы, а потом с трудом развели костер: ветер долго не давал разгореться спичкам, гасил. На костре сварили уху, а в угли побросали взятую из дому картошку, дождались, пока пропеклась. И лишь когда солнце стало клониться к закату, направились домой.

В светелке уже горели свечи, да на столе лежал забытый листок с нерешенной задачей.

Рисунок М. Беломлинского

ЕЛФИМКИН ДЕНЬ

ГДЕ?



Система Центра космической связи

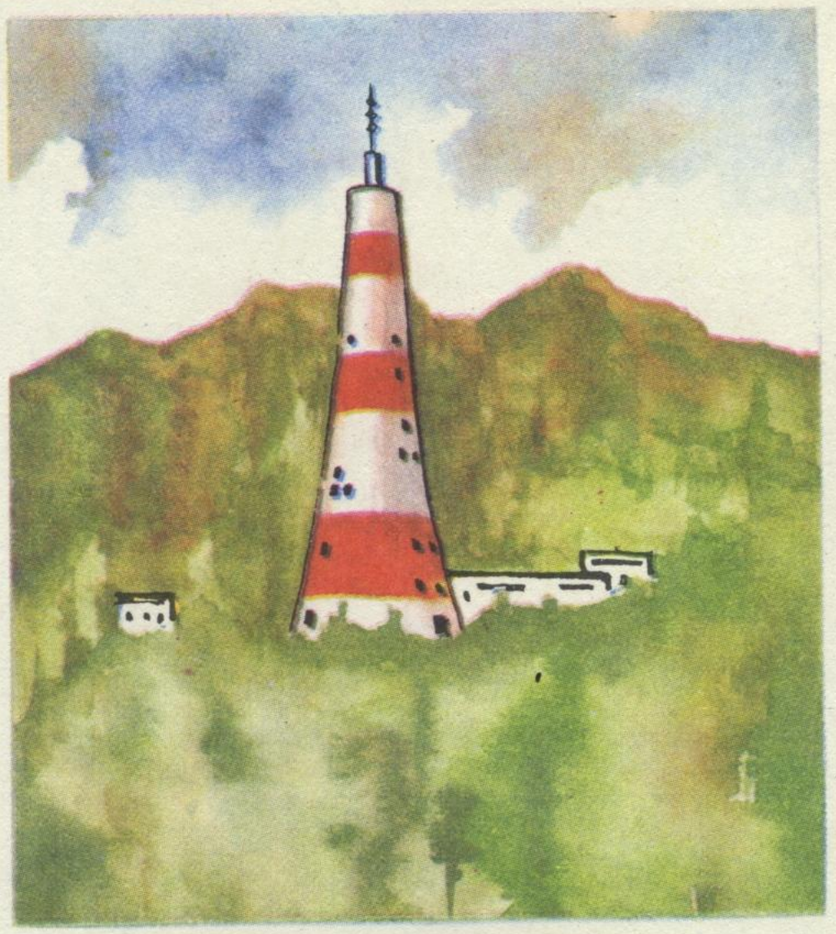
Земля с высоты 400 километров

Если бы жителям иных планет удалось приблизиться к Земле на расстояние до 400 километров, они навряд ли смогли бы обнаружить следы жизни. Их оптические приборы, способные «видеть» объекты размером до 0,5 километров, не различили бы самые большие города и крупные сооружения — мосты, дамбы, волноломы. Даже густонаселенные районы показались бы безжизненными. Все осталось бы скрытым облаками, тучами, туманами.

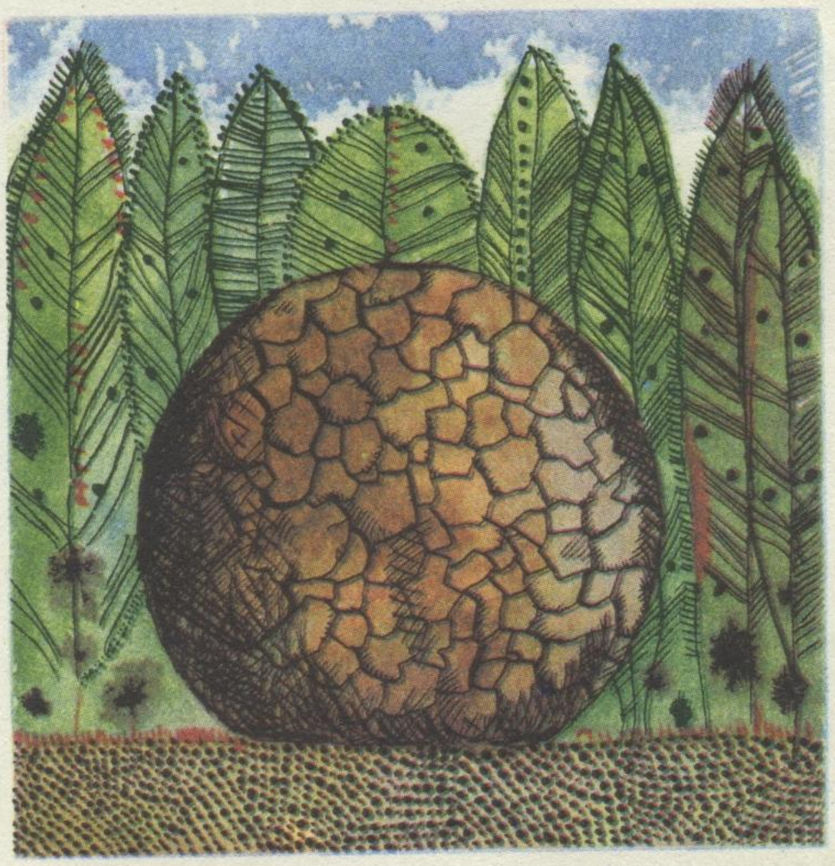
Об этом свидетельствуют тысячи фотографий, полученных американскими метеорологическими спутниками на высоте 400—600 километров.

Вездеход „Витязь“

ЧТО?



Телевизионная башня на горе



Каменный футбольный мяч

Старинный русский ковш

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

Телевизионная башня на горе

Башня своеобразной архитектуры возникла не в результате фантазии человека, а на основе чисто практической необходимости. Надо было, чтобы с башни хорошо скатывался снег и чтобы она смогла устоять при силе ветра не менее 80 километров в час. Ведь башня стоит на горе высотой 1012 метров над уровнем моря.

Вездеход „Витязь“

Металлическое русло крупнейшего в мире газопровода Средняя Азия — Центр Европейской части СССР пролегает по территории, на которой есть и пески, и горы, и степи, и леса с болотами. Новый вездеход, а точнее, БОЛОТОСНЕГОХОД «Витязь» с мотором мощностью 150 лошадиных сил может пройти везде.

Чувство времени

Большинство высокоразвитых организмов обладает «чувством времени». Механизм внутренних биологических часов достаточно точен.

Воробьи определяют время суток с точностью до 10—15 минут, а время года с точностью до 4 дней.

Паровоз на память

В городе Бодайбо Иркутской области установлен на вечном приколе паровоз «Г. Р. № 352».

... Сто лет служила старателям Лены Бодайбинская железная дорога. Сколько золота перевезено по недлинному отрезку чугунки! И вот расчет специалистов показал: выгоднее возить золотоносную руду на МАЗах. Закрыли железную дорогу, но приискатели захотели оставить на память о ней паровоз и предложили установить его в городе как памятник.

Каменный футбольный мяч

Кто не знает бразильского футболиста Пеле!

Брюссельские школьники (Бельгия) решили соорудить в честь любимого игрока памятник. Четыре года подряд собирали они всевозможные камни и складывали из них каменный футбольный мяч. Такой, какой вы видите на рисунке.

Криволесье на Амуре

Странно видеть лес, стволы деревьев которого змеевидно изогнуты. Такой лес встречается по берегам Амура. Виновник криволесья — снег.

Это он во время снегопада клонит своей тяжестью стволы молодых березок к земле. Правда, весной и летом они распрямляются и начинают расти вверх. Но на следующую зиму снег снова клонит стволы деревьев, иногда уже в другую сторону. И так из года в год...

Старинный русский ковш

Из такого гладкого деревянного ковшика пили в старину. Ручка ковша изогнута так, чтобы было удобнее зацепить ею за край бочонка и повесить ковшик. Ручку ковша старинные умельцы украшали маленькими, словно плывущими по реке, деревянными уточками...

Лазер — помощник метеоролога

Предсказать погоду современным метеорологам помогает лазер. Его тонкий луч как бы прощупывает облака, туманы, воздушные вихри, грозовые зоны и, вернувшись на Землю из атмосферы, «рассказывает» ученым, какие метеорологические явления происходят на высоте до 100 километров.

Письмо Кате А.

и многим другим девочкам, которых волнуют одни и те же вопросы

..Я и сама не знаю, что ко мне пришло — любовь или нет. Многие из моих окружающих говорят, что любить рано, так как мне недавно исполнилось тринадцать лет. Мне нравится один мальчик из нашей школы. Мы с ним почти год дружили. Он мне не писал записок, что я ему нравлюсь. Я и без этого знаю, что ему нравится другая девочка, Галя. А Гале — Миша. А Мише — я. Вот у нас как по-смешному все получается. Недавно я ему написала, что я его люблю, а он написал ответ: «Катя, ты не обижайся на меня, но я тебя не люблю, я хочу, чтоб мы на всю жизнь остались друзьями и не ссорились»». Я прочитала — у меня даже слезы выступили. Может, я дурочка, что я ему написала, сама не знаю. А тут на уроке немецкого языка я заплакала, вы и сами, наверное, понимаете, как мне обидно. А теперь он все делает назло и сейчас продолжает, на перемене перед моими глазами заигрывает с другими девочками. Я сразу же отворачиваюсь, как будто не замечаю. Дружить мне с ним или нет? Хоть он и написал, что я ему не нравлюсь, но он мне по-прежнему нравится. Можно ли любить в тринадцать лет? Или это просто у нас пока жизненные страдания?..

Катя А.

Я помню, что в детстве мы обо всем любили договариваться. По-моему, половина наших детских игр проходила в выяснении правил, условий и обязанностей каждого играющего. Мы договаривались обо всем на свете, в том числе и о наших отношениях, о дружбе, и, конечно, о любви. Я даже думаю, что именно в этом и состояло тогда главное удовольствие. Нам непременно хотелось определенности. Уж если слово «дружба» или «любовь» были произнесены, то всякая холодность казалась нам подлостью и преступлением, хотя, надо признаться, к собственным «изменам» мы относились куда более снисходительно.

И знаете, за много лет до нас (и до вас) было почти то же самое. Помните:

«Проходя мимо дома, где жил Джефф Течер, он увидел в саду какую-то новую девочку — прелестное голубоглазое создание с золотистыми волосами. Герой, только что увенчанный славой, был сражен без единого выстрела. Некая Эмми Лоренс тотчас же исчезла из его сердца, не оставив там даже следа. А он-то воображал, что любит Эмми Лоренс

без памяти, обожает ее! Оказывается, это было лишь мимолетное увлечение, не больше. Несколько месяцев он добивался ее любви. Всего неделю назад она призналась, что любит его. В течение этих семи кратких дней он с гордостью считал себя счастливейшим мальчиком в мире, и вот в одно мгновенье она ушла из его сердца, как случайная гостья, приходившая на минуту с визитом».

Кто этот «изменник»? Конечно, Том Сойер. И вам не приходит в голову вопрос, правильно ли он поступил. Том вообще-то нехорошо поступил, но мы охотно прощаем ему это. Почему? Потому, я думаю, что несмотря на «непостоянство» и всякие другие недостатки, которых у Тома предостаточно, он отважный, добрый и честный мальчуган. А кроме того, мы чувствуем, что с каждым из нас, увы, может произойти нечто подобное.

Итак, нас не любят. Разлюбили. И правильно там они поступили или неправильно, нам от этого не легче. Нам тяжело, грустно, а главное, обидно. Чего жаждет наше обиженное сердце? Мщения!

Обиженная девочка будет высказывать полное пренебрежение, презрительное равнодушие к недавнему предмету своей влюбленности и, наоборот, необыкновенную симпатию к некоторым другим людям...

Обиженный мальчик очертя голову кинется совершать геройские подвиги, которые должны показать, кого «она» лишилась и о ком когда-нибудь будет горько жалеть...

Любовь ли это? Катя А. так и спрашивает в своем письме: «Любовь ли это у нас или пока просто жизненные страдания?»

В груде писем, которая лежит передо мной, каждое второе письмо кончается подобным вопросом. Спрашивают: а в пятнадцать бывает? А в четырнадцать? А в двенадцать? А в тринадцать?

Когда мне было пятнадцать лет, летом, на берегу Черного моря я была безнадежно влюблена в одного курсанта. Все мне в нем нравилось, я с восторженным сочувствием слушала его историю о том, как он был посажен на гауптвахту за то, что, выскочив из строя, поддал ногой консервную банку. Он казался мне героем, этот курсант.

А четырнадцатилетний брат этого курсанта был не менее безнадежно влюблен в меня. Он разыскивал меня в лесу, где я бродила в мечтах о его брате, и дарил мне пригоршни светляков, которые потом до полусмерти пугали мою бабушку, расползаясь по комнате и светя могильным светом. Его мама жаловалась, что она не для того привезла своего сына на юг, чтоб он терял аппетит и худел из-за какой-то девчонки... Тем летом вся компания дачников (нашего возраста и помладше) играла в традиционную почту, и вокруг так и летали записки: «Я тебя люблю», «Я тебя тоже», «Я люблю другого»...

Скажите, зачем вам необходимо знать точное название чувства, которое вы испытываете? Если я отвечу вам, что любви в этом возрасте нет, разве вы перестанете страдать от неразделенного чувства, от уязвленной гордости, от обиды, от неудовлетворенного тщеславия, от непонятости?..

Поверьте мне, никакое точное определение не избавит вас от «жизненных страданий», как замечательно выразилась в своем письме Катя А. Эти «страдания» переживает каждый человек, способный чувствовать.

Катя пишет еще, что ей очень нравятся рассказы о дружбе и любви, что она учится по ним, «как поступать можно, а как нельзя».

Должна тебе сказать, Катя, что ни самые умные взрослые, ни самые лучшие книги не могут установить твердые правила, как поступать в каждом конкретном случае. Книги только прибавляют человеку душевных сил, необходимых ему для того, чтобы совершать прекрасные поступки.

Марина Рачко, журналист

Уголок весёлого архивариуса

ОН ВЫБРАЛ ХУДШИЙ ЖРЕБИЙ

Иван Сергеевич Тургенев приехал в маленький немецкий курортный город, чтобы отдохнуть, подлечиться и поработать над новым романом.

Местные обыватели: лавочники, отставные офицеры, домовладельцы — целый день толпились под окнами писателя, глазели на «руссише шрифтштеллер Тюргенефф», как на какого-нибудь слона из зоопарка.

На следующий день пожаловал сам бургомистр. Ему тоже хотелось посмотреть на знаменитого приезжего.

— Долго ли господин Тургенев намерен пробыть в нашем городе? — спросил бургомистр.

— Один день, семнадцать часов, четыре минуты, восемь секунд.

— Как вы можете знать так точно? — искренне изумился бургомистр.

Тургенев сделал таинственную мину.

— Вы, верно, слышали об ужасных русских нигилистах, которые делают бомбы и бросают их в царя и других важных персон. Я один из них. Я был арестован, судим. Царь приговорил меня на выбор: либо к двадцати годам каторги в Сибири, либо к четырем дням жизни в вашем городе. Я выбрал последнее и горько о том сожалею!

ВОТ БЫ ОБРАДОВАЛСЯ ГОГОЛЬ

Очень жаль, что Николай Васильевич Гоголь не смог присутствовать на представлении своей комедии «Ревизор» 14 апреля 1860 года в городе Петербурге.

Спектакль этот имел невероятный, совершенно особенный успех. Публика вызывала исполнителей несчетное количество раз и восторженно выкрикивала их имена. Вот как раз этим именам и обрадовался бы великий автор «Ревизора».

Дело в том, что в спектакле этом были заняты самые знаменитые литераторы России.

Городничего играл прозаик Писемский. Почтмейстера Шпекина — Федор Михайлович Достоевский. Хлестакова — поэт Вейнберг. И даже в самых малых ролях были заняты писатели. Загримированные купцами, на сцене появились: Григорович, драматург Островский, поэт Майков, критик Дружинин, издатель и журналист Краевский, сатирический поэт и переводчик Курочкин и Иван Сергеевич Тургенев.

Вот это была немая сцена!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СТАТУЯ

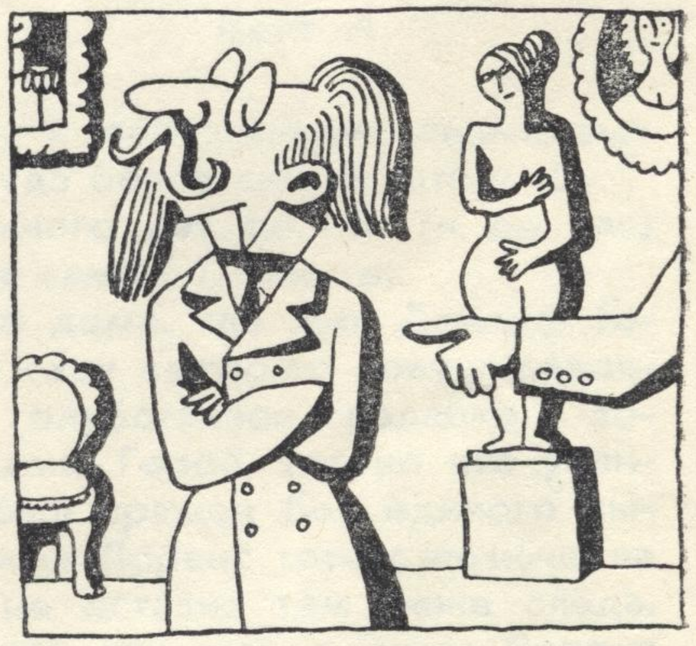
Однажды Иван Сергеевич Тургенев посетил богатый московский дом, где в этот вечер собрались литераторы. Друг Тургенева Григорович переводил его от одной группы к другой, зорко следя, чтобы на этом пути не попадались враждебные Тургеневу люди.

И вдруг прямо перед Тургеневым возник некий мрачный петербургский писатель, особенно неприятный Ивану Сергеевичу. Мрачный петербуржец демонстративно отвернулся, чтобы не здороваться с Тургеневым.

Растерявшийся Григорович взял Тургенева под руку и подтолкнул его к дверям.

— Пойдем, я покажу тебе одну замечательную статую.

— Ну, если такую же, как эта, — ответил Тургенев, кивнув в сторону мрачной фигуры, — то, пожалуйста, уволь.



Я сказал:

— Вот видишь!

Папа сказал:

— В-вижу! — взял себя за голову и стал ее раскачивать в разные стороны.

— Ну вот: а ты говорил — мал еще!

Папа даже раскачиваться перестал:

— Беру свои слова обратно, — сказал он. — А ну-ка, слезай со стула!

Я слез.

А папа достал новый лист ватмана, содрал мой, прикнопил свой и стал заново чертить рожицу.

Я говорю:

— Зачем тебе рожица?

— Какая рожица? — не понял папа.

— Ну, эта, — показал я на чертеж.

— Сам ты рожица, — сказал папа. — Это овал, овальная твоя голова.

Я сказал:

— Голова у меня круглая, а не овальная.

Папа засмеялся.

— Ладно, — согласился он. — Пусть будет круглая. Только чертежи ты мне больше не порть. Куплю краски — рисуй тогда, что тебе вздумается! — и он снова принялся за свой чертеж.

А я взял лист ватмана, положил на него голову и обвел голову „деловым“ карандашом.

У меня получился квадрат.

Ким Мешков
Рисунок Б. Семенова

Уголёк № 11

СОЛНЦЕ, ТОСЬКА И Я

Я иду, и вижу я:
шагает Тоська рыжая.
Она всегда обижена,
потому что рыжая.
А я иду, и вижу я,
что солнце тоже рыжее,
но вовсе не обижено
оттого, что рыжее —
веселое и яркое,
лучистое и жаркое.
— Эй, Тоська, эй, прохожая,
на солнышко похожая,
ну, стань совсем похожа,
заулыбайся тоже.

Александр Вратарев
Рисунок Б. Семенова

Как сделать «Уголёк», смотри в «Костре» № 1 за этот год.

СТРАННЫЙ КАРАНДАШ

Что за странный карандаш!
Он капризный, как девчонка.
Рисовать я стал шалаш —
получилась собачонка!
Что за странная картина?
В чем тут дело? Вот вопрос!
Я рисую арлекина,
а выходит пылесос.
Я рисую ягуара,
получается гитара.
И резвится карандаш,
веселится карандаш!
Он гуляет по бумаге,
просто делая зигзаги,
завитушки и виньетки,
ромбы, линии и клетки.
Но бывает, он, проказник,
вдруг устраивает праздник.
Вспыхнет солнце на странице,
запоют под солнцем птицы,
набежит волна на пляж...
Вот какой мой карандаш!

Морис Карем
Пересказала с французского
Р. Красильщикова
Рисунок А. Януса

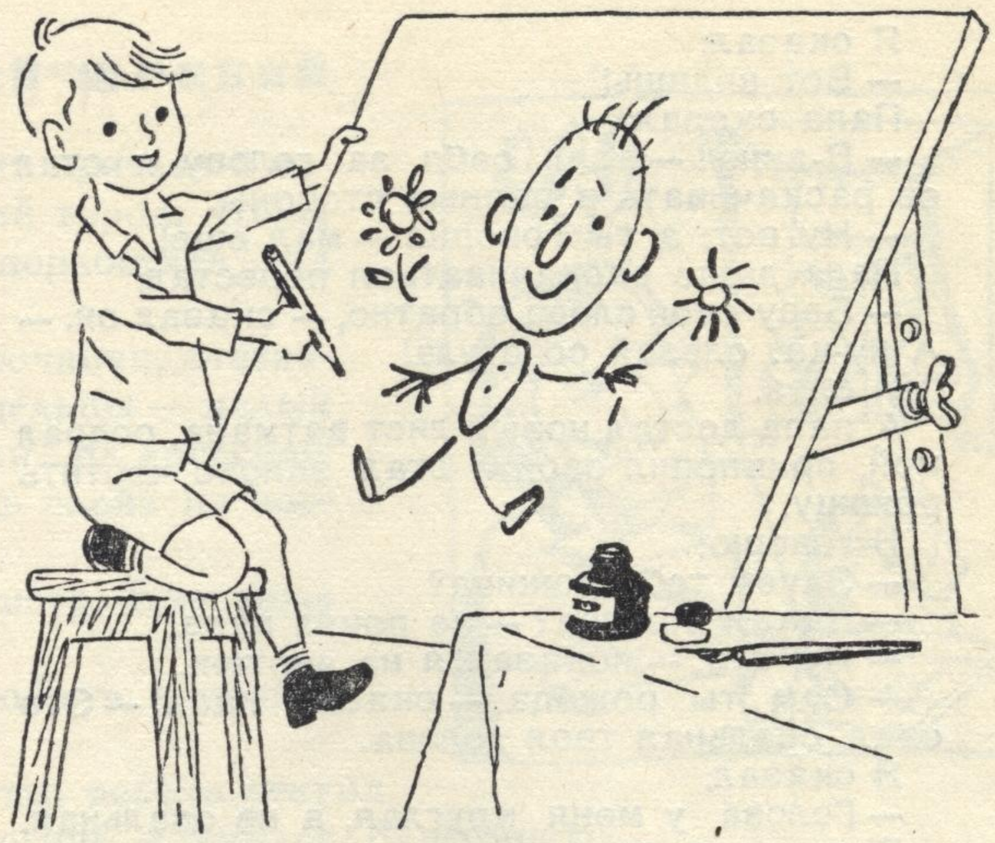
МАТРЕШКИ И КНИЖКА

Три матрешки
книжку взяли.
Три матрешки
так читали:
„Лешу икшубаб то я“, —
ничего не ясно.
„Лешу икшубаб то я“, —
бьемся мы напрасно.
Три матрешки почитали
и потом запричитали:
„Это просто чепуха —
оторвем обложку.
Эта книжка так плоха —
выбросим в окошко“.

— · —

„Я от бабушки ушел“ —
строчка означала.
Разве это хорошо,
не найдя начала,
оторвать обложку,
выбросить в окошко?

Л. Виноградов
Рисунок А. Януса



Тогда я взял и начертил рожице глаза, нос и рот. И уши рожице причертил.

Еще — руки... ноги... огуречек...

Вышел человечек!

И еще я начертил черта с рогами.

И еще цветочки разные.

Я мог бы и больше.

Но тут пришел папа, посмотрел на мой чертеж и сказал:

— Ах ты господи!

ОВАЛ

Мой папа студент. Днем он работает, а вечером учится.

Студенты тоже делают уроки.

Самые трудные уроки — чертежи чертить.

У папы много разных инструментов чертежи чертить. Целая готовальня.

И много-много больших листов бумаги, которая называется — ватман.

Еще у папы есть чертежная доска. А к доске ножки приделаны.

Папа свою доску никогда за шкаф не убирает — она так и стоит все время посреди комнаты. А мама ни за что его не ругает.

А меня ругает.

Если я игрушки по комнате разбросаю и не уберу — ругает.

Я сказал папе:

— Я тоже хочу чертить.

Папа сказал:

— Мал еще.

Я чуть не обиделся:

— Посмотрим! — говорю.

Когда никого не было дома, я взял красный толстый карандаш, папа называл его „деловым“, — придвинул к чертежной доске стул и взобрался на него.

К доске был прикреплен чистый лист бумаги — ватмана. Только посредине начерчена рожица какая-то: без глаз, без носа, без рта.

Больше на ватмане ничего не было начерчено.

АРЧЕБЕК

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „С ДОБРЫМ ШАХОМ!“

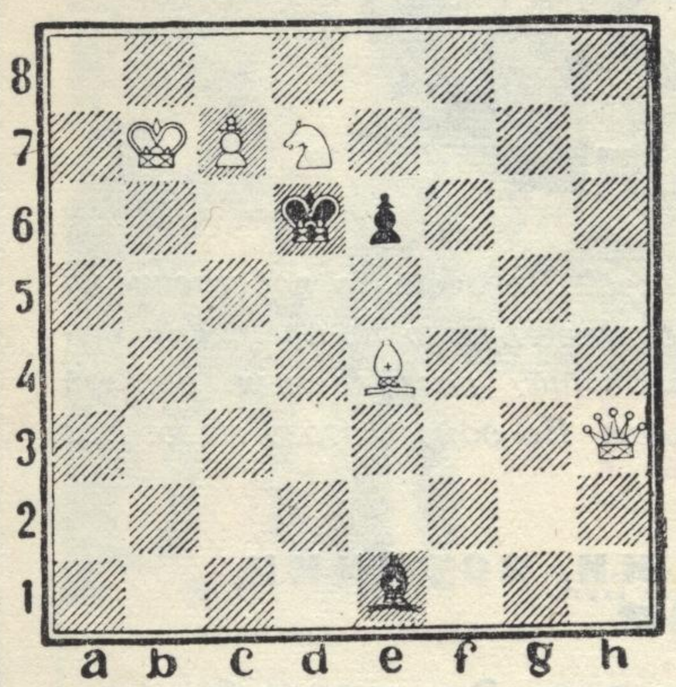
«Дорогой шахмат-адмирал Ферзьбери!

Я составил задачу и посылаю, чтобы ты ее напечатал. Ее не решили ни Кузька, ни Юрка, ни Васька. Правда, Кузька и Юрка играть не умеют, а Васька — наш кот, но это неважно Напечатай ее поскорее, пусть все узнают, что я составляю задачи. Белые: Крf8, Фh2, Сc1, п.d5; черные: Крf6, Кf4. Мат в два хода. Первый ход — I.Фh2 : f4+.

Твой верный рыцарь Сергей Седов».

С добрым шахом, мой верный рыцарь Сергей!

Не по-рыцарски обращаешься ты с черными в твоей задаче! Первым ходом отбираешь у них единственную фигуру и шах объявляешь, оставляя бедняге-королю только одно поле для отступления... Так уж



лучше просто возьми короля в руки да топором рубани и кричи «мат!»

Нет, мой рыцарь! В задачах должно быть не избиение, а борьба, и первый ход — красив, а не груб. А когда сразу же бьют фигуру черных, или объявляют убийственный шах, или начисто лишают защит от матовой угрозы — это грубо. Вот если не бить фигуру, а, наоборот, свою отдать — это по-рыцарски! Или же сделать первым ходом тихий (то есть без взятия) и безразличный на вид ход. А уж если белые первым ходом создают угрозу мата, то надо предусмотреть для черных несколько защит от этой угрозы.

Вот задачи на мат в два хода.

А. Белые: Крb7, Фf4, Сf8, п.c2; черные: Крb5, пп.a5, c5.

Здесь белые первым ходом создают угрозу мата. У черных есть три защиты, но при каждой возникает другой мат.

Б. Белые: Крh5, Фg8, Лb8, Кd4; черные: Крa1, Сb1, п.c2.

Тут белые первым ходом никакой угрозы мата не создают. Но тем не менее на любой ответ черных у них заготовлен мат.

В. (Смотри диаграмму)

А здесь конь белых уже стоит под ударом. Но своим первым ходом они подставляют и другую фигуру!

Реши эти примеры, рыцарь, обдумай их решения, и ты поймешь, каким должен быть первый ход в задачах.

Шахмат-адмирал ФЕРЗЬБЕРИ

СООБЩЕНИЯ ТАШШ

(телеграфное агентство шахматистов и шашистов)

Из штаба при главнокомандующем АРЧЕБЕКОМ передают: все почетные знаки, полученные на марше, должны быть срочно присланы на имя шахмат-адмирала Ферзьбери для **подсчета очков, присвоения разрядов и награждения призами.**

* * *

Шахмат-адмирал Ферзьбери объявил новый набор в свою Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток. Вступать в АРЧЕБЕК могут — 1) шахматисты, 2) шашисты, 3) новички, не умеющие играть. Все вступающие под знамена Ферзьбери должны указать имя, фамилию, класс, адрес и пометить на конверте «АРЧЕБЕК».

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Решения к приказу № 7

Этюд Рети. Как ни удивительно, но белые могут спастись — 1. Крpg6 Крpb6 2. Кр: g7 f5 3. Крf6 f4 4. Крe5! f3 5. Крd6 с ничьей. Не выиграют черные и другими ходами. Убедитесь! **Задача Алеши Ульдина (Макушино)** — 1. Фb6! **Задача Жени Ваулина (Колобовка)** — 1. Сa3! f6 2. Крpb4!

Для рыцарят. 1. Крpc8 (выжидательный ход) a6 2. b6 и так далее.

Комбинация Лени Сойфера (Харьков). 1. f2—e3! 2. d2—c3. 3. b6—a7X.

Две комбинации Бори Шавердяна (Тбилиси). А. 1. c5—b6! a7 : e3 2. h2—g3 3. g3—h4X. Б. 1. e3—d4! 2. a5—b6! 3. a3—b4 4. a1—b2 5. e1—d2X.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличнсе и быстрое выполнение приказа № 7 представлены к награде· *Алексей Белов* (ст. Киреметь), *Володя Монахов* (Кострома), *Саша Вислоцкий* (Кривой Рог), *Жора Миньковецкий* (Дубляны), *Ваня Васильев* (Кобрино), *Валерий Ахременко* (Шаровичи), *Леня Степанец* (Шаровичи), *Юра Картовицкий* (Ленинград).

Чем заниматься юным спринтерам зимой? Не очень-то побегаешь на скорость, когда повсюду лежит снег. Конечно, нужно по-прежнему выполнять комплексы специальных упражнений, рассылаемых школой «Спринт», тренироваться по зимним планам. Но одного этого мало. Вот наши дополнительные задания.

КАК ВЫБРАТЬ ЛЫЖИ, БОТИНКИ, КОСТЮМ

Для начала заведи себе прогулочные лыжи. Они должны быть широкими и не очень тяжелыми, не иметь продольных искривлений и поперечных перекосов.

По длине лыжи должны достигать уровня пальцев вытянутой вверх руки. Удобно, когда палки доходят до подмышек, имеют рукоятки с петлями и прочно укрепленные кольца внизу.

Лыжные ботинки выбираются на 1—2 номера больше повседневной обуви, чтобы можно было надеть шерстяные носки и положить стельки. Верх и подошвы ботинок нужно пропитать специальной мазью или любым жиром.

Одежда лыжника должна быть легкой, теплой, удобной и красивой; к ней не должен прилипать снег. Байковые костюмы не очень подходят для этого. Лучше надевать узкие шерстяные трикотажные брюки, свитер и куртку из водоотталкивающей ткани. Обязательно надевай также нижнее белье, желательно шерстяное. На голову — шерстяную вязаную шапочку, на руки — варежки.

ПОКА ЛЕЖИТ СНЕГ

Соревноваться зимой можно не только на лыжах и коньках. У народов, живущих в северных районах нашей страны, есть немало интересных игр, которые проводятся на снегу.

В Якутии на праздниках оленеводов проводятся состязания «ЗАЯЧЬИ ПРЫЖКИ». На утоптанной снежной площадке надо совершить подряд без остановки одиннадцать прыжков одновременно двумя ногами. Побеждает преодолевший наибольшее расстояние.

На Дальнем Востоке у многих народностей популярны состязания «НАНАЙСКИЕ ГОНКИ». В гонках участвуют пары: бегуны обхватывают друг друга за пояс и в таком положении пробегают 50 метров сначала в одну сторону, а затем обратно. В результате каждому из спортсменов половину дистанции приходится преодолевать спиной по направлению движения. Соревнования проводятся по ровной утрамбованной снежной дорожке.

КРУГЛЫЙ ГОД

Тем, кто не успел провести состязания на приз журнала «Костер» в беговой эстафете 8×50 м, советуем устроить подобные же соревнования на лыжне. Все условия состязаний остаются прежними (см. «Костер» № 4 за 1967 год). Меняется только дистанция — она увеличивается ровно в десять раз — до пятисот метров.

Итак, все на старт лыжной встречной эстафеты 8×500 м!

Библиотека КОСти ТЕРкина

Как Володя Ульянов стал Владимиром Ильичом Лениным — вождем нашей партии, главой нашего государства?

Ответ на этот вопрос дают книги, обложки которых изображены здесь.

В повести **«Детство на Волге»** Ар. Рутько рассказывается о семье Ульяновых, о детских и гимназических годах Володи Ульянова.

Книги **«Первая Бастилия»** Юрия Яковлева и **«Студент Владимир Ульянов»** Б. Волина посвящены учению в Университете и первым революционным шагам юного Владимира Ильича.

О жизни в Шушенском, где молодой Ленин и Надежда Константиновна отбывали ссылку, говорится в повести М. Прилежаевой **«Удивительный год»**.

С деятельностью Владимира Ильича в трудный период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания знакомит писательница З. Воскресенская в своей повести **«Утро»**.

В сборнике Л. Радищева **«На всю жизнь»** собраны рассказы, относящиеся к разным периодам жизни В. И. Ленина.

«Сердце матери» З. Воскресенской — это рассказы о замечательной женщине — Марии Александровне Ульяновой, матери Владимира Ильича, которая всегда была лучшим другом своих детей.

Эти рассказы и повести помогут представить тебе, каким был Ленин мальчиком, юношей, как развивались и вырабатывались те черты характера, которые мы называем ленинскими.

Эти книги вышли недавно в издательстве «Детская литература». Их можно получить в школьных и городских библиотеках.

На четвертой странице обложки рисунок Г. Ковенчука

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Рукописи не возвращаются

Художник-редактор *Ю. П. Мезерницкий*

Технический редактор *А. А. Двораковская*

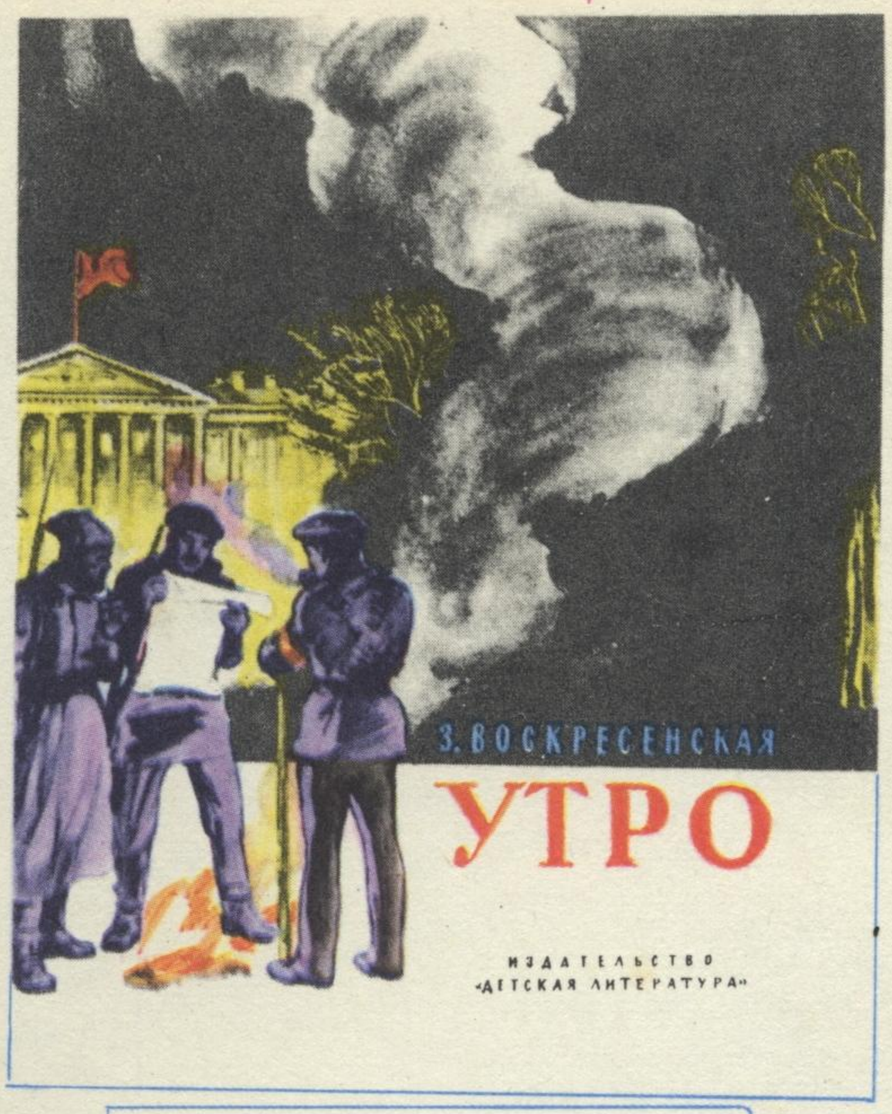
Корректор *В. А. Маевская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-43511. Подписано к печати 8/X 1968 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 8 + 1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. Тираж 330 000 экз. Заказ № 1413 Цена 25 к.

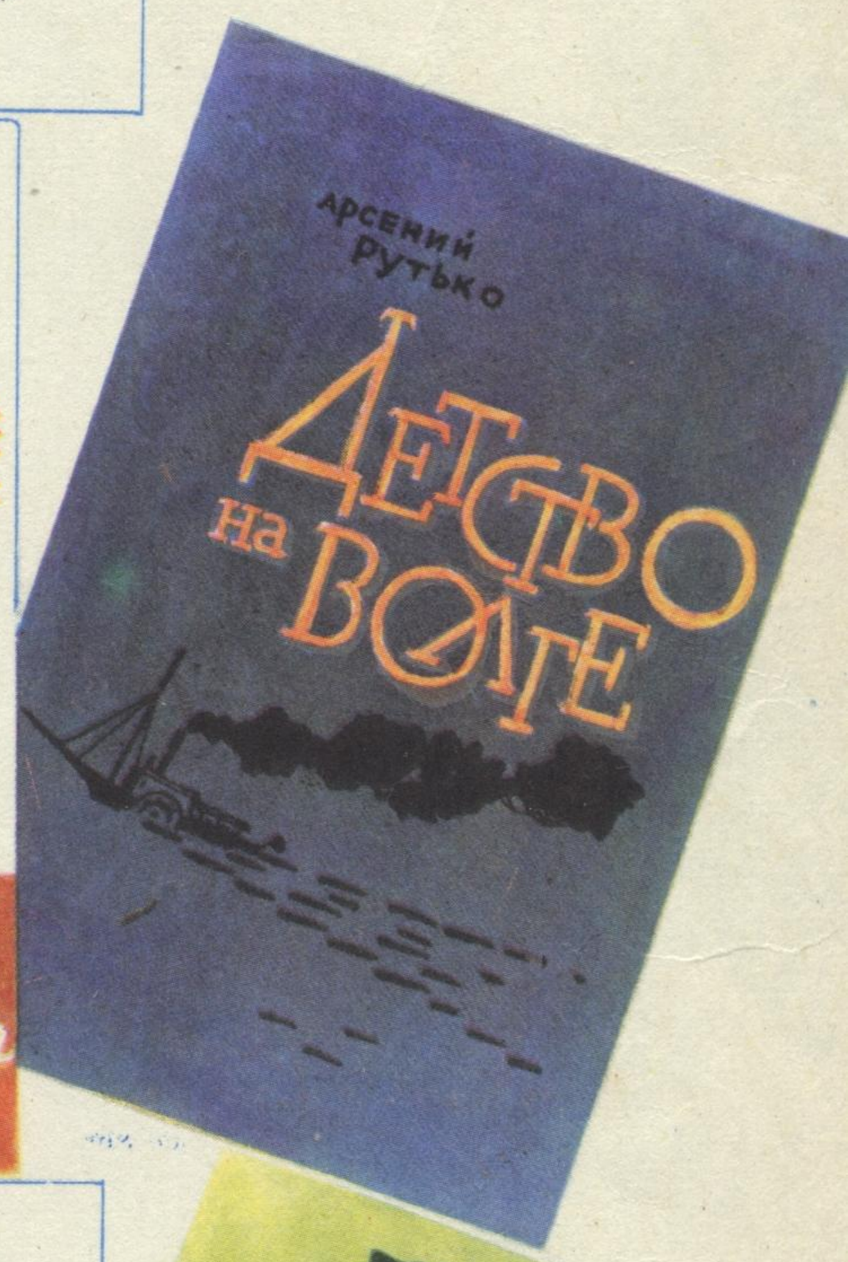
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.


З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ
УТРО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Леонид Радищев
НА ВСЮ ЖИЗНЬ
Издательство «Детская литература»

Юрий Яковлев
Первая бастилия
Издательство „Детская литература"


Арсений Рутько
Детство на Волге

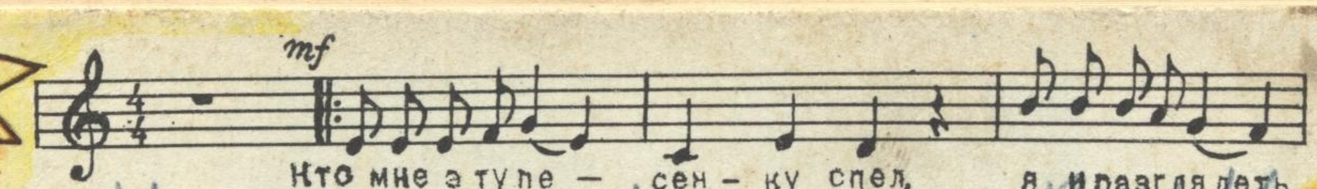
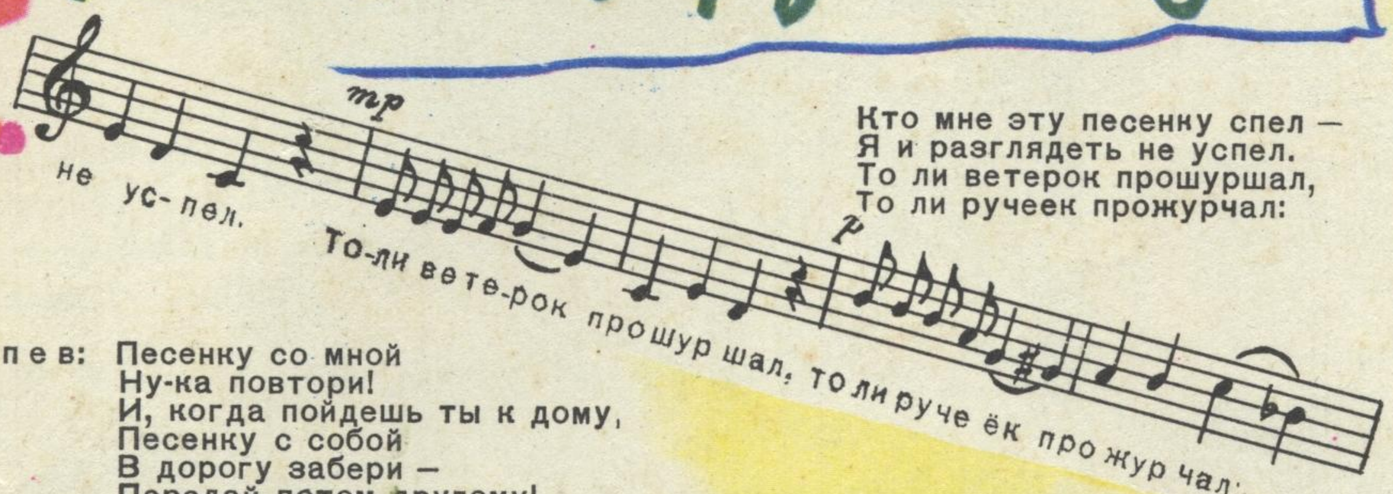
Б. Волин
Студент
Владимир Ульянов
ДЕЛО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

М. ПРИЛЕЖАЕВА
УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГОД
Издательство детская литература

З. Воскресенская
СЕРДЦЕ МАТЕРИ
„Детская литература"

Устиновский прогд 8 кл
Варя

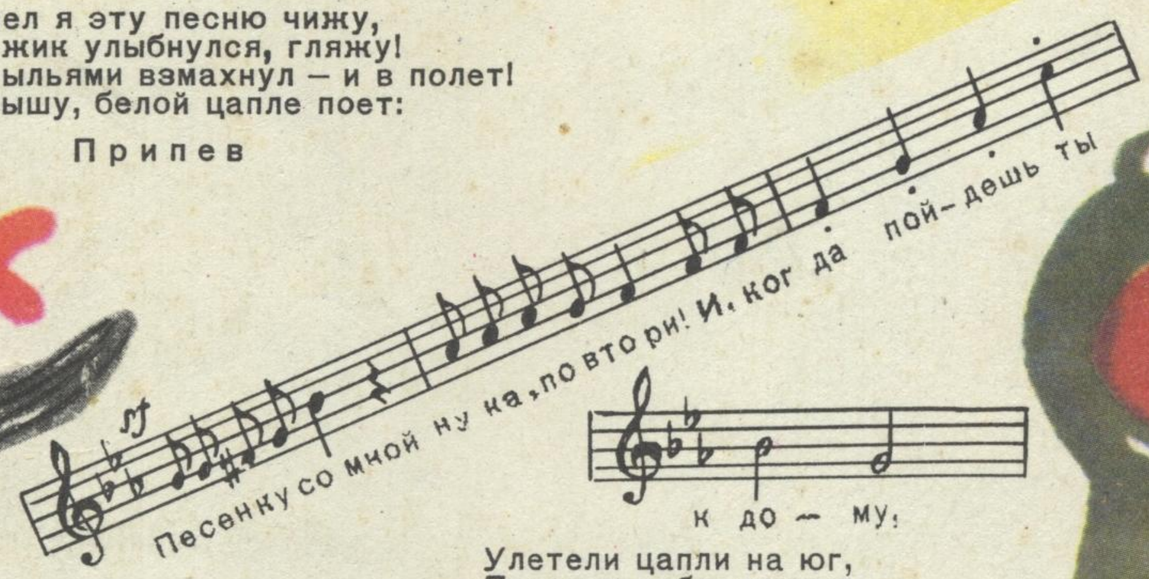
СЛОВА В. СУСЛОВА МУЗЫКА Ф. БРУКА

Передай другому

Кто мне эту песенку спел —
Я и разглядеть не успел.
То ли ветерок прошуршал,
То ли ручеек прожурчал:

Припев: Песенку со мной
Ну-ка повтори!
И, когда пойдешь ты к дому,
Песенку с собой
В дорогу забери —
Передай потом другому!

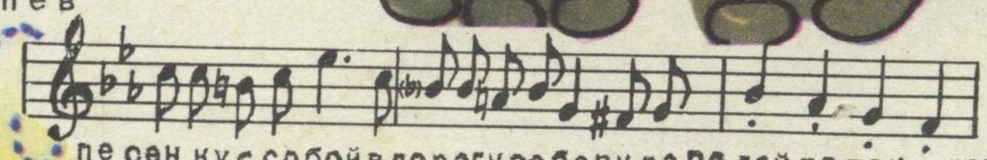
Спел я эту песню чижу,
Чижик улыбнулся, гляжу!
Крыльями взмахнул — и в полет!
Слышу, белой цапле поет:

Припев

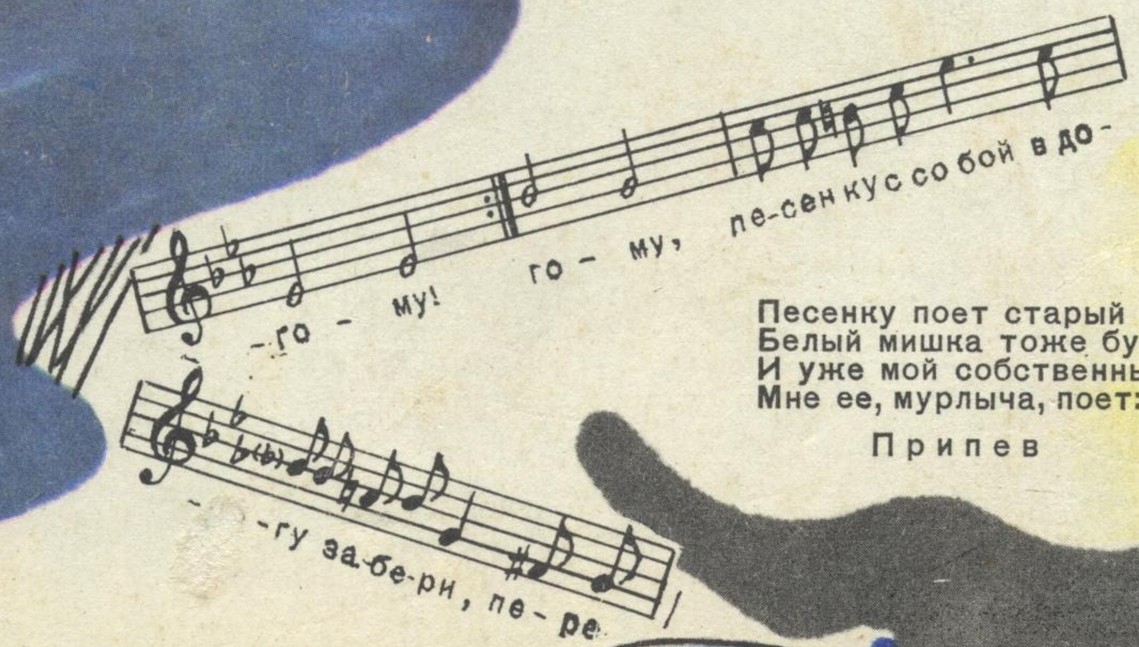


Улетели цапли на юг,
Песенку забрали мою.
Может быть, слону бегемот
Где-то в диких джунглях поет:

Припев



Слон акуле песню отнес —
Слон ее растрогал до слез!
По волнам плывет кашалот
Кашалот дельфину поет:

Припев

Песенку поет старый кит,
Белый мишка тоже бубнит.
И уже мой собственный кот
Мне ее, мурлыча, поет:

Припев